

Виктор Козлов

14.89
12.59

МЕТИОНЦЫ- ЭТО МЫ

М/ 91

74

26.89(253.3)
K 59

1. Связи

Виктор Козлов

(Вместо предисловия)

Приветствую читателей и - в первую очередь - тех, кто интересуется поэзией и прозой Виктора Козлова. Я должен сказать, что автор книги родился около двух десятков лет назад в Гданьске - как старинном портовом городе, так и центре одного из лучших региональных издательств Гданьска. Но еще раньше, в 1930-е годы, поэт еще и студенческие годы.

МЕГИОНЦЫ - ЭТО МЫ

Очерки и стихи
(книга I)

(11) - 6304 - 42039

Можно цитировать и дитировать...
Жизнь - из "тебя" - романтических! - времен! Хотя, может быть, не поколение мое. Почему я так говорю? Да потому, что эти строки из его стихотворения на торцах первых пяти страниц.
И ведь об этом забываем! Живем рядом с людьми, которые, как хороший ребенок, о себе не напоминают. Рядом. Дети не плачут - матери не забывают.

г. Нижневартовск
1997 г.

AB

Мегиснская
ЦБС

*"Я знаю - солнце померкло б,
увидев
наших душ золотые россыпи!"*

В.В.Маяковский

І. Связь времен

(Вместо предисловия)

Представляя читателям - и в первую очередь мегионским читателям! - новую книжку мегионца Виктора Козлова, я должен сразу же оговориться: автора книги я знаю около двух десятков лет по совместной работе в Главтюменьгеологии - как главного инженера экспедиции, главного технолога объединения, как одного из лучших рационализаторов и изобретателей Главка... Но еще раньше я его узнал как поэта: еще в студенческие годы!

"...это здорово, правда? -
очутиться в Тюмени
вот в такой же весенний
ослепительный день...
И почувствовать заново
запах сирени
и увидеть сиренево-синюю тень?.."
Так и хочется вспомнить свою молодость:
"Это здорово, правда? -
шагать по асфальту
в остроносых ботинках,
легко - как босой!
Так и хочется сделать
на улице сальто
или просто пройтись
по земле колесом!"

Можно цитировать и цитировать...

Я сам - из "тех" - романтических! - времен! Хотя, может быть, на поколение моложе. Почему я так говорю? Да потому, что видел строки из его стихотворений на торцах первых пятиэтажек!

И ведь об этом забываем! Живем рядом с людьми, скромными, которые, как хороший ребенок, о себе не напоминает и радуется: "Дитя не плачет - мать не разумеет!"

Стихи Виктора Козлова - прочтите книжку "Теплынь", изданную, к стыду нашему мегионскому, - Администрацией Нижне-

вартовского района, - отражают Время! В них - наша жизнь, мгновенная и протяженная в будущее.

"...Сибирь, как новую планету,
должны освоить мы с тобою,
не занеся с собой микроба
наживы, рвачества и злобы!"

Этим строкам - более, чем тридцать лет! И вообще, это его стихотворение - "Новая планета", образно, нефтяная Сибирь, - это было поэтическим предостережением "покорителям" Сибири шестидесятых годов, и грядущим: нужно нежно, грамотно - с точки зрения и натуры, и души, - как к освоению новых миров и планет, отнестись к освоению, а не покорению Сибири...

Жаль, что мы не вняли предостережению поэта вовремя... И теперь приходится платить дорогую цену за "доблестное" покорение!

"От Волги, Дона, Ак-Идели
в края суровые Югры
по зову сердца мы летели...
Мы были честны и добры...
...на что сейчас Югра похожа!
Ну как тут сердцу не зануть!
Хоть в этом нашей нет вины,
но - "все же, все же, все же, все же..."

Вот он, результат коллективной безответственности!

Чего душой кривить: поразил нас этот всемогущий микроб корысти и зависти, поразил! И надо думать о том, как от него избавиться.

Этому, по сути, и посвятил свои очерки Виктор Козлов.

В очерках, представленных в сборнике, автор пытается найти причину, которая ослабила наши организмы и души, разрушила природный наш российский иммунитет против зла: "наживы, рвачества и злобы".

Причина - в лотере связи времен, родственного древа, корня, родовой чести. Это последствие того принципа, который годами насаждался: сын за отца - не отвечает.

И, конечно, чисто физический обрыв корней: в результате ли репрессий, в результате ли голода - следствия коллективизации

и коммунизации села, деревни... Прочтите: у многих героев очерков неизвестны деды, прадеды. Их генеалогическое древо - всего два поколения! Но разве это - правда?

Взять любого сибиряка... волжанина... У кого деда-бабку, как раскулаченных, или хуже того - белых в свое время не свели со света, - по крайней мере, род можно проследить хотя бы до екатерининских времен, - первых переселенцев на новые земли: в Поволжье, в Башкирию или Сибирь.

Мой род - Горбатовых - идет из поволжских казаков по одной линии, по другой - далеко на запад... У жены - тоже интересная родословная. Очерки Виктора Козлова задевают тем, что он в каждой душе рядового мегионца отыскал своеобразную золотинку, и тем, что пытается восстановить связь времен: родословный корень каждого героя. Я тоже почувствовал потребность: при первой возможности восстановить свое родовое древо. И другим рекомендую.

Мегион - наша малая родина. Для приехавших когда-то. И для родившихся уже здесь.

Какая радость была для тех, из первого поколения, получить квартиру со всеми удобствами в двухэтажке!

Теперь их презрительно называют в газетных даже объявлениях: **деревяшки!**

И вот здесь я вновь процитирую одно коротенькое стихотворение Виктора Козлова:

"Деревяшки ль вы мои, деревяшечки!
Поскрипушки ль вы мои, продувашечки!
Тридцать лет как нет -как мгновение.
И - другое уже поколение!
Свой всему черед и всему свой час:
Нас - на пенсию,
 под бульдозер - вас...
...может, станете вы -
 фазендою,
ну а мы, даст Бог, мы -
 легендою..."

...Конечно, Мегион сейчас - новый город!

И сколько сделала для этого Администрация города - люди сами расскажут. В том числе и специалисты. А в этой книге рас-

сказывают о себе и о городе - соседи автора, знакомые его из той категории скромных тружеников, которые как-то выпадали из поля зрения и начальства, и средств массовой информации, - не звезды и не маяки... Люди, которых автор в одном из стихотворений назвал опорой державы!

"На таких мужиках: простоватых,
некрасивых, чумных, рябоватых...
Чуть поддатых, заросших, кудлатых,
На угрюмых, сноровистых, хватких...
В кирзачах, в телогрейках, халатах...
На любителей правды несладкой...
Молчаливых, пытливых, смешливых,
совестливых до рези в глазах, -
на святых! -
еще держатся нивы
и заводы в больших городах!"

Половина очерков - о наших милых и прекрасных мегионках, о тех, на ком лежит основное бремя по поддержанию связи времен: воспитанию поколения, которое от наследия предков не отрешится.

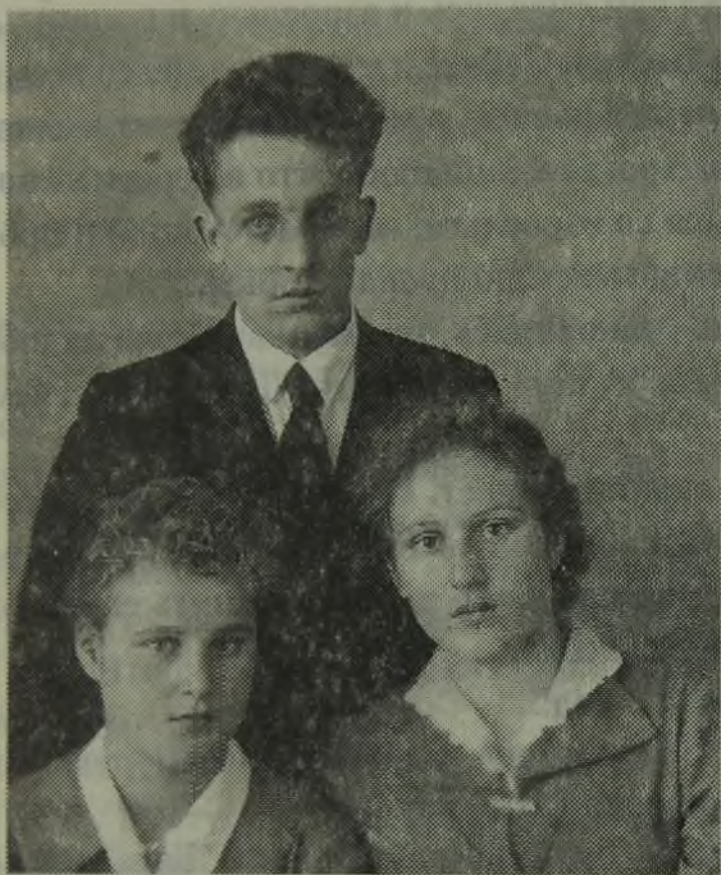
Пожелаю автору вдохновения и здоровья, дабы продолжить успешно начатый труд, а мегионцам - благополучия и процветания.

Мегионцы - это мы!

*Егор Горбатов,
мэр города Мегиона
30.09.96 г.*

II. Здравствуй, сосед!

САША. ВНУК НЕЗНАКОМКИ?

Родился я в селе. И большую часть жизни квартировал в одноэтажной Расее, в той, где слово "сосед" - одно из самых ходовых было.

Как привычно звучало в детстве материнское: "Сбегаю до соседки"... "Угощу соседей"... "Позову"... " Попрошу"...

В трудные времена без соседа - хоть помирай!

В Малыш свке, помню, уже в послевоенное время, за чем только к соседям не "бегали"! За солью... За жаром (спичек-то, как сейчас, не доставало)... За закваской (хлеб пекли свойский!)... За шилом, мылом, кадочигом! И реже всего - за деньжатами...

Сызмала воспитывалось и уважительное отношение к соседу: поздоровайся с соседом первым, сердечно, почтительно... Издали, бывало, увидев даже незнакомого, снимешь фуражку и, не доходя, первым здоровкаешься. На улице ли, на полевой ли дорожке - взрослый ответит тебе, а то и остановится, руку пожмет, как ровне, спросит: "Из чьих будешь?" и погладит по макушке или потреплет ласково вихор...

В город переехал я в двенадцатилетнем возрасте и растерялся: народищу-то! Как тут всех запомнишь?... Поздоровкаешься как?

Со всеми, не со всеми, но во дворе, по крайней мере, я здоровался со знакомыми и незнакомыми, да и на улице, когда толпа редела, тоже не упускал возможности сказать: "Здрассте вам!".. - над чем смеялись и взрослые, и пацаны...

Впрочем, отвык быстро. Сейчас и в подъезде не со всеми здороваюсь: с бабками да с ровней, а молодежь - мчит молча: ну и пусть катится, не трогает! Забылось, что в деревне - попробуй не поздоровайся со взрослым: ославят! А иной и пристыдит тут же: хоть сквозь землю проваливайся...

Чем лучше жизнь становилась, тем меньше была надобность в соседи: свое есть, "А нет - так купим! Да получше, чем у соседа".

Сосед, конечно, всякий бывает. Он не жених, не невеста: его, как правило, не выбирают. Можно сказать, он богоданный, как река, лес, солнце и ветер. И принимать его надо как данность: доброжелательно.

Итак: "Здравствуй, сосед!.."

"Здорово, сосед!" - как обычно, окликнул меня Шурик... то есть Александр Владимирович Маметьев.

Я обернулся и обмер - будто впервые увидел: "Блок! Александр Блок!.."

- Ты че, сосед? Здорово, говорю! - повторил Шурик глухим, приятным голосом. - О чем задумался?..

Я механически поздоровался, а сам продолжал рассматривать его, пораженный открытием: "Вылитый Блок!.. Как я раньше не обратил на это внимание? Удлиненное лицо... Глаза чуть навывкате... светлые... Нос горбинкой... Красивый излом крупных губ... Густые волнистые волосы... Подбородок... Низковат, правда... Худ, даже щупл, но строен... Уж не внук ли блоковской "незнакомки" - прекрасной Дамы?..

- Шурик, скажи, ты не из Ленинграда, случаем? - осторожно спрашиваю я его...

Впервые я увидел его в Ваховске осенью 78-го года.

Тогда, в очередной раз, началась "централизация" и "специализация". И нашу экспедицию подчинили объединению, созданному на базе соседней. Во вновь организованной надстройке появились соответствующие службы, и они начали действовать, то есть посягать на наши, производственников, права: вмешиваться в работу, требовать обширной и постоянной информации, дополнительной отчетности. Отношение к новому начальству, сами понимаете, было всякое...

О приезде представителей по связи и транспорту я был предупрежден радиогаммой начальника объединения (тогда еще они не назывались генеральными директорами). Права "соцпредприятий" тогда от нас еще не отняли, и к этой вышестоящей инстанции относились мы без подобострастия.

В тот день, выезжая с берега, где шла разгрузка последних в эту навигацию лихтеров, я увидел наш (пока еще "наш"!) "Урал" узла связи, заворачивающий на площадку ВВ.

- Что они там потеряли? - полуспросил я начальника БПО, сидевшего рядом в кабине.

- Щщасс... разберемся! - понял тот.

..."Выступить", как некоторые, эти представители объединения не стали. - Не хотели отрывать вас от дела, - объяснялись они, - мы же здесь не впервые! Сразу, напрямую со своими службами стали работать. Так оно, конечно, надо было представиться...

Вот так натянуто познакомился я со своим будущим соседом.

Вскоре меня перевели в Мегион, в это самое объединение, и мы стали работать с Шуриком - так его за просто звали в неофициальной обстановке - под одной крышей.

В Мегионе я тогда бывал редко: большую часть времени проводил в подшефной "суперэкспедиции", мотался по "сложнякам". Но время от времени с Шуриком сталкивался: он был "профбоссом" аппарата объединения, а я - "профпассивом": вечным за-

должником по взносам (тогда еще взносы собирали) и редким участником "мероприятий". Поэтому, едва "нарисуюсь" в конторе, Шурик на субботник приглашает или еще что. От "или еще чего" я отбояривался, а на субботники ходил: и в ночь на разгрузку картошки, и на новый корпус объединения, и на уборку базы отдыха... Шурик в энцефалитке, шевелюра открыта или под беретом... Голос громкий... Прибаутки сыпет щедро. А к концу работы и "оргработу" проведет: мы сбросимся, а он еще у "спонсора" (орса или другого заказчика) спроворит "чего ни то".

Симпатии ко мне особой - я это чувствовал - он не испытывал, но был, как и с остальными, ровен, приветлив, даже уважителен.

За эту ровность, я бы сказал, корректность, его приставляли нередко ко всякого рода делегациям, из нынешнего "ближнего зарубежья" приезжавших по обмену опытом или взаимопроверкам и пр. Однажды он курировал экспедицию Географического общества, уточнявшую местоположение географического центра Союза, соорудившую новый Знак центра; за содействие Шурик был позже удостоен медали общества.

Прежде, в экспедиции, я имел огородик и привык, особенно дети, к своей картошке. Почти два года промаялся на покупной. И когда стали ("в развитие выполнения положений продовольственной программы..." - только так, не иначе!) выделять участки под огороды, я тоже взял две сотки: выжег бурелом, расчистил, но сумел посадить не больше половины да и поздно (торчал в "подшефной" экспедиции), а Шурик освоил приличный огород, обиходил его... Осенью, как гномик, в своей энцефалитке, он таскал к машине мешки больше себя величиной...

- Ну даешь, Шурик! - восхитился я. - А куда тебе столько? Торговать будешь? - подначил его.

- Дак семья ж у меня! Семь - я...

Поэтому и квартиру он получил самую большую на площадке - трехкомнатную.

В гости к нему не ходил, поэтому всех членов его семьи толком и не знал: познакомился с его отцом, ветераном войны, с же-

ной его Любой сталкивались на площадке или в подъезде: "Здравствуйте! - улыбнулись и разбежались; дочь Женя изредка проскандирует: "Здрав-стый-те!"... Да и с Шуриком: "Здорово, сосед!", "Привет, привет! Как жизнь?". "Ниче, по маленькой!". "Ну будь!". "Счастливо!.." - и разбежались по рабочим местам или квартирам.

Все свое. Чего нет - пошел, купил. Зачем он, вроде, сосед-то?

Если, конечно, запасные ключи оставить на всякий случай. Позвонить, если у тебя телефон неисправен. Да и все.

- Так не из Ленинграда ли ты? - повторяю вопрос.

- Я-то? - Шурик притормаживает. - Из Ленинграда. По справке - да. Оттуда вывезли. А че?

- Как - по справке? - не понял я сначала. - А-а! Так ты - сирота? Тебя по "дороге жизни" вывезли?.. Ну-ка, ну-ка, расскажи подробнее...

- Давай, сосед, в следующий раз... Устал: с дежурства...

И только уже на следующий год у нас продолжился разговор.

- Так по льду вас вывезли или как? - пытаю его.

- Не... Осенью сорок первого. Так в справке. А что на машине - хорошо помню: тряско было! Вывозили кого? У кого родители погибли, наверное. Не знаю, главное - вывезли!

- Ленинград осенью же еще не был окружен?

- Не знаю! Я тогда че понимал? Вот когда привезли в Зырянку - в Томской области это - в детдом, помню: белый хлеб дали, с маслом - это хорошо помню! Белый хлеб помню... И с маслом...

...В это время я уже, верно, белого хлеба не видел: сидел на картошке да капусте, а позже и хлеб из лебеды пришлось есть, и щи зеленые из той же лебеды - пустые, без хлеба и картошинки. Но я жил с матерью! И не напрасно, видать, пугала нас, неслухов, она: "Загоните вот в гроб, отдадут вас в детдом: с голоду-то не подохнете - накормят-напоят вас, а вот пожалеть-то будет некому..."

-Мать-отец-то, хоть во сне, не являлись ли?..

- Не-а!

- Ну а вообще, из того, ленинградского, помнишь что-нибудь? Ощущения какие-нибудь: вкусное, приятное? Запахи?

- Не-а!.. Вот подвал будто бы... Двор какой-то... Ночь... Вроде бомбоубежище. Перестук колес еще. И запах кислых щей... Ага, кислых щей - помню.

Он дает мне свой семейный альбом...

"Бог ты мой! Ну я же видел это лицо: давно, школьником, поразило оно меня своей неземной отрешенностью и загадочностью!.."

"Да, скифы мы!.."

- Говорили тебе, что ты похож на Блока?

- Вообще-то было дело. Похож будто.

- А к Ленинграду... родственное чувство не испытываешь?

- Не-а! Зачем? Я ж Зыряновку родиной считаю. Это Томская область. Детдом. МОЙ ДОМ! Там меня выходили. Там, в Зыряновке, я мир осознал. Там меня и мамка нашла, Евдокия Титовна...

- Ты ж говорил, что сирота!

- Ну! Сирота. Нас же, сирот, тогда и разбирали кто мог: мамки - так их и звали. И мы их ждали. А чтоб к хорошей мамке попасть, старались: аккуратно вели себя, были чистыми, понравиться чтоб! Вот - мама Дуся, Евдокия Титовна то есть, так ее звали, и выбрала меня. Папка-то, Владимир Анисимыч, на фронте был. Он ведь со срочной службы, с сорокового года, на фронт попал и без продыху до сорок четвертого воевал... А там уж, в сорок четвертом, под Ленинградом... Да!.. Это когда от Ленинграда в наступление, к Риге пошли, - инвалидом стал: руку потерял да и вообще - изранен был. Мама Дуся и показала: вот, грит, и сынок у нас! Вот и зажили дальше... Нормально жили!

А потом че?.. Че: как у всех! Кончил ПТУ связи. Отслужил в армии. Работал. Женился. Детей растил. Работал. Внуков вот рощу...

Шурик смеется, щурит голубые, со светлой дымкой, туманной белых ночей большие глаза, лыбит крупные зубы...

Я перебираю фотóграфии в его семейном альбоме...

"Похож... Вылитый - не вылитый, но - похож!"

- Расскажи хоть, как познакомился со своей прекрасной Дамой, как женился на Любе?

Улыбается Шурик, мой сосед, щурит блоковские глаза, а в горле его мелодично катаются округлые гласные и ласковые согласные (сплошные аллитерации!): - С Любой-то? Любе осенью сказал: в марте на тебе женюсь! И поженились! Прошлый год юбилей был - тридцать лет! Ну!.. Я ж ее сызмальства знал. Считай - всю жизнь вместе...

...Хотел я сказать и о том, что Шурик трудолюбив, как кулак, в хорошем смысле этого слова, сноровист и добропорядочен, что мужественно переносит обиду: заболел в прошлом году - его и сократили, досрочно на пенсию отправили, и сейчас ни зарплаты, ни пенсии - когда-то улита бумаги снесет да оформит! - ни слова об этом мне не сказал, не пожаловался...

Поэтому закончу такими его словами: "Сейчас-то? Сейчас жить можно! Так бы и жить: слышь, что внучка кричит? "Де-да!" Это меня. "Лю-ба!" Это бабку - Любу, то есть. Есть разница? Как подругу - "Лю-ба!" "Любо, братцы, жить!..."

Шурик смеется, щурит голубые, с северной дымкой глаза...

А я вдруг подумал, что опять блоковские на дворе времена!

"Двадцатый век...

Еще бездомней,
еще страшнее жизни мгла,
(еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
...И отвращение от жизни,
и к ней безумная любовь,
и страсть и ненависть к Отчизне...
И черная, земная кровь
сулит нам, раздувая вены,
все разрушая рубежи,
неслыханные перемены,
невиданные мятежи..."

ДОРОГА НА ХАРАМПУР

От автора. И хоть это рассказ о конкретном человеке, Афанасии Дмитриевиче Бондаре, о сибирском топографе, которому недавно от имени главы областной администрации, в связи с 50-летием Тюменской области, было выслано благодарственное письмо, - я посвящаю его всем моим знакомым и незнакомым "топикам" и геодезистам, с которыми сводила меня судьба на юго-западе Башкирии, под Сургутом и Усть-Балыком, под Надымом и Газ-Сале, под Ваховском и Мегионом... и под другими широтами и долготами этого полушария!

I

"Ах, топографы, "топики"!

Кругом тайга -

ни дороги, ни тропки.

Трудно шагать.

Болотная каша

Хлюпает, тинится...

Зато под елью

ресторан и гостиница.

Ветки пихтовые

нежны, пахучи,

орехи кедровые

вкусны - нет лучше.

Болота топки,

тайга густа...

Идут "топики",
чертовски устав.
Теодолит, как винтовка,
плечо натер.
Скоро палатка:
ночевка, костер.
Сидят. Отдыхают.
Со вкусом жуют.
Костер полыхает.
Создает уют.
Задумчивы. Строги.
Простор им брат.
...Не "топики" - Боги
со мной говорят!"

II

В кабине "Урала" тесновато: Афанасий Дмитриевич Бондарь, в шубе, грузный, как осенний медведь, только залегший в берлогу, посапывает громко, по-домашнему, с причмокиванием: только лапу что не сосет, - временами тяжело приваливается. Устанешь, двинешь плечом: на место! - невнятно пробормочет: "Прости, дорогой. Не придавил?"

"Дыша натужно, наш "Урал"
вперед тащился понемногу.
Пушистый иней опадал
с деревьев ближних на дорогу -
как снег! - от тряски или гула?
Дорога в гривах спину гнула
и - на стиральную доску,
в желудке наводя тоску, -
она местами походила..."

Что ж, не впервой - сибирский "зимник"! "Урал" ничего, комфортабелен! "Воленс-неволенс"! Всякая ерунда лезет в голову: водителю легче - работает! А тут размышляй! Размышлять-то что? Ввязался... Зачем мне это надо было? Мог и завтра улететь на

вертолете. Побывать час-полтора и обратно. Не-ет, В.Н., ищешь приключений на свою...? Зачем тебе это надо? На штабе зам сказал: на Бахиловку - новый Самотлор - дорогу проложили. Ударно, сказал, потрудились дорожники.

Так-то оно так! Зимник, вроде, ничего, но тогда почему по сторонам, с набега и уплыва, старые осыпавшиеся, омытые дождями и обветренные корневища, побелевшие, словно кости, сушь, поеденные короедом пни и стволы в завалах? Миль пардон! Так это же старая дорога. Вот так всю жизнь! Строим, строим - и перестраиваем! И - на старую дорожку! Боже ж ты мой!

"Дмитрич! Афанасий! - толкаю локтем попутчика. - Почему так? Рамазанов говорил, что новый зимник они построили!"

"А!.. - хрипит мой попутчик, - не обращай внимания, правильно едем: на Харампур, а потом - на Бахиловку свернем. А там, у дорожников, заночуем Ты - дальше поедешь, а я - на лыжах, "точки" привязывать. Ни-ч-че... кимарь!"

Справа, слева - таежная неопиcуемая ночная красота!

Зимник пошел тряский и узкий. Чтобы не набить в дреме шишек, я растер лицо и стряхнул остатки сна. Афанасий Дмитриевич тоже пошевелился, и мы незаметно разговорились. Вернее, говорил Бондарь, а я иногда реплики подавал.

"Кончилась дорога на Харампур, на Бахилловский отвивок вышли, поэтому и затрясло. Та дорога - почти тракт: сколько по ней грузов завезли! Цемент, емкости, трубы, солярку, керосин, оборудование. Шуму тогда вокруг Харампура было! Второй Самотлор ожидали! Между северными - с Ямала и приобскими экспедициями за него драчка была. И достался он мегионцам. "Даешь дорогу на Харампур! - газеты писали. Мне пришлось тогда покрутиться: за двадцать дней двести сорок километров визирки пробил! Дорожники - следом, и я с ними. Все в мыле словно было! На следующий год грузы пошли. Награждали тогда, и я орден получил. Дорогу до сих пор с закрытыми глазами помню: каждый поворот, каждый мосточек и взгорok, ручеек и болотину. Да и не только эту трассу: многие, как у перелетной гатицы где-то тут, - он ткнул пальцем в густую шевелюру, - в подкорку, верно,

западают... - он хрипловато и отдышливо хохотнул, - если лететь бы, ночью, и в туман не сбился".

Темнела прозелень неба над черно-мглистой кромкой тайги, выше, в густеющем ультрамарине, брызгами белил появлялись первые звезды, впереди, слабенько, голубичными ягодками, замерцали огоньки дорожников. Привал!

III

Афанасий Дмитриевич - свой человек у дорожников: разместили нас в гостевом балке, уделили от щедрот своих продуктов, посуду.

Свет в балке резкий: свежий аккумулятор. От печурки сауный жар. Афанасий Дмитриевич готовит курицу и попутно наставляет: "Сначала надо сковородку раскалить. Потом чуток маслица постного. Как оно заверещит - можно курицу... или мясо класть... Вот так..."

Кругом тайга, жесткая и поземистая метель... А в балке... Сатир не сатир, но напоминающий кого-то из древне-греческих вакханалий персонаж: дородный, с гривой волос, распаренный, до завидок наслаждающийся жизнью!

Презрев этикет, Афанасий Дмитриевич берет со скворчащей сковороды кусок птицы мощной рукой, чуть помедлив, подносит его с блестящим от масла губам, вонзает в разомлевшее мясо белые, хоть и подношенные, но крепкие зубы. Афанасий Дмитриевич от удовольствия жмурит глаза, стонет, он длит наслаждение, он задерживает глоток, он тянется к новому куску, чтобы повторить удивительный процесс насыщения, одну из немногих радостей жизни...

О, как обделяют себя те, кто не в походных условиях, а из-за элементарной лени жуют холодную котлету и черствый бутерброд! Плюй, Афанасий Дмитриевич, на этикет, лови - шумно, смачно - каплю сока, стекающую с мяса, подбирай корочкой хлеба остатки подлива, обсасывай косточки, - как ты это делал в тот раз: красиво, аппетитно!

"Вдали от милого порога
Трястись мне вдоволь довелось
по "пьяным" северным дорогам,
тайгу секущим вкривь и вкось;
пилось и елось понемногу,
но так, как дома, не спалось..."

"Не-ет, - приглушено и одышливо посмеивается Афанасий Дмитриевич, - лучше тряская езда, чем хорошая ходьба! Оно, когда пару десятков кмэ да на лыжах, ничего, а когда за сотню - то не очень. Так ухайдакаешься, что есть не хочется, упадешь и спишь без задних ног. Кто-кто, а я-то уж действительно и находился, и наездился: с 52-го года в "тэ-ликах"!"

Бондарь шумно вздыхает, ворочается на нарах, подтыкая шубу, наброшенную поверх байкового одеяла. Свет выключен. Печурка, потрескивая, остывает. Если бы электричество, самодельного "козла", как на буровых, включил - и спи... Ан нет: подпитывать надо буржуйку дровишками.

"Слушай, Дмитрич, - говорю я, - давно хотел спросить: а откуда ты родом? Не из цыган? Больно уж ты на Будулая похож".

"Во-во! - оживился он. - Меня и всю родню либо за молдаван, либо за цыган принимают. Да ради Бога! "Цыганы шумною толпою!" Знай: Пушкин написал своих "Цыган" в наших краях, откуда наш род идет. Но дело в том, что я - болгарин! Да! И фамилия моя по предам не Бондарь, а Волчев. А точнее, по-болгарски, Вльчев. То есть Волков. Дед по отцу был Иван Ильич Вльчев. Родился он за два года до смерти Пушкина. Вот так! Сто шесть лет прожил. Я его застал и хорошо помню.

Был дед не только хорошим виноградарем, но и бондарем известным, и вино свое разливал в бочки, изготовленные своими руками. На то уж пошло - предки мастерами на все руки были! Да и к потомкам кое-что перешло... Помнишь, как-то в Мегионе виноград, прихваченный морозцем, по тридцать копеек продавали? Смеялись еще все: чего это Бондарь его ящиками берет? А Бон-

дарь ванну целую того винограда намял, посуду раздобыл - разлил, такое вино получилось!

Теперь про деда. Около 1860 года, при Александре-Освободителе, в Санкт-Петербурге выставка-дегустация вин проводилась. Дед-то Вльчев, - а жил он, как и весь род потом, в селе Табаки Дунайской тогда губернии, - сейчас то-ли Измайловская, то ли Одесская область, не уследишь, - взял да отправил туда бочку своего вина. Вот каков дед был! И что? Понравилось Санкт-Петербургу его вино: сам губернатор Дунайский привез ему медаль! Но выписана медаль была Ивану Ильичу Бондарю! Нет, чтобы Вльчеву-Бондарю - как, к примеру, Потемкину-Таврическому, - смеется Афанасий Дмитриевич, - а просто: Бондарю. С тех пор и стали мы Бондарями.

Два раза дед не повторял: скажет - и все. Но не попрекал. Набедокуришь, он знает, но молчит. Поругал бы лучше! Не-ет, вида не показывает. Повздыхаешь, помаешься и боком-боком к нему: "Дедуся, прости!" А он: "А за что?" Выложишь ему свои бедокуры. "А-а, - скажет, - вон что! Тогда - ладно. Ну так-то больше не делай" или "Не бери без спросу", - и вся недолга. Видишь как - давал "созреть" до понимания вины и осуждения своего поступка. Мудрый был дед!

Любил он, когда в помощники ему набиваешься: "Дедусь, дай работу!"

Найдет что-нибудь по твоим силенкам. А как закончишь урок, похвалит и обязательно даст два лея на газировку. Буза так называлась. Шипучка, вроде кваса, из проса делалась.

А умер дед после освобождения Бессарабии от румын: от инфаркта, испугался, что в Сибирь сошлют. Не подумал, что внушки в Сибири почти всю жизнь проработают..."

Афанасий Дмитриевич помолчал, покряхтывая, встал, подбросил дров в буржуйку. Я похвалил его за память о предках, высказал свою точку зрения на эту проблему, посетовал на то, что в большинстве своем мы стали иванами, не помнящими родства...

Воодушевленный моим интересом, он продолжил свой рассказ.

"А дед по матери - Александр Петрович Турчен был священником. Обрати внимание: фамилия-то какая! Турчен! То есть, из турок. Так или нет, но точно знаю, что когда они жили в Крыму, до переезда в Табаки, был он мусульманином. Деталей и мотивов не знаю - когда и как он перешел в христианскую веру, но известно, что на священника учился он в Санкт-Петербурге. И матушка моя, Екатерина Александровна, говорила, что в детстве была мусульманкой (родилась она в 1894 году, почил в Табаках в 1968-м), а в Табаках - уже христианкой. В Табаки переехали они во время февральской революции. Вскоре отец мой, Дмитрий Иванович, а было ему тогда уже двадцать восемь лет, выкрал будущую мать мою, турчанку, и женился на ней. Дедам и бабкам (ни одну бабу, к сожалению, не помню!) пришлось смириться: крестины надо было справлять (благо священник был свой!). Восемь ребятишек вскоре вокруг матери, Екатерины Александровны, как вокруг клушки, гомонилось, попискивало, голоса молодые пробовало...

Отец, Дмитрий Иванович, с 24-го года, после подавления восстания, жил нелегально, из подполья вышел в 40-м, после освобождения от "румынского ига". А веселым помнится это освобождение! Десантники пели: "Гремя огнем, сверкая блеском стали...". Мальчишки бегали за ними, тоже горланили. Недолго пожил отец на свободе: война началась, эвакуировался в Одессу, а там - румыны уже, снова тюрьма. Отец - садовод милостью Божьей, вот и выкупил его за крупную взятку один румынский боярин, и стал отец на него работать. Прожил он меньше деда: скончался восьмидесяти пяти лет. А вот мы... Было нас пять сестер и три брата. Я - третий снизу. Сейчас поредел наш выводок: три сестры ушли в мир иной вслед за матушкой. Братья - и старший, и младший - работают до сих пор, сибиряки, как я: старший в Якутии, в Мирном, в алмазной разведке, кимберлитовые трубки ищет; младший - в Якутске, в институте ФАНа, электронщик. Сестры в родных краях.

А я... что я? В школе учился при трех режимах. Закончил Киевское топографическое училище. После него, по сей день, -

полевая жизнь. С августа 52-го года - в Тюменской области. С кем только и в каких экспедициях не работал!"

С супругой на севере познакомился... Сорок лет назад! На танцах... (А танцует Афанасий Дмитриевич до сих пор легко, непринужденно, красиво!). Я пригласил ее, потом она - на "белый вальс". Вот и танцуем с тех пор! Работала она тогда учителем начальных классов. Судьба у нее нелегко сложилась. Она ленинградка. Ее отца, дивизионного комиссара, в 37-м расстреляли. Мать в блокаду умерла от голода, ее вывезли из Ленинграда, попала она в детдом в селе Ситниково. Потом закончила педучилище, по окончании направили в Березово на работу. У меня родни много, а у нее, как у многих блокадников, никого, хоть она и шутит: все ленинградцы, мол, моя родня. Вот "такие дела"! Народили мы с ней троих детей, вырастили, да вот один, после армии уже, погиб на севере: несчастный случай. Старшая дочь сейчас в Москве, сын - в Мегионе. Внуки есть. Как же! Род продолжается...".

V

Сколько трудов пропало втуне! Завезенный по "дороге на Харампур" цемент превратился в камень, ладно, что хоть солярку и керосин "высосали" тарко-салинцы и не вытекли нефтепродукты из проржавленных емкостей. В ударном темпе построенная дорога оказалась "мертвой", и только часть ее использовали дорожники (а если включили ее себе в свой "объем", Бог с ними, дело их совести) при прокладке нового зимника. Господи! Да впервой, что ли, пробивать нам "мертвые дороги"! Вспомним хотя бы самую грандиозную: дорогу в КОММУНИЗМ! Да и сейчас ломимся мы, по привычке, по непроходимым завалам и буреломам по пути к рынку. Не окажется ли она очередной "дорогой на Харампур"? Дело-то ведь в том, что одни сидят в мягких креслах, а по ухабам трясутся Афанасии Дмитричи да Викторы Николаичи, готовые, ради Отчизны, вынести все...

КАК ТЕЩА ЗЯТЯ РАЗГОВОРИЛА

В нашем подъезде я встречал ее не так уж и давно и по сути был незнаком, хоть и здоровался, поэтому удивился, застав как-то ее у нас оживленно беседующей с женой. "По вашу милость! - церемонно представила мне ее жена. - Татьяна Алексеевна Лябова. Соседка с пятого, поэтесса!".

Гостья смущенно хохотнула, на ее коричневатом, по-российски типичном лице проступил румянец. "Стихи складываю вот, не знаю... Кому рассказываю - нравятся: хвалят!

Только грамотешки у меня, как кура лапой пишу, в голове держу...".

"О! Вот оно - золотишка!" - рой мыслей рассыпался, как метеорит. Устное народное творчество!.. На это и упор сделаю, вокруг ее стихов и рассказ построю".

Но все оказалось не так просто.

Впрочем, все по порядку. Итак.

"Ах, кабы на цветы да не морозы".

(Русская народная песня)

I

Эх, жисть! Канительная, да своя. Хорошо оно - жить, если еще и хорошо живется!..

Да и так ниче, глянется! Чего бы еще: руки, ноги целы, голова на месте, жить можно! А вот скажи волшебник какой или кто:

"Хошь, Таисья Алексеевна, жисть свою заново прожить? - подумаю. Подумаю-подумаю, да и откажусь. Если все, как было, - нет! Не-ет! Разе можно перенести все, что я перенесла? Да ни в жисть! И злomu татарину не пожелаю! Ка-ак стерпела? Не знаю!..

"Я жила в своей семье,
где война происходила,
где, как зверь, ревел мой муж,
а я плакала сидела.
Я верила любви высокой,
Но решила бросить дом:
дверь открыла и ушла я...
Ушла от фальши...
Ушла с побитыми боками.
Руки кручены годами...
...пусть счастья больше мне не будет,
пусть будет так, как будет..."

Двадцать пять лет маялась.. Терпела: дети ж!.. А вышла за него так: почти силком взял! Сказал: мать согласна, и взял! С первых дней не пошла жисть - такая уж у них порода! Что один брат, что другой. Отец у них - свекор - еще почище: свекрухе ноги чуть не всамдель выдергивал. А ведь со стороны завидки были: красив, здоров... Мужик! Да в голове мякина. И то. Ведь уж стариком, не тем будь помянут кобель, с тремя сестрами любовь крутил. Я про то побаску сложила, да срамновата она: вслух сказывать стыдно... Идет, бывало, домой, издаля предупреждает: "Такие-сякие, ночевать дома не мечтайте: гонять буду!" И гонял... Куды не бегали! В огороде, в стайке, на поветях - везде гнезда!.. Всю жисть тряслась: бежать или погодить маленько?.. Везде мир, у нас - война! Чуть че, девок на руки и - к соседям аль в "гнездо". Соседи? Всяко: кто как! Имя-то что. Вот младшую, Людку, слушал. Да и то, доит она корову, а он - по ведру ногой, и дети без молока, а ему - смех! До чего доходило: корову продавал! И находились ведь - соседи тож! - покупали! Знали, что к чему, а брали! Подашь в милицию: украли, мол, корову! Милиционер вернет кормилицу - спасибо ему! - да и скажет: "Детям вертаем, куда дети без молока?"

Что хорошего в такой житухе? Не-а, повторить не захошь. А малой была? Что хорошего видала? Эх, кто бы знал...

Восьмеро нас было у мамыньки. Жили в Краснознаменке. На Алтае это, с нагайской, степной стороны. Сначала, до меня, в коммуне, потом - в совхозе, в отделении. Дом - саманный. Как помню, все детство и молодость, впроголодь. Не поверите, первый раз хлеба досыта наелась аж в 54-м годе! Конечно, не война - может ничего б жили. Отца на передовую не взяли - глаз у него был поврежден, а еще чище на трудовом фронте! Там и помер. С голодухи. И ни словом - не то, что похоронку там, пенсию. Спасибо, друг его, который с ним был, сказал. Мать дояркой работала. Домой приходила чуть жива. Упадет, а мы разденем ее, отогреем чуть.

Корова наша от бескормицы молока давала со стакан, мать делила между нами ложками. Одежки - никакой! Я ведь три класса кончила, а школа была рядышком. Перед самой войной пошла в первый класс, восьми лет. А как война - в школу босиком только по теплу. Всю зиму из саманки не вылазила. Холодно жилось. Мать, как сейчас помню, печку протопит, золу выметет и нас с Иваном, брат, он постарше, в печь. Так и зимовали. А в сорок третьем отдала меня мать в няньки в Усталовку, в соседнее село, к тамошнему председателю колхоза. Сам-от, Петр Васильевич, ничего был мужик, хороший. А вот хозяйка, Клавдия Иванна, та обижала. Да что там: ездила на мне! Ее хозяин не раз бивал за меня. И то! Тын рубила. Глину топтала. Кизяк лила. Стирала. Баню "по-черному" топила. Белила. Пол у них деревянный был - песком, голиком драила. На стол готовила. С Шуриком девяти-месячным нянькалась. Огород... Скотина... Все на мне! Надсадилась: ездили-то, как на взрослой. Через год не выдержала - упростила мать и ушла. Одели на меня гимнастерку Петра Васильевича да Шурикиной пеленкой покрыли - вся благодарность и плата.

А с четырнадцати лет в совхозе руки надрывала, спину гнула. Весной котомку через плечо, а в ней пуд пшеницы, и на посев. Берешь из котомки горсть семян и вот так, веером, выплескиваешь на пашню. Есть хочется, желудок к горлу подворачивается, щепотку в рот кинешь, тебя тут же бичом: вжиг до крови. Это брига-

дир тебя, огрехи будут, с него потом спросят. Горсть зерна домой, колосков пучок или кружку молока никак нельзя, стоят, караулят! Не-ет, во второй раз это пережить - не приведи Господи! И наплевала бы я в шары всем, кто хвалит ту прежнюю жисть и зовет обратно в нее. Если они барствовали, в сыр-масле катались, тогда понятно дело. А я не-ет.

II

Родители-то у нас хорошие были: что мать, Катерина Иванна, что отец, Алексей Иванович. Да и места у нас красивые, приглядистые. Речка Локтевка. В уреме - черемуха, калина. А поверху, в горах, ягоды: земляника, крупника. Крупники-то иной год - красным-красно! Притомится такая духмяная да слатимая! Свежую ели - так и с молоком, варили, сушили... По весне ходили за яры: зелень всякую рвали. Особо помнится "слезун", вроде лука горького, потому, видать, и прозвали так, раз слезу жмет. Жарили, солили его. Рыбачили! Речка неглубокая летом, но приятная: везде купаться можно было. В остальное время переходили через нее по "лаве" - мостик на канатах так звался. К родничку любили ходить - чуть выше деревни, у фермы, к пригорью. Вода, как слезинка, а холоднющая! Куклы любили. Какие? Да и сами делали! Из тряпок. Золой набьешь, замочишь, отвердеет - и голова, и туловище готовы. Одежек им нашьешь и играем. Подружки были Нюра и Роза. В школу пошли вместе. Школа - дом деревенский на пригорке. Учились в две смены, сидели вместе два класса: первый с третьим, второй с четвертым. Всех учителей помню, хорошие были люди, поучилась бы сызнава у них. И с отцом пожила бы! Хороший был отец. Большой. Добрый. На мельницу или еще куда брал с собой. Сильнющий был! Возил горючее в совхозе. Лошадь другой раз бричку из речки не берет - распрягает и сам за оглобли. Нас любил. Усадит, бывало, всех, кто дома, себе на брюхо и трясет: "По кочкам, по кочкам, по кочкам!.." Он мне и имя дал, когда крестили: Тая. А мне вот не глянется.

Да. Здоров он был... И вечно от этого не наедался. Мамка блины печет, он кусок хлеба в блин, ест и смеется: блинов не хватает! Мастер был на все руки: что балалайку сделать, что хлеб

испечь. Мамку любил. Когда на счетовода его послали, сбег! "Кабы ты, Катерина, была со мной, а то..." - сказал маме. И друг рассказывал: когда отец умирал на трудфронте с голодухи-то, все жалел: "Как там Катерина без меня будет?" Да, молодость хороша ли, плохая ли была, а не воротишь. Конечно, трудно было. Голодны, босы, голы. А вечером под гармонь аль под балалайку с мандолиной "товарочку" с прибасками! Эх! Я хоть и голопята, а дробь била - пол ходил, земля дрожала!

"Пойду плясать по соломушке -
отойдите от меня по сторонушке!"

III

Заболталась, бабка!.. Это! "Жизнь наново прожить, да еще чтоб самую безгорестную!" Эту-то, дай Бог, по-людски дожить. Работаю пока. Деньги получаю, доярке-то за такие деньги - ого-го! как погнуться надо. Все ничего, да угла своего нет, в примачках живу. Угол бы свой, койку, но чтоб - мою! Чтоб легла когда захотела. И как захотела. И - живи тогда, как кум корою, сват министру! А что? Дочек вырастила - четверо их у меня: Надя, Зоя, Лида, Люда, есть внуки. Надежда, старшая, сама уж бабка! Ниче дочки живут, хорошо. Езжу я к ним, выдаюсь. Помогаю, чем могу. Оно ведь дивно другой раз - чем поможешь-то лучше всего. Расскажу вот, как Лиде помогала. Так у нее - все с добром: Гоша инженером работал, на нее - ни-ни! И симпатяга: плечистый, кудрявый, голоса не повысит, а смотрю, чего-то не хватает! Молчком все вот как! Слова лишнего не скажет, лишний раз не улыбнется: все всурьез! Вот я и придумала. Сложила стих и дай, думаю, поговорю с ним. Прилетела к ним, в Среднем Васюгане они живут, ниче живут: полкоттеджа, веранда, баня, сарай для свинюшек, парник, колодец, огородик ухоженный - нормально. Баньку истопили. Лег он после баньки отдохнуть. Подсела к нему: "С легким паром, - говорю, - зятек дорогой. Можно с тобой поговорить?" Он улыбочку мне сделал: можно, дескать. Вот я его и спрашиваю: "Не сердись на меня, сынок, а скажи: есть промеж вас любовь или нет? Гляжу на вас и все дивуюсь: молчите все, как чужие. Ай Лида не нравится?"

Гляжу, не обиделся ли? Не-ет, слушает! Я дальше. "Вот я тут про вас - про тебя и дочку - сложила. Вот бы как я на вашем месте друг дружке ночью нашептывала, душу отворила бы."

"Милый Гоша! Мой пригожий,
я люблю тебя, хороший.
Ляжем спать с тобой в постель -
пошепчи мне на ушко:
"Я люблю тебя, Лидушка!"
Поцелуй и обними,
крепко-накрепко прижми!
Горя я с тобой не знаю!
Лягу спать и все мечтаю...
...будь поласковой со мной:
лучше не найдешь другой!
Что всегда грустишь ты, Гоша?
Ляжем спать, а ты - молчишь?
Может, ты и любишь, Гоша,
да признаться не хотишь?.."

Ага, покраснел, молчит, но улыбается. Может, и обиделся, а виду не подал.

В следующий раз приехала, а Лидушка цветет: "Че-эт ты с Гошей, мама, сделала, как ты его разговорила? Другой человек Гоша, не узнаю!"

Смеемся: теща зятя разговорила! "А че и сказала-то? Про любовь - говорить друг дружке надо, не убудет! Наоборот, видишь, радость в доме появится..."

ТАТЬЯНА, или ЕСЛИ ПЕСНИ ПОЮТ НА ГУЛЯНКАХ, ТО ЖИВА У НАРОДА ДУША

Сосед сверху - это тебе не сосед сбоку, боковой сосед - это пол-соседа, настоящий сосед - это верхний! И в прямом и в переносном смысле. Как там пела незабываемая Алла: "Эй вы там, наверху!"

При заселении, когда выдавали сантехнику, все деликатно разговаривали, не лаялись, как сейчас, а вдруг ты окажешься соседом сверху, поэтому деликатничали...

Я возился в ванной: текло где-то и не в смесителях, а под чугунной эмалированно-битой грободиной, не на меня, а на тех, для кого я был сверху! И я переживал это сильнее, чем если бы на меня. В ванной было сыро, и когда раздался звонок, то я подумал, что пришли нижние соседи.

Нет, это, оказывается, пришла знакомится соседка сверху, та самая, о которой я сегодня рассказываю.

Пришла она с дочкой. Шумно походила по гулкой квартире, крепкой рукой проверяя прочность крепления батарей, дверей, оконных переплетов; повздыхала, поохала, соболезнуя мне как новоселу: "Ремонт трэба!"

Спросила, кто я таков, откуда родом и прочее.

Уходя, сказала не то мне, не то дочери с белорусским акцентом: "Ну ничага: соседи вроде ничага! Айда, дочка!"

Закрыв за ними дверь стандартным, подходящим ко всем квартирам на площадке ключом, механически обошел квартиру, выбитый из колеи шумной гостьей.

К своему удивлению, на кухне увидел... несколько мятых красных бумажек. Нагнулся: точно, три-четыре червонца.

Меня как жаром обдало: ох мать тебя перемать, на честность проверяешь?.. Да кто тебе позволил! Я хотел поднять эти бумажки, отнести их наверх и высказать там свое возмущение. Но потом одумался: стоит ли начинать со скандала.

И оставил все, как было.

Лежа на спине, виртуозно изогнувшись, я цементировал возможную протечку под ванной и не сразу открыл дверь, в которую настойчиво стучались. Наконец открыл. Так и есть: соседка. Сейчас скажет: "Не обронила ли у вас деньги?.."

Много лет прошло, а вот до сих пор сидит обида на Татьяну! Даже писать не хотел про нее, да пересилил себя. Пришел к ним. И не напрасно! Судите сами.

Татьяна - невысокая плотно сбитая моложавая женщина с круглым славянским лицом, полными руками, одну придерживает: "Гипс недавно сняли. На прогревание иду. Потом к дочке с внуками до четырех. Часов у шесть разве?.."

Прихожу в шесть. Муж ее, Петро, высокий блондин с удлинненным лицом, светлым чубчиком, демонстративно негостеприимно курсирует по "рейду" между кухней и спальней (сидим на кухне), минуя ванную: дескать, мужем надо заниматься, а не какими-то "финтифлюшками" с нижним соседом. "Где вода?" - не выдерживает он (воду горячую у нас отключили надолго).

Говорит Татьяна громким, по-белоруски ясным и резковатым голосом. Петро же все больше бубнит как бы себе под нос, но и он, порой, возвышает свой голос до боцманско-ариозного баритона...

Так или иначе, разговор наш с Татьяной получился.

Итак, слушайте Татьяну.

"Родилась в тридцать седьмом. Никогда не скрывала. У февраля. Даже число могу сказать, ежели интересно. Татьяна. По батьке Тимофеевна. По девичеству Гаркуша. Самая белорусская фамилия. Гомельская область. Калиновический район. Малые Автюки. Мать - Анна Тимофеевна, отец - Григорьевич. Чо помню? Да все, чого не спроси! Деревню? Помню. Как сейчас: большая

деревня! 1800 дворов, во как! И леса вокруг. И речка. Безымянка, просто речка. Счас, конечно, ее кура вброд перейдет, а тогда... Лес сплавляли - во какая полноводная была!

А уж леса! Леса у нас - сроду таких больше не видала! Леса у нас знаменитые: с Брянскими соединяются. Слыхал: "Шумел сурово Брянский лес..." Вот даже Гитлеру не по зубам оказались! Да и после него еще не справились: стоят леса!

И какие! Дуб, сосна, граб, вяз, ясень, конечно и береза!

Ландышей полно! Как лопухи... Цветы крупные, жирнющие, из топленого сала словно, того гляди, потекут-закапают. На кладбищах особо: никто ж не рвет.

А грибы! О! То, что здесь за гриб считается, у нас не в счет! У нас гриб - это белый гриб! Даже груздь не брали, за поганку считали. Если и брали их, то беженцы одне.

Сейчас, конечно, и белый гриб у нас брать боязно: радиация. Потому и земляки, и мы в отпуск везем каки-не каки - сибирские: сушеные и маринованные, гриб не гриб, а все без радиации проклятушей...

Ох, если б еще не война! Многие ведь счас про нее не знают, а другие забыли. Мне тоже бы забыть, да не получается: столько гора доставила! Я ведь, можно сказать, инвалид войны с детства, хоть и было тогда мне совсем ничего: и партизанила, и ранена была...

Как война началась, мы сразу во сне будто: раз - и под немцем, да и до марта сорок пятого года!

Стрельба началась - мы в землянки, что нарыли, сховались, кончились - германец на мотоциклетах въехал в наши Малые Автюки...

Где как, а у нас, у Беларуси, германец зверствовал: с хлебом-солью не встречали, у пояс не кланялись.

Да и то: лес нас спасал!

Как германец стал, к партизанам в лес вакуировали всех. И детей тоже.

Под германцем жить нельзя было, да и в лесу, в шалашах, тоже что за жизнь была, если так подумать. Ну? В шалаше да четырех семей! Сейчас люди в балках живут стонут: что за жизнь?

А тогда? То-то и оно... Что уж про теперешнюю жизнь говорить, по сравнению с нынешним германцем, конечно, плохо живем, а тогда, по сравнению с темышним, как жили? А гонор свой держали! Тиф кругом. Вша заела. Не поверите: одежду над костром держишь - трескоток идет. А это воши с одежды в огонь сыпятся.

Как мерли: от болезней, от холоду-голоду. Пойдешь гнилую картошку на поле брать - германец из пулемета свинца тебе в мешок сыпет. Бомбили постоянно. Про свое ранение-то сказала? А так было. Пошли к деду на деревню с парнишечкой одним. А тут и бомбежка: меня в ногу, парнишку насмерть, а хате хоть бы что - целая. Долго болела. Ступня до сих пор ноет: осколки, видно, не все вышли. Говорят: сходи на комиссию, надбавка, дескать к пенсии положена, а как с ними связываться: документов-то никаких об этом нет. Свидетелей разве что поискать? Да себе дороже выйдет - связываться с этим!

Отец мой, Тимофей Григорьевич, на фронте сразу был, потом у плен попал, партизанил, а как наши пришли - с ними до Берлина воевал.

Мать Анна Трофимовна, 31 год ей тоже был, с нами бедовала.

Обличьем-то я в отца, мать у нас не чернявая.

Любили мы их. И, как принято у нас, на "вы" звали.

После шалашей нас трое осталось, детей: Миша, Люба, я... После Победы еще двумя сестренками обзавелись: Галей и Марией.

Война-то когда кончилась, жизнь, как для кого, а для нас не стала лучше: голод-холод.

В школу пошли. Учились по домам, у кого хата посвободнее, выйти не в чем. Писали буряком, сажей на трофейных германских бланках, газетах и журналах.

Тиф меня уже после войны прихватил. Ничего не помню. Только что, как очнулась - это да. Очнулась - и так мне селедочки захотелось. "Мам!" - говорю, - хоть такусенький кусочек". Мать, видать, в военном госпитале достала, выпросила и дала мне. С тех пор на поправку пошло.

Четыре класса кончила - и в 12 лет на торфозавод. Поначала штабелевщицей, потом грузчиком, пульманы грузили. Уставали. Сморишься ночью, а за тобой десятник: "Пульман пришел!" Попробуй не пойди. С черным воронком приедут.

Ни одежды, ни обуви не было. В лаптях ходили. А то мать патроном. Ну гильзой это. Шкурку какую посечет, в дырки провод вставит, затянет - вот тебе и обувь.

Тяжко жили, а молодо, весело! Вечеринки устраивали, пели, танцевали. Но и там про женскую, домашнюю работу не забывали: пряли кудель, вышивали, вязали и ткали. Да усе: и полотно на рубаху, и рушники. Ой, до чего ж красиво получалось! Трудьбы много - зато красота!

А в шестнадцать лет из Автюков, без справки, считай, без паспорта, с одной метрикой, подалась в Калининград. Там недалеко, в Гвардейске, замуж вышла, сына родила.

И пошло-поехало!

Но не ужилось: по "вербовке" в Сибирь уехали, в Омскую область... (Ох уж эти памятные послевоенные "вербовки". "Златые горы" не зря тогда были шлагером! - авт. примечание). А в 62-м году, когда Приобье стало "вербовочно-златоносным", в Мегион приехали. Семь лет прожили здесь, да из-за сибирских болезней снялись. Подлечившись, в 80-м году опять стали мегионцами. Северного стажу двадцать лет! Пенсию получаю, но роблю. Машинистом котельной установки. Тринадцать лет уже.

Дети выросли, своими семьями живут. Ничего живут: у каждого своя судьба. Не забывают: matka ведь. Ласковые. Особенно Наташенька, младшая. Чуть что - уже бежит: "Не заболела ли, мама? Что с тобой? Может, что надо?" Душа-человек Наталья и вообще, грех на моих детей жаловаться".

Размеры очерка не позволяют рассказать о многих интересных, как говорится, страницах жизни Татьяны Тимофеевны. Лично мне, когда я узнал доступные любознательному соседу подробности ее жизни с ее слов, она и ее семья предстали в каком-то ином свете.

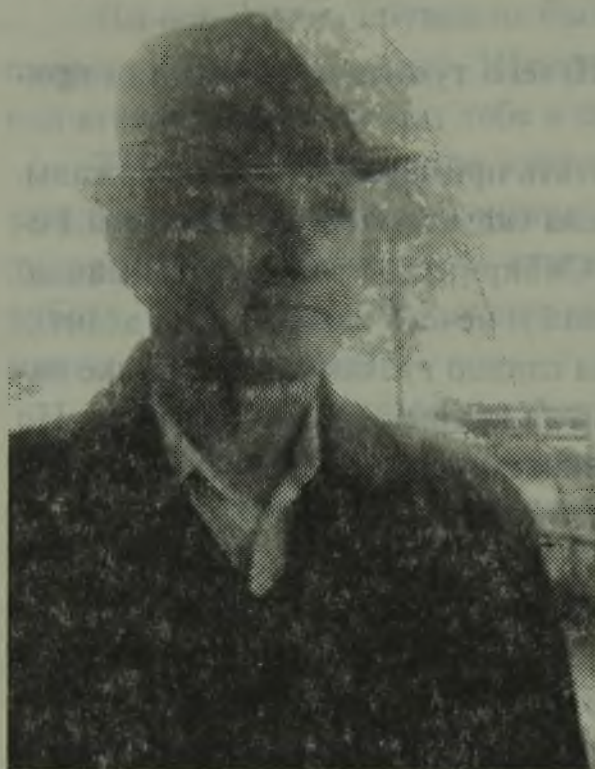
- Как сейчас-то с песнями в Автюках? - спрашиваю.

- А как везде! - отвечает. - Мы и на работе певали, а уж с работы - заливались! А нынче? На гулянках еще поют. Как и мы, коли разгуляемся, вам-то слышать, поди? Не знаю, как дальше. В последний раз слышу: пьяный мужик по деревне шагает и горланит:

"Ты примак и я примак! Нечего тужиться. Собралися примаки, да и пошли топиться!.."

То-то и оно: кабы нам не стать примаками у своей державы. Вот как так: родилась я и, можно сказать, воевала на своей Гомельщине, здоровье оставила у Сибири, так кто же я? Примачка? Чьей я державы? Поэтому я и скажу: нечего нам делить и делиться, а надо, как в компании: "Мы славно гуляли на празднике нашем, нигде не видали мы праздника краше!" Песни петь надо. Но чтобы запевал тот, кто и слова знает, и слух имеет. А нет голосу - в подголосках иди, нечего песню поганить!

"МЕДЖЕВСКОМУ - МОЖНО"

Пятнадцать лет назад, в разгар жестокой зимы, зяблый, пахнувший соляжкой, злой, сонный после ночной дороги и как бы потусторонний заявился я в седьмом часу утра на рацию: если все нормально, то спа-а-ть...

Было еще темно. Но поселок оживал. Почти во всех домах тускло светились заиндевевшие-войлочные окна... Топились печки, и к метели стлался над крышами дым. Побреживали собаки. В гараже и на вертолетке прокашливались от дымного перегарного опохмеля стальные моторы...

В темноте начинался зимний северный экспедиционный день!

В свежевывитом коридоре конторы пахло школой. Эх, милые вы наши технички, спасибо вам за это ощущение!

"Еще бы и школьные заботы!"

С такой мыслью я открыл дверь ради и остолбенел... Передо мной стоял жизнерадостно улыбающийся инженер Обского отряда по предупреждению и ликвидации фонтанов Геннадий Владимирович Меджевский.

Хороший человек, как, впрочем, и другие инспектора, но откуда? Мистика!..

"Откуда взялся? Без эрдэ... Да и как? На попутном вертолете?.."

Меджевский довольно взгиркнул: "С главным приехали! На машине! А вы видели уже? Пробились! Кончилась ваша спокойная жизнь, достали и вас!.."

Весть была в самом деле неприятной...

Еще пару лет назад мы подчинялись главку. Имели права соцпредприятия. Уже были налажены кое-какие "горизонтальные" связи. Привыкли к самостоятельности. Но пошла кампания создания объединений! Вторая "коллективизация"! По крайней мере, в нашем главке экспедиции превратились в цеха. Это при разбросанности-то в тысячи километров! При отсутствии нормальной связи и транспортных коммуникаций! Нас спасало то, что мы, находясь в самом "медвежьем" углу, вопреки всем веяниям продолжали жить своим "натуральным" хозяйством: транспорт, вышкомонтажники, испытатели, дорожники, строители, даже каротажники - свои!

И тем не менее, у нас отняли нашу прибыль, счета, установили связь и стали мелочно опекать и давить своими "ЦУ" (ценными указаниями).

И вот - ночной визит...

Меджевский еще раз жизнерадостно взгрыкнул, но заметив кислое выражение, пособолезновал (даже блеск его золотой фикса потух): "Ка-нешно... ка-нешно... Зачем так-то, без предупреждения?.. По-партизански! Ага! - снова хохотнул он. - Зам-то ваш, когда его вызвали, так и сказал: зачем, мол, по-партизански?.."

Смуглое, подвижное лицо Меджевского в улыбчивых складочках, голубые, яркие даже при тусклом свете глаза, хрипловатый голосок весеннего куропада, - все на звуко-свето-ультрамега-терра... - всяких волнах излучали участие, лукавство, задор и еще уйму и гамму всевозможных ощущений...

Глянув по сторонам, он снова блеснул золотом и подмигнул: "Это... Как приехали, главный - тебя, начальника и никого... Только зам на месте. Он ему: "Ужин организуй!" Тот быстренько туда-сюда... В гостиницу сам принес горяченькие пельмешки и... эт-самое... Сам понимаешь! "Пузырь", словом. Стал разливать - главный рюмку свою прикрыл: мне - нельзя. Меджевскому - можно!... Зам обиделся, но виду не показал, мы с ним "усидели" пузырь... "А! Ему - нельзя, нам - можно!..."

Довольный воспоминаниями, афоризмом, ставшим широко известным в нашей среде, Геннадий Владимирович взгыркнул неожиданно и радостно, как в весенних синих сумерках токующий куропад...

Заскрипели сзади половицы, словно жесткий весенний наст: "главный" был белотел, грузен и увалист - отчего и шаг тяжелился...

Итак: Меджевскому - можно.

Велика земля сибирская!"

Каждо-отдельная часть ее - Тюменская, Томская ли - широка, обильна и привольна...

Необозримы ее окоемы!

Но на этих океанского простора широпольях у каждого сибиряка есть еще малюсенькая, родинкой на материнской груди, сладкосердечная точка с каким-нибудь удивительным названием вроде Малышовки, Красноярки или Старой Ухватинки... Для всех - "колхоз", "деревня", "населенный пункт", а для тебя - "сродина"!

"Гори лес, д"гори поляна!.. д"гори самородина!

Эх, д"числа пятого д"уюду! Д"досвиданья сродина"д!"

Такая "сродина" есть и у героя моего рассказа, которому "мож-но", - у Меджевского. А именно: село Мохово, что на правом берегу Кети в Томской области.

Кеть - не из последних притоков Оби. Больше того, через Кеть, через Александровский шлюз в ее верховьях "кровно" породнилась Обь-матушка с Енисеем-батюшкой...

От Колпашево до Нарыма почти сотню верст текут Обь и Кеть рядышком, в обнимочку словно, в десяти-пятнадцати километрах, сродные сестры словно, и лишь потом теряется Кеть в широком обском сарафане...

Много веселых мест на Кети! На гривастых, бугристых, крутояристых ее берегах! Белый Яр... Красный Яр... Максимкин Яр...

И Мохово стояло на высоком берегу - бугре! Далеко виднелось с него: с правой руки - кедрачи, сосновые боры, елани, с левой - заливные луга, тальники-ракитники, березовые колки, чер-

ная тайга и заболотье... По эту руку - брусника, малина, гриб-боровик, орех кедровый, по ту - клюква, колба, морошка, груздь сырой... Рыбалка! А охота вокруг!..

Невелико Мохово - дворов пятьдесят, неказисто, а сердцу близко и дорого. Подороже, может, чем иному москвичу столица.

Вот в этом сельце у коренной сибирячки Феклы Карповны Колесниковой и потомка ссыльного поляка Владимира Дмитриевича Меджевского и родился голубоглазый шустрый сынок, нареченный Геннадием ("благородный", не шляхетская ли в этом имени проскользнула грусть?).

Но и этому моему нынешнему соседу не повезло: его отец, Владимир Дмитриевич Меджевский, превентивно - "А вдруг - польский шпион? Скрытый белогвардеец? Панский контрреволюционер?" - был арестован и расстрелян... Где? Когда?

...Не на том ли Яру, который во времена лигачевского - в Томске - генерал-губернаторства подмыло половодьем, обнажив, как у ископаемой пещеры саблезубого тигра, скопище костей, но сплошь человеческих?

Рушились в шалые весенние воды глыбы земли с белыми человеческими костями, а власть предержащие люди с высокими нормами коммунистической морали торопились обнести усиленным забором эту не вовремя обнаружившуюся костницу! Безвинно убиенные! Мир вашему праху, вашим реабилитированным останкам. Простите живущих, если можете...

Бог один знает, как сложилась бы судьба Геннадия Меджевского, не окажись рядом с Максимкиным Яром, где он жил после окончания школы, геологи-нефтеразведчики...

Может, и остался бы он заведующим клубом и пошел бы по "культуртрегерской" стезе, задатки работника культуры у него и до сих пор проявляются...

Но рядом с Максимкиным Яром началось бурение опорной глубокой скважины, и Меджевский сменил эфемерную должность завклуба на железноосязаемую - помощника бурильщика...

Было это почти сорок лет назад, когда сегодняшний день представлялся Прекрасным Будущим!..

После завершения опорной скважины Меджевский с буровой бригадой перебрался в Нарым.

В Нарыме в это же время начинали свою стезю многие молодые, впоследствии известные геологи, буровики, геологини ("Лиза Княгницкая, Юлия Кононова.." - ностальгически вспоминает мой до сих жизнерадостный сосед!).

В Западной Сибири начался нефтеразведочный бум: пошла Тюменская нефть!.. Вместе с другими подразделениями Новосибирского треста бригада, в которой работал Меджевский была передана "Тюменьнефтегеологии", и он в 59-м году оказался в Мегионе... 35 лет назад!

Что представлял из себя Мегион в то время?

Маленький, вдоль Меги колхозный поселок...

Там, где сейчас микрорайоны, была настоящая тайга с кедровыми гривами, клюквенными болотами, брусничниками и черничниками, в речке, которую жители зовут за ее неприглядный вид Бардаковкой, водилась рыба, была она чистоводной.

Виноват ли Меджевский в том, что стало с природой в мегионской округе? Может быть. Но меньше, чем те, кто прилетал со свитой и фотографировался на фоне первых фонтанов в наркотической эйфории от предполагавшегося звездопада наград и зеленой пурги нефтедолларов. И плевать ему было на первые, ручейками, радужные нефтяные струйки, стекавшие в Мегу, Юган, Обь. "Даешь!.. Нефть - забота общая!.. Метры!.. Тонны!.."

Меджевский в это время гонял инструмент: "Вира-майна!" - с шутками, прибаутками, "долбился" в темные неведомые недра, - короче, давал "метры", "скважины", "объекты испытания", "запасы нефти, газа, конденсата по категориям А, Б, С...

А с 69-го по 72-ой был нефтеразведчиком, "интернационалистом" - помогал гэдээровцам в поисках нефти...

Разноплеменные советские буровики на румынских буровых установках вместе с немецкими товарищами (помните, песня: "Айнхайнт! Фройндшафт...") вели разведку нефти в ГДР. А Меджевский - в 45 км от знаменитого Потсдама! Интернационализм в действии...

"Культурно жили... - говорит немногословный, когда дело касается его личной жизни, бывший "культуртрегер", - Европа ж! В городе жили. Да и в вагончиках... И работали - культурно: педанты ж! Народ, привыкший к порядку! "Орднунг" - любимое слово! На буровой - на все стандарты! На раствор. На технологию... И это тогда! У нас этого по сей день нету. Там - попробуй нарушь: пожалеешь, что родился! И остальное! Отдыхали - культурно. В выходной - кто куда: на экскурсии, в кино, в театр, в кабаре, но нам не рекомендовали... А хочешь - в "гешефт"... Заведения такие. Да вроде кафе или пивной... В Румынии позже был - никакого сравнения! О, пиво у них "Я-я!.. Бир - зер гут!" Но, главное, орднунг - порядок, по-ихнему..."

Видимо, командировка в гэдээр и сподвигла Меджевского Геннадия Владимировича согласиться на предложение знаменитого Н.И.Григорьева вступить в должность инженера противofонтанной части; хоть на этой - профилактической в своей основе - работе навести "орднунг", - хоть по-русски, но - порядок...

...На богатейшем месторождении знаменитая бригада по испытанию скважин исследовала последний объект (а их около полутора десятков!) и пошла на обед... Пообедавши, обнаружила, что из манифольда, которым было обвязано межколонье, "шурует" сеноманский газ... Задвижка, угольник - размыто, и газопроявление стало неуправляемым фонтаном...

Кто-то некачественно зацементировал обсадную колонну, затрубье было под давлением, вот бригада и стравливала в течение многих недель давление. Приехал знаменитый мастер, приезжали специалисты - "бара-бир"! Объекты идут! Прирост запасов есть? О-отлично!.." А что на "газовом" факелке ушица варилась, не замечали. "Не придавали значения! Везде так. Что тут такого?"

Всю осень упражнялись лучшие специалисты по тушению и глушению фонтанов... Не получилось. Бурим наклонную скважину под фонтан. И всегда "хлебать", как говорится, приходится тем, кто "сбоку припека"... В мае под моим руководством (и, естественно, ответственностью) спустили и зацементировали техничес-

кую колонну, а вот устье скважины после его оборудования пришлось принимать Меджевскому: опрессовывать, провести учение с бригадой и т.п. Ведь если выйдем в зону фонтанирующей скважины - и у нас может "загудеть" (а все и так загазовано - все верхние воды, везде: буль-буль-буль).

В весеннее водополье прилетел я на буровую. От подтопленной, из кедровых лесин вертолетки к балкам у буровой почти плывем на ГТТ. Слева, над клокочущим кратером лепестками тюльпанов вскидываются в голубое небо языки пламени, некоторые летят высоко-высоко, в поисках кислорода...

Одним из первых встречается Меджевский. "Ну как?" "Порядок в танковых частях!" - коронка зуба блестит ярче пламени факела.

"Смотри! - грожусь я, - а то ведь и не убежим, если и здесь полыхнет такое же, грязь-то по..."

"Я себе уже вымостил дорожку! - взгрыкивает Геннадий Владимирович. - Вон туда: против ветра..."

...Я высчитывал траекторию: все! плюс-минус двадцать метров! "Пойду тормозну, еще раз проверим!" И тут: "В.Н.!! Раствор уходит!"

Считанные секунды - и я, в тапочках вскочив в кирзачи мастера, на буровой: "Все насосы - по газам! Циркуляция? Нет? Закрыть ПВО! (противовыбросовое оборудование)". Через несколько секунд гидравлический удар в бурильном инструменте: сработали обратные клапана! Давление в трубах и затрубье растет...

Смуглый черноволосый мастер бригады Богдан Савчук, которого я как и другие предупреждал, чтобы были настороже, как это может выглядеть, когда мы соединимся с фонтаном: "Сначала взасос, а потом - пфу! Пошел на...!"

"Точно! - повторяет он несколько раз. - Сначала взасос, а потом... фу! Перегаром, мол, несет!"

"Ну что, Меджевский, с вас причитается!"

"А это как сказать - с кого? И главное - кому? Меджевскому - можно, а вам звонить надо в главк... Ну как? Уел?.."

"Уел, Геннадий Владимирович, уел... Ты уж извини: не рассказал я ни про богоданную тебе супругу - познакомился я с нею

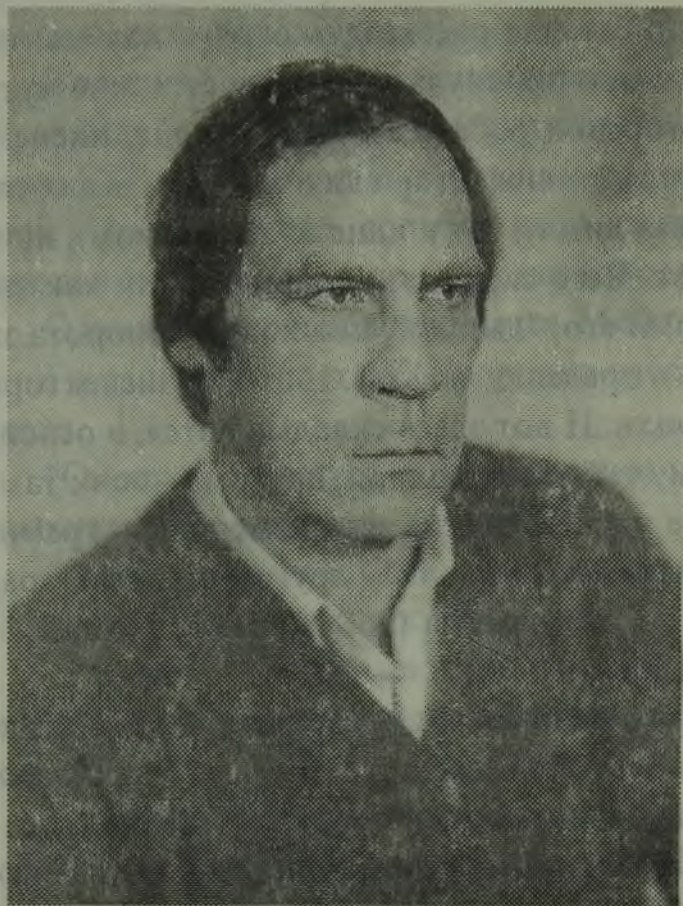
недавно, к сожалению, но уверен: такая тебе и нужна была! (Править тобой надо было, как, впрочем, и мной, грешным, чтобы не заносило слишком в сторону!). И про деток твоих... Лишь о тебе. Но таков жанр!

Многое можно было бы еще рассказать о тебе: как мы на Верхней Тольке мерзли и прочих случаях. Но хочется мне чуть порассуждать об инспекторской работе. Интересна она, инспекторская работа! Она не только инспектора как человека высвечивает (кто, мол, в чин вошел лисой, тот в чине будет волком), но и тех, кого он инспектирует. Чего скрывать, правила - они как закон, а закон... что дышло! И его, "дышло", можно без поворота за ним колес поворачивать, в пределах люфта". И это от инспектора зависит, что бы ни говорили. И вот здесь складываются, в основном, две ситуации: одному ты - брат родной, другому - волк тамбовский! Кончилось твое инспекторство или изменились границы, "брат родной" - нос отвернет, а "волк" - другом станет! Парадокс! Может, ты не согласен, но я даже на твоём примере это вижу... Если я не прав, прошу простить...

Если бы я не знал того человека, с которым приехал тогда, совершив вынужденный вояж, Меджевский, я бы и не стал писать этот рассказ. Но я его знал, и знал его философию общения, заимствованную от "старших товарищей" (по должности!): "Гусь свинье не товарищ!" Я достоверно знал, что в своём "гусином стаде" напивался он до поросёчьего визга. Это было в преддверии перестройки. Тогда был популярен анекдот про Савву Морозова из фильма, преподнесшего урок русским офицерам, пьющим с утра и получившим отповедь от негоцианта: "Вот видите! С утра даже лошади не пьют". Так оно! Лошади - не извращенные и под утро не пьют. И, возможно, фильм был создан по заказу борцов за трезвость народа, но сколько в этом презрения к простому офицеру, пусть и из народа...

И я полагаю, что Меджевский тогда правильно поступил с "замом": "Можно, Меджевский! Смейся над ханжами, иронизируй над снобами, подбадривай невезучих! И даже когда здоровье позволит или жена, прими! Меджевскому - можно!"

РУКИ, КОТОРЫЕ БЕЗ РАБОТЫ ЗЯБНУТ

РММ нефтеразведок. Какая техника, какое оборудование только не ремонтировалось в них. Какие только запчасти не изготавливались, не восстанавливались экспедиционными "левшами" на разбитых, времен "догоним и перегоним", токарных и прочих станках - только дай образец!

Что было, то было: не любили наши механики и мастера чертежи, первым делом спрашивали: "Образец принес?".

За тридцать лет работы со многими из них пришлось мне столкнуться. Была у них еще одна общая черта: виртуозная способность поводить за нос ненахального заказчика. "Сделаем. Будет. Тика в тикую! Вон - видишь? - уже в станке твоя..." Потоптавшись, уйдет ненавязчивый заказчик, а вернется к тому же. "Понимаешь, дали заказ по-аварийному - пришлось все отложить, - проясняет ему ситуацию начальник мехцеха. - Да не беспокойся, сделаем!" И ведь сделают - когда и этот заказ станет "аварийным".

В 1982 году мне пришлось дать довольно сложный заказ в ЦБПО. Для пущей важности я решил заручиться визой директора - он меня и познакомил со своим новым начальником мехцеха, гренадерского роста, чуть сутуловатым, моих лет, т.е. под сорок или около того, спокойным мужчиной с продолговатым мужест-

венным лицом. Спрятав мою руку в широкой ладони, он вежливо приподнялся и, погромыхая сдержанным баритоном, назвал себя: "Александр Иванович Вацпан. Вац-пан..." - повторил для ясности по слогам.

"Из прибалтийских немцев, видимо," - механически отметил я про себя. В цеху, в застекленной каморке, мы занялись чертежами.

Изредка Александр Иванович задавал вопросы, выслушав пояснения, делал пометки идеально заточенным карандашом. Изучив чертежи, спросил о том, как срочно нужен заказ. По привычке я подстраховался, назвал дату поближе. Он полистал свои бумаги, помолчал, прикидывая в уме, а затем уж коротко громыхнул: "Хорошо, постараемся".

По возможности я наведывался в мехцех узнать как дела.

"В работе, - информировал меня Александр Иванович. Постараемся в срок уложиться". И согласовывал изменения (замену марки стали и т.п.).

И этот заказ, и последующие исполнялись в срок и качественно.

Слушая слова благодарности, со всамделишным удивлением от ответил: "Да что вы! Нам самим такие - плановые - заказы выгодны! Простой сокращаем, вторую смену ставим... Станочный парк загружаем!"

С тех пор я проникся к Александру Ивановичу Вацпану почтением и уважением. Приятно было наблюдать за его высокой фигурой, несуетно двигавшейся по цеху, слышать его сдержанный голос. Ясность и углубленность чувствовались в нем, предсказуемость и открытость...

В последние "постперестроечные" годы встречаться мы стали реже, не по службе - случайно. Столкнешься на бегу: "Как жизнь? Ключом по голове? Или как в Польше?.."

"Нет! - скажет серьезно Александр Иванович. - Как у лягушки: с оптимизмом! Тоже колотимся: авось, как и она, кусок масла спажтаем и не потонем".

В другой раз: "Ну, как? Акционерируешься? ...Богатым стал? Пару станочков, поди, приватизировал?.."

Снова серьезен: "Натура не та. "Прихватизируют" - ведь вы это имели в виду?"

Прихватизируют те, у кого руки липкие... А у меня руки без работы зябнут".

Сибирский латгалец

Родился Саша Вацпан в конце 1939 года в селе Тимофеевка на речке Тартас, меж Барабинской степью и Васюганским предболотьем, в семье переселенцев из Прибалтики - латгальцев.

Переселились латгальцы в ныне Новосибирскую область в конце прошлого века. Так что Сашина матушка Миколина Иосифовна и отец Иван Антонович родились в Сибири уже. Матушке сейчас восемьдесят седьмой идет, а отца Саша не помнит: в 1940 году Ивана Антоновича, колхозного бригадира, в числе пяти десятков других латгальцев по доносу увезли в Венгерово и - с концами. После 1957 реабилитировали...

"Мать говорит, - вспоминает Александр Иванович, - что я сейчас - вылитый отец тогда. Может быть. А вот возрастом - уже постарше его... Да! Хоть бы на фотокарточке увидеть... Обидно. Знать бы, что на небесах свидимся, легче было б..."

...А у меня - на фронте погиб. Да, словно косы по разнотравью прошли безжалостно по разноплеменным городам и весям войны, репрессии, и - косарь из косарей - голод.

"По соседству татарская деревня была, тоже всех мужиков перевели. Да и с русскими не церемонились тож. В школе - одно говорили, в институте - другое. Сейчас опять все с ног на голову... Не люблю! Сейчас вот колчаковцев превозносят. И вообще белых. Все на красных валят. Колчаковцы, к примеру, не ангелами были. В Тимофеевке вот улица Горовацина есть. По фамилии одного латгальца, которого колчаковцы повесили. Страшно, когда война. Особенно гражданская. Но правда обо все нужна. Не красная, не белая - просто правда. Я так думаю".

Вот правда - взмахнула энкэвэдэшная коса в Тимофеевке и осталась в 1940 году Миколина Иосифовна Вацпан тридцатит-

рехлетней вдовой с шестью детьми на руках. Старшей - четырнадцатый, младшему, Саше, годика еще не было.

Хорошо, что у всех детей "руки без работы зябли". Выдержали они и военные, и послевоенные тяготы и невзгоды.

В Тимофеевке школа-семилетка была на базе прежней, церковно-приходской. А церковь под клуб переделали. Так что не на голом месте советская власть "культурную революцию" творила, и не в одной Тимофеевке, надо заметить.

Пошел в свое время в школу и Саша.

Школа строилась по проекту, была удобной. Вокруг большой парк разбит: тополя, березы, акации, клумбы... Хорошо в ней учиться!

Пойма Тартаса славилась сенокосными лугами: высокотравье с разноцветьем и земляникой даже... Укосистые луга, буйство травы.

И вот он - сенокос - благодать и страда!.. Старого и малого выгоняет на луга. Всем найдется работа по силам, чтобы "не зябли" руки. Коси, вороши, сгребай, копни, вози, мечи, верши! Да и на небо поглядывай - не лиловеют ли небесные застрехи, не играют ли сполохи?..

Подростком и Саша Вацпан трудился в колхозе в полную силу, в сенокосную пору на лошадке копны на волокуше возил на стогонище. Надо не потерять ни травинки, да и копешку не взлахудрить, чтобы метальщики брали сено на вилы с удовольствием... Одна беда - гадюк много! Как зацветет багульник, выползают они из рямов в несметном количестве. Иной год столько их, что бабы в реке белье полоскать опасаются.

Не миновала беда и Сашу. В тринадцать лет на покосе ужалила его в ногу змея. На счастье, родная тетка Ядвига рядом оказалась. Высосала яд, ранку головешкой прижгла. Спасибо ей - оклемался без последствий.

В год, когда оплакивали почившего в бозе "отца народов", Саша закончил семилетку. Семилетнее образование по тем временам считалось солидным. Среднее было платным, не всем доступным. А для Саши еще и далеким - десятилетка была за 18 км в

Шипицино. И все же мать и старшие настояли - надо Саше учиться.

Два года в мороз, в слякоть, на квартире, на своих харчах, в хорошую погоду, в ведро, зимой - на самодельных лыжах, по теплу - трусцой, а где и рысью - 18 км туда, 18 же обратно.

...Я в пятый класс за шесть верст ходил. Знаю, что это такое. Но ведь это в три раза ближе. Смотришь, студенты по полчаса из-за трех остановок транспорт ждут или "тачку" ловят. Иные времена, иные возможности! Зато они в спортзале на тренажерах потом часами "качаются", наверстывают.

Когда сын пошел в десятый класс, Миколина Иосифовна рассудила, что Саше лучше уехать в Новосибирск к средней дочери. В городе пообвыкнется и паспорт получит.

Городская жизнь, однако, не поглянулась Александру - шумно, людно, грубо, суетно... Да и у сестры девять человек в одной комнате. Школьные порядки другие, вся атмосфера...

Поэтому, как только аттестат получил, в карман его вместе с заветным, с городской пропиской паспортом - и домой, в родную Тимофеевку...

До армии проработал пастухом. Чем не сибирский ковбой: в седле, вместо колыта - оглушительный бич. Молодежная бригада - пять пастухов, два стада. Доярки до сих пор добрым словом вспоминают...

"Отслужу, - планировал Александр, - поступлю в институт на механика. Может, и в Тимофеевку вернусь..."

Да не знал - хоть и самый разгар знаменитой "оттепели" шел, а поступила вновь команда: "Из колхозов не пущать!" А у нас ведь как? Лоб расшибут, а команду выполнят "досрочно и на 500 процентов". Целину поднимать? Так до самого крылечка! В Тимофеевке и луга, и выгоны распахали так, что ни гусенка, ни поросенка селянину уже не выпасти. Не целину, а душу деревенскую в распыл пустили!

Вот и Александр в армии лелеял свою мечту об институте, каждую свободную минуту использовал для ее реализации - штудировал учебники.

Вернулся домой, погостил чуток и к председателю: "Дайте направление в институт. На механика выучусь, вернусь. Отпустите!" А тот в ответ: "Колхозу, товарищ Вацпан, пастухи нужны!" - и весь сказ.

Поехал в Венгерово, где призывался, попросил по квитанции вернуть паспорт, объясняя, что хочет учиться - отказали!

Помыкался, помыкался, но паспорт в другом районе, по благу так сказать, почти через год все же получил. И - в Новосибирск, к сестре. Начал работать учеником фрезеровщика на заводе, поступил в НЭТИ, на вечернее отделение машиностроительного факультета. Жилось трудно. Первое время ходил в бушлате, гимнастерке, сапогах. Работа физически трудная, монотонная. И в институте нагрузка - технический вуз. Заниматься, особенно чертежами, никаких условий. За два года до окончания устроился мастером производственного обучения в ГПТУ. Комнату дали. Работа, правда, тоже не сахар: группа смешанная, бывшие восьмиклассники. Но сработался, в турпоходы даже ходили. Был занят невпродых, но хаживал в оперный, в музкомедию.

В 1967 году защитил диплом. Направили в Кустанай. А попал... в Миасс. Почему - особая история. В поезде познакомился с девушкой, молодым специалистом тоже, и поехал с ней к ее месту назначения...

"Вот уж не ожидал от вас такого кульбита!" - бестактно восклицаю я. Александр Иванович пожимает плечами и, словно оправдываясь, рокошет: "Я, вообще-то, девушками не очень увлекался. Молодой был, свободный!"

...Молодость, молодость!.. Знать бы, как жизнь повернется, может, и поехал бы Александр Иванович по предписанному маршруту. Впрочем, на воде вилами писано. Ведь и при этом раскладе были все же дни золотые. Дочь родилась. Да еще угадала появиться в его день рождения. Какой был ему подарочек! Через все прошли, что многим было уготовано. Жили в разных общагах, снимали частную комнату, переезжали: Волгоград, Тольятти. На АвтоВАЗе шесть лет в малосемейке, потом двухкомнатная. Тестя похоронили, произвели обмен. Квартира большая - обстановку надо... Такова жизнь - растут потребности!

Вот и приехал Александр Иванович в Мегион в 1981 году - подзаработать на обстановку и другие "возросшие" потребности. Вскоре получил балок в "пышминском" поселке. Семью везти - а жена на развод подала. Не стал уговаривать. Тут же послал письменное согласие... Резко вышло!

"А мегионскую жизнь мою вы знаете, что про нее говорить!.. Турбинный цех, потом механический. А как демократия пошла - на СТК выбрали главным инженером, так и работаю. Конечно, это внешняя сторона, вы правы, - соглашается Александр Иванович. - А личная..." Он задумывается.

Мы сидим на кухне. Уже полночь. Я боюсь, что нить разговора оборвется и не тороплю собеседника.

"Личная... Личная... - он проводит широкой ладонью по насупленному лицу. - Хм... Холостяковал - вот и вся личная жизнь. Учился готовить, убирать. Работал. Хорошо, работы хватало... Читал книги, периодику, техническую литературу. Телевизор. Кино. Рыбалка. К подледному лову страсть еще с пеленок. Случалось, и водочку попивал. Но я меру знаю, не заносило. Да и организм позволял, что другому смертельно, мне в аккурат. Ну и все такое еще. Сложное это дело - личная жизнь, духовная... Я ведь и "состоял", и по совести старался быть коммунистом. И секретарем первички был. Задумывался, а есть ли партия-то? Вспоминалось, как в Тимофеевке "ковбоили". Аналогия сама шла: там на коне "ковбой", внизу "стадо". Партии тоже нет: есть пастухи и стадо. Грубо, обидно, но так я думал. Мы всей первичкой задолго до отпуска вышли из "стада"... Сейчас я пока ни в какую партию не ходок. Вот так! В 86-ом году встретил женщину, которая стала мне женой. Вот с ней с тех пор и связана моя личная жизнь". Он снова умолк.

"В деревню вот тянет... - после паузы говорит он, и, суровые складки на лице чуть разглаживаются. - Мы ведь с женой в отпуск - один год в нашу Тимофеевку, другой - к ней на Украину. Мама, - я говорил? - у сестры живет, в Тимофеевке. Живут неплохо: дом рубленый настоящий сибирский с шатровой крышей. Речка рядом. Мотоцикл. Лошадь... Хорошо у них!..

Ну и наплел я сегодня... Больше, чем за всю жизнь!" - спохватывается вдруг Александр Иванович.

"Так кто ты, Александр Иванович, сибиряк, латгалец?"

Долго думает, насупившись, Александр Иванович Вацпан, внук латгальского переселенца, сын репрессированного колхозного бригадира (вылитый он, по словам матери), меггионец с 30 июня 1981 года...

"Я - сибирский латгалец!"

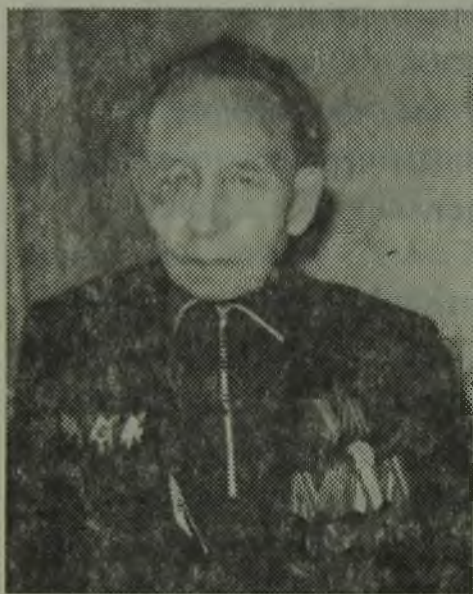
"Дыжан грыбу, каб лавьдь мыси рейт дзейвоту лобок кай шудинь - и тотчас же повторил по-русски: - Очень хочу, чтобы люди наши в ближайшее время жили лучше, чем сегодня..."

По зарубежным "образцам", типовым чертежам или индивидуальным эскизам. Как душа пожелает.

ПОХОРОНЕННЫЙ И ВОСКРЕСШИЙ...

*"Едва не погубили меня на земле;
но я не оставил повелений Твоих.
По милости Твоей оживляй меня, и
буду хранить откровения уст Твоих".*

Псалтырь, 118:87-88.

Одиннадцатая мотобригада десятого корпуса, в составе 2-го Прибалтийского фронта, стремительно наступала в сторону Риги несмотря на жестокое сопротивление сильных немецких группировок.

Операция по освобождению началась 14 сентября 44-го года. Командовал фронтом Говоров, корпусом - Шапошников.

Танк, на броне которого находился старший сержант Владимир Маметев, утром 24 сентября двинулся вперед - на Ригу, до которой оставалось около 60 километров.

И тут случилось непредвиденное: танк, словно мамонт в замаскированную яму, на всем ходу зарюхался то ли в погреб, то ли в подполье... возле полуразрушенного хутора. Солдаты, чуть не свалившиеся под гусеницы, споро, без суеты, подкапывали края траншеи, подносили бревна, ваги, цепляли буксир за подъехавший на выручку танк - бесполезно! Подкатил, лихо развернувшись, третий танк. "Двойной-то тягой - выдернем!" - обрадовались. И точно: пошло-пошло... пошло!

...Ах, какая это была прекрасная мишень: три танка, подставившие бортовую броню... Немцы только того и ждали (хоть и поздно заметили).

Взрывная волна швырнула изрешеченного осколками старшего сержанта Маметьева под свой, выползавший из траншеи танк...

Мгновенно расцепившись, танкисты выпустили в ответ несколько снарядов. Пехотинцы подобрали раненых на броню, спешно перевязав. "А Маметьев-то... Маметьев где?" - "Да его ж под гусанку бросило: измололо, вона - даже не видать".

Взревев, танки загрохотали в сторону противника, делая короткие остановки: выстрел - и дальше... на Ригу!

Война войной, а канцелярия канцелярией: ни шатко, ни валко, а - пишет. Через какое-то время его, Маметьева, сняли с довольствия, исключили из списка личного состава и послали в далекую Томскую область, в Чулымские края похоронку жене, Евдокии Титовне: "Ваш муж... смертью храбрых..."

А между тем Владимир Анисимович Маметьев, старший сержант, санинструктор, сибиряк, 1912 года рождения - остался жив! Судьба его хранила: он оказался между гусеницами, и танк, чуток его примяв, присыпал землицей, обдал выхлопными газами... не размесил, короче.

Этот момент, когда танк с грохотом, лязгом и удушливостью довлел над ним, Маметьев запечатлел в оцепеневшем сознании. И позже, пока находился в танковой ловушке, он полностью сознание не терял: дремотность бывала наплывами. Однако не то что выбраться из траншеи, толком сделать перевязку он не мог: ноги и правая рука не действовали, грудь тоже была поражена осколками, он истекал кровью.

Страх не было: заторможенность, оцепенение. "Ниче-е... Сыскали бы только, а там, в госпиталь, сложат, зашьют... Оклемаюсь, не замай! Поди, и комиссуют, повоюю еще... Лицо вспотелое аль в крови? Смахнуть бы..." Вперекор боли сделал попытку выбраться из выемки да не выкарабкался: поерзал-поерзал, вьюном поувивался да землю стряхнул к вящему сожалению. Позатих и боль притупилась. С тоской и жалью к себе вгляделся он сквозь вычурные высокие серебристые облака в зовущее бездонье небес... Из подсознания всплыли сами собой как бы вчуже слова: "Господи! К Тебе взываю; поспеши ко мне, внимли голосу моленья мое-

го, когда взываю к Тебе". К Господу молитва была или к своим санитарам, Маметьеву было едино: лишь бы пришли на помощь. День уже клонился к вечеру, а он изнемогал от боли и потери крови. "В 42-м и то - быстрехонько, сутки не минул, - рану зашили и в госпиталь отправили по бездорожице. А тут..." - и он чуть ли не с приятностью стал вспоминать свое первое ранение...

На действительную его призвали в 39-м году, в финскую кампанию; на фронт повезли, но воевать не пришлось - заключили мир. Демобилизовался, стал речным моряком: закончил курсы капитанов. Да и одну навигацию по Чулыму не успел отходить - началась Отечественная война. Заменили Маметьеву пехотинскую книжку на военно-морскую - с якорем, и - во Владивосток. После санинструкторских курсов выпустили его в 13 морскую бригаду. 25 октября погрузили бригаду в пять эшелонов и повезли защищать столицу Родины - Москву, а выгрузили... под Ленинградом, для участия в прорыве Ленинградской блокады.

13 морская бригада входила в состав Волховского фронта, организованного в декабре 41-го. Операция по снятию блокады началась в январе 43-го года и продолжалась всю зиму и весну, а закончилась окружением 2-й ударной армии, которой командовал Власов, застрывшей в лесах и болотах.

Моряков постоянно перекидывали на самые тяжелые участки. И хотя экипировали их, после прибытия, соответственно: валенки, полушубки выдали, они, кто бескозырку, кто бушлат, а уж тельняшки - обязательно! - хранили, в атаку ходили в них.

Погода вот противная была: только переобмундировались, дождь прошел - валенки и овчина раскисли. Не успели обсушиться - мороз, все задубело, ломается... Да и местность... Про болота - говорить нечего. А и взгорки в лесу - и те с подковыкой! Траншею, окоп: на штык лопатки землю вскроешь - вода...

А немцы, вышедшие к Ладожскому озеру, успели крепко окопаться, настроили непрошибаемых дотов: бревна, рельсы до десяти рядов - все это сверху бетоном залито. Восемь раз, вспоминает Маметьев, ходили в атаку. В последний раз на участке морской бригады четыре часа артподготовка длилась! Потом авиация на-

несла бомбовые удары. Двинулись в атаку - немец шквальным огнем встретил, как будто ничего и не было...

В этой атаке и ранило Маметьева... В лицо.

"Хорошо, что вперед смотрел, назад не оглядывался, - шутили хирурги, - а то бы мозги пуля прошила..."

"Какая боль была! Не приведи, Господи... Три месяца есть не мог! С трубочки кормили, с соски, как дите малое... Девять месяцев по госпиталям возили. Осталась от того ранения сподглызья, к уху, глубокая выщербина... С лица хоть и не воду пить, а все же... Да и позже, у танкистов уже в бригаде, в 43-м, нет-нет да и вскрывалась рана; выбаливали костяные осколки..."

Хоть и неунывный характер у сибиряка, а тело к тяготам и боли выдюжливо, - дак сколько времени ж терпеть-то можно?.. И опять сами собой, в детстве слышанные и говоренные, молитвенные слова из души беззвучно исторгаются. Сумерки надвигаются аль в глазах морочливо? Кто-то серый, безликий, молчаливый подхватил Маметьева под мышки, потащил. Забегали огненные мурашки по телу, зубастые огневушки закогтились, запылыхало нутро. "Эх, окунуться бы в прохладные чулымские воды!"

Очнулся в какой-то сараюшке в темноте. По бредовому стону понял, что не один.

Как потом оказалось, нашел раненых старый латыш, кое-как обиходил их и затащил в полуразрушенное строение. А оттуда их на следующие сутки, на тряской повозке (вот мука-то была!) доставили в госпиталь.

И надо же! Оказалось, какой-то вражина, выжига, мародер! - обчистил его карманы, документы даже (а, может, в первую очередь?) прихватил, с мясом выдрал награды (медаль "За отвагу" жалко было особенно)... вот тебе и сапоги всмятку! Гол как сокол! Махнем не глядя - как на фронте говорят. И то: не погубили, и слава Богу!"

Госпиталь в городе Валмиера, верст сто до Риги, нашей уже. Статус тяжелораненого. Кормежка хорошая да не естся. Что-что, а подолгу голодовать не приходилось: и в морской бригаде, и в танковой - по 9-й норме. Это не в пехоте, признаться; справедливо ли: им, на броне, 900 граммов хлеба да приварок добрый, а

пехтуре - 600, а приварок - крупинка за крупинкой гоняется, догнать не может. А сейчас танкисты пайку брали для блезиру: трофейным снабжались. Сытная житуха была в наступлении.

Эх, хорошо-то хорошо - кабы гангрена в правой руке не началась...

Отняли руку-то в городе Валмиера, похоронили в прибалтийской земле...

"Безрукий"... Ни хлеба отрезать, ни ширинку застегнуть - одной левой-то... "Безправорукий"... отняли руку - по самый плечевой суставчик... в зарубежье теперь оказалась правая рученька Владимира Анисимовича Маметьева; за полвека истлели ее косточки, жилочки и прожилочки, распалась она на молекулы, подкормив цветок ли, яблоньку ль, другое какое ли творенье божье, вступив в вечный круговорот жизни. Посмотреть бы, да нет возможности: зарубежье!

Псков, Подмосковье... Ноябрь 44-го.. Два месяца после ранения. Улыбающийся хирург: "Что, Анисимыч, сегодня - домой айда?" Маметьев опешил: "Как - домой? Раны ж открыты: и плечо, и колено!" - "Сестру до дому дадим..."

"Пока раны не закроются, не поеду!" - беззазорно глянув в глаза врача, как отрезал раненый.

"А я тебя с довольствия сыму!"

"Сымай!"

Сутки помурыжил да куда денется: стали кормить.

Через месяц снова разговор затеял: "Сейчас как?"

Хотя рана на колене открыта была, согласился старший сержант: "Ладно, счас поеду. Сестры не надо - один поеду!" И поехал.

В Томске, ожидая транспорт в свои края, и встретил Маметьев однополчанина по мотобригаде... "Жив?! А мы ж думали, что тебя танк под гусянками измолол и похоронили... Вот те крест!" - поклялся однополчанин.

"Да ну! - ворохнулся в груди холодок, а голос не дрогнул. - Ишь, быстряки, что удумали! Ну, считай тогда, что воскрес..."

"Жить долго будешь!" - воскликнул боевой товарищ. На том расстались.

А 16 января 1945 года старший сержант Маметьев был дома, в родной Зыряновке, где встретили его жена Дуся и приемный сынок Шурик, вывезенный из блокадного Ленинграда в зыряновский детдом, откуда и забрала его Евдокия Титовна еще два года назад.

А вскоре получил он на себя... похоронку. Отдал ее военкому при оформлении документов - и зря! Затерялся такой документ!

Медкомиссия дала Владимиру Анисимовичу 2-ю группу инвалидности и, соответственно, 240 рублей пенсии (у барыг буханка хлеба стоила до пятисот рублей), и началась его гражданская жизнь: перевязки в амбулатории, тренировки левой руки, - чтобы и за себя, и за правую... Уберег его Бог и от самого страшного врага инвалидов - "зеленого змия". В молодости, когда работал в лесной промышленности и, особенно на золотых приисках, случалось ему прикладываться к рюмке, - да здоров был, хоть в плечах не широк да круглогруд, объемист в легких, сердцем силен, генами, - не приставала к нему ни пагубная страсть, ни болезнь, - как с гуся вода. Вот и тут смог блюсти себя, хоть и важивался со всяким людом.

И сам покалечен, и двое братьев погибли на фронте, третий, в тылу, на брони, умер, а День Победы радостью воссиял: "Одолели, победили!" Эх, поспраждновали! И выпить было что, и закусить: привольны еще и богаты были и причулымские леса, и чулымские воды!

Трудно, трудно привыкалось к однорукой жизни! Не ахти какая, другой раз, работенка, - а не осилить, хоть плачь, хоть матюкайся, хоть репку пой. А тут еще в 50-м году перекомиссия (как будто рука за это время могла вырасти!). Молодой хирург, строго вперив в Маметьева пронзительный взгляд, выражавший врожденное бездушье и казенщину, верезгливо говорил: "Вы трудоспособны. Поэтому вам устанавливается III группа. Странно, почему сразу ее не дали. Можете работать сторожем, например. Гардеробщиком... э..."

Беззащитно озираясь, одиноко, как перед вражескими окопами, стоял Маметьев перед комиссией, но при последнем слове

огрызнулся: "Гардеробщиком! Скажете! В зубах что ли польты таскать буду? Поди, не овчарка я немецкая, в зубах таскать-то, не обучен..."

Не велика пенсия по 2-й группе, а по 3-й - всего-ничего! Пришлось искать работу... Жизнь-то послепобедная, считай, вся впереди, а ему, инвалиду 3-й группы, и лет-то всего 37!

Сторожем, кладовщиком, экспедитором, снова - сторожем, сторожем, сторожем. И в родных краях, и в Мегионе, куда приехал к сыну Шурику, еще в 66-м году... В Мегионе и на пенсию вышел по возрасту, сыну по хозяйству стал помогать, а в последние годы, как дачу завели да немного обустроили, с ранней весны до поздней осени Владимир Анисимович там живет, за парниками присматривает, урожай сторожит, посильную работу справляет. Внуки растут у него, есть и правнуки...

...С праздником Победы Вас, Владимир Анисимович! Спокойных и солнечных дней Вам и долгих лет жизни (не менее, чем прожила Ваша матушка Федосья Федоровна - а прожила она 102 года!)

Р.С. К сожалению, не дождался Владимир Анисимович Маметьев выхода книги - умер в 1996 году, упокоился в мегионской земле. Мир его душе и светлая память!

МОЙ ДРУГ И ДРУГ ТАЙГИ - КАЛМЫК

На скамейке у соседнего подъезда с некоторых пор я стал видеть грузноватого - в прошлом, видимо, могучего - мужчину со спокойным, достойным тела, осанистым лицом. Со временем мы

стали здороваться. Голос у него солидно-баритонист, но не начальственный.

Из разговоров я понял, что это Николай Леонтьевич Ильин, мегионский старожил, в прошлом - в начале шестидесятых годов - председатель мегионского колхоза. В нашем доме получил квартиру взамен своей отчей усадьбы, попавшей в зону застройки берега Меги девятиэтажками. Ныне, одолеваемый хворями, на пенсии, как и супруга - Зоя Павловна, всю жизнь проработавшая дояркой.

Я в то время только начал работать над циклом очерков "Здравствуй, сосед!", и, естественно, Николай Леонтьевич меня заинтересовал. Однако, получить "интервью" у него удалось мне с большим трудом, по прошествии года с лишком (то ему неколи: гости пришли, то - нездоровится, а в другой раз - я в аналогичной

ситуации). Наконец, встретились! И опять беда: слова из Николая Леонтьевича не вытянешь, одни "да" - "нет"...

Следующую беседу, состоявшуюся чуть ли не через полгода, я начал в ином ключе.

- Николай Леонтьевич! Почетные грамоты, другие награды, - сохранились, может? Ведь награждали вас "За успехи в социальном соревновании", поди?

Собеседник оживился.

- А как же? Этого добра хватало: сундуки обклеивали! Да и еще вон осталось: рулон цельный. Только это - мегионской поры. Совхозной...

Почетные Грамоты двадцатилетней давности!..

Райкомовские... Окружные... Областные... Министерские... И просто: от дирекции совхоза, от шефов, от владельцев совхоза НГДУ и нефтяных объединений, - в последние годы, в том числе и пенсионные...

"В честь 50-летия Нижне-Вартовского района..."

подписи: С.Д.Великопольский, первый секретарь горкома КПСС

В.Д.Салмин, предрика Нижневартковского района

"...за успехи в социалистическом соревновании..."

подписи: Вязовцев Л.И., генеральный директор ННГ
Атаян М.Г., председатель профкома ННГ

"...в честь 25-летия образования НГДУ..."

подписи: А.В.Фомин, начальник НГДУ
С.Ф.Алафинов, секретарь парткома НГДУ

"...и в связи со Всесоюзным днем работников сельского хозяйства", за подписью Замминистра, тоже есть грамота.

Много Грамот, много Чести на счету Николая Леонтьевича Ильина...

- Приятно было, - спрашиваю хозяина, - получать их? Или ценный подарок, премию приличную - все же лучше бы?

Николай Леонтьевич хрипловато смеется, будто кашляет: - Конечно, кто отказался бы! От подарка-то или премии хорошей. (Да ведь и их давали - по десятке-двадцатке. Время такое было.

Все ж таки, хоть бумажкой, а принародно - отмечали, не забывали... Было такое, да, видать, отошло: хорошее-то быстро отходит).

- Значит, стимулировали все же Почетные Грамоты энтузиазм, "толкали" на трудовые подвиги?

- Внимание - дорого-то было. "Стрессы", как говорят сейчас, сымало. Приятно, все ж таки, из рук "самого" получить что ни то: отмякает душа, злости меньше становится.

Много Грамот, да закончились, и разговор пошел с пробуксовкой.

"Родился в 27-м. В Красноярском крае. Как все пацаны деревенские рос. В школу еще не пошел, - а какой: четырех не было, - как отца раскулачили. Сюда, на Тюменский Север сослали. Судьба-то ведь как поворачивается? Трудолюбие есть у человека - нигде не сгинет! Нас сюда как кулаков сослали, перед колхозами. В землянках жили. Тайгу корчевали. Строились. На гривах да на заболотьях пашни создавали, луга, покосы. Гнилые места окультуривали, в нивы превращали, в сенокосы, в пастбища. Не только хлеба да картошку себе на потребу имели - животноводство подняли. Так вот и выжили. Семьи создавали. По труду и достаток имели. Веселились бывало, праздники справляли, жизни радовались. Оно ведь, счастье, не в недостатке одном да веселии, но и в простом труде... Когда все получается - к чему руку приложишь!

Непроходимые тут места были! Все на лодках, да зимой тоже больше по реке... Колхоз наш "Ударник" был - как сейчас по Вартовской дороге, где мост вправо... Дачи там сейчас... Да за Чертовым мостом же. Так там только сверху было гектаров пять пашни. Чапыжником позаросли наши пашни, луга и сенокосы. А ведь столько труда было вложено!

В школе долго учиться не пришлось: жить надо было, работать... Да в Мегионе и учился: у ханта квартировал. Ничего, добрый был. Продуктов привезешь с собой, вот и питаешься. И учишься.

В колхозе всякую работу справлял. И бригадирствовал потом. И председателем довелось побыть. Потом начались всякие "укрупнения", "объединения". В совхоз реорганизовали: в Меги-

онский, потом в Вартовский, снова в Мегионский... До 800 дойных коров было! А всего, с молодыком, и за две тысячи переваливало. Зиму - здесь, где фермы, а на лето - на пастбища - за реку! - перевозили аппаратками. В последнее время все больше скотником да на разных работах. На пенсию-то уходили - совхоз еще крепкий был. А сейчас - все порушилось: ликвидируют, слышал. Жалко..."

Зоя Павловна подала фотоальбом, потом другой, третий...

Старые, пожелтевшие снимки - ихней молодости, зрелости. Цветные пошли - современные, внуков, детей, родственников и самих хозяев: в нынешнем обличье.

Разговор оживился, стал конкретным.

"Это - сенокос... Конные косилки... Раньше - куда без коня?"

"Летняя дойка... Вручную доили! Да, это жена... Больше двадцати лет дояркой. Машинное-то доение, считай, перед нашей пенсией пошло..."

"Не-ет... Не по поводу "грамот" праздник: родственники с Краснодара да с Иркутска: свояки, шурыки, свояченицы, племянши..."

И еще много подобных пояснений.

"А это с кем вы?" - любопытствую.

"О, это мы с другом: Дорждеев Владимир Ачирович он. В гостях я у него это..."

(На обороте фотокарточки читаю? "На вечную память другу Ниолаю от Владимира снято в пос.Лиман. 1970 году").

"А где это - Лиман?"

"На юге Астраханской области, считай в Калмыкии. Тут такая история: калмык он. А калмыков в 43-м году много сослали в Сибирь. Будто как предателей. Как будто среди других наций не было предателей! Может и у них были, но сослали-то женщин и детей! К нас в колхоз "Ударник" прислали пять семей. И в Лекрысово. И в колхоз "Калинина". И в другие места. Вот и Владимир Дорждаев подростком, - а был он помоложе меня, с 29-го, - попал к нам; жили они впятером: бабка, мать, две сестры и он. У кого пацаны вроде него были, те семьи выкручивались: мужики все же! - и по хозяйству управятся, построят чего, поохотятся, по-

рыбачат опять же... Работали вместе с калмыками. Помогали, чем могли... Вот и подружился. Хороший они народ, хотя и своеобразный: привыкать пришлось им и к климату, и к пище, и к порядкам другим, менять уклад жизни. Сибиряками становились, таежниками... Да родина - манила! Вот... А как реабилитировали их, - в 57-м кажись, - приехал ихний представитель, калмык, организованно погрузил всех на пароход и увез на родину - в степи. Все ж калмык - "друг степей", а не тайги... Переписывались мы с ними, пишут: ничего устроились, в гости приглашают.

Так вот и решились с Зоей Павловной: погостевали в Лимане, на Волге, в начале Ахтубы. Хорошо они нас встретили - душевно!..

Сейчас уже не съездишь! Ни на пенсию, ни на то, что в трудоспособные годы накопили. И накопления, и компенсация за дом да постройки, все, считай, коту под хвост. Куда там в гости слетать! Сейчас на все сбережения не то, что лекарства не купишь, таблетку или укол один выкупишь, разве что. Про бесплатное лечение - одни разговоры... Телефон вот, правда, поставили, чтоб скорую вызвать, - спасибо! Да мы - что! Мы уж - ладно, свое прожили. Детям бы пожить, внукам, правнукам - правнук пока один, - им бы спокойно пожить. Без инфляции и безработицы... Без войн... Без реформ: с верой, что ни шока, ни "скорой" помощи. Покоя хочется в старости, душевного равновесия. Запретно разве?"

Хотелось бы мне уверить Николая Леонтьевича Ильина, что вот-вот снизойдет на Русь высокий духовный покой, но память упорно диктует блоковские строки:

"...Покой нам только снится
сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
и мнет ковыль..."

Нет не только Высокого Покоя, но нет пока у нас мало-мальского Порядка и Миролюбия ни в степях, ни в тайге, ни в городах и весях. И от того грустно и моему соседу, и мне. И, думаю, его другу - калмыку.

"ГАЛИНА - ТИШИНА ИЛИ СПОКОЙСТВИЕ (греческ.)"

За стенкой, в однокомнатной квартире, с новоселья, жила молодая семья: жизнерадостная, открытая, непосредственная. Бойкая, с живыми, в крапинку, глазами соседка за просто записала себя в племянницы: "дядь Вить!.. Теть Галь!.."

Легко с ними жилось: по-соседски.

Но, к их счастью, получили они трехкомнатную квартиру в "асбестовской" девятиэтажке. И вместо них посели-

лись по соседству... тишина в виде застенчивой, неразговорчивой девушки.

Все осталось прежним: дверь, стены, звонки, а - ни скрипа, ни хлопанья, ни крика, ни голосов, ни музыки... тише воды, ниже травы! Идеальная соседка!

"Кто она? - даже я не выдержал, спросил у жены. - Странная какая-то".

"Одна она... осталась, кажется. Вот и..." - не договорила жена, но я понял.

А время шло...

Тихо и естественно появился молодой "дембель" - муж.

Через положенное время, в мае девяносто первого года, появилась у соседки светловолосая отивочка: Анна Владимировна, нареченная в честь бабки по отцу.

Анна - Анюта - Анечка - Аннета - Нюся - Нюрочка!

А сколько их ласковых и уменьшительных имен припасут для нее родители, родня, подруги и только начинающий "гулить" ее будущий возлюбленный?..

Через год, в конце мая, появился братец, Владимир Владимирович, Вовчик, заступник сестре, надежда матери-отцу, наследник-хранитель родового корня.

С коляской вверх, со свертком-конвертом вниз. Вверх-вниз. Вверх-вниз. "Здрасьте..." "Здрасьте!"

Быстро растут соседские дети и незаметно.

Особенно, когда их не видно и не слышно. И вас не просят посидеть с ними часок...

С тихой соседкой, Галиной Викторовной, сидим на кухне: в комнате спит младший Владим Владимыч, попросту Вовчик, (старший - на вахте). Дочь, Анюта, банным листиком льнет к матери; темными фиалковыми глазенками неотступно следит за мной.

"Стесняется", - благодушно поясняет мать.

Галина Викторовна сидит спиной к высокому кухонному окну.

На дворе сиреневый апрель.

Солнце уже вышло из кухни, но день ясный, серебряный, свет льется с улицы широким потоком и чуть ли не позванивает. Над головой матери и прильнувшей к ней девочки нешироким, медвяно-золотистым нимбом высвечивает гладко причесанные русые волосы.

Тишина и покой.

Женщина с дитем на коленях. Сияние вокруг головы...

"Где я это видел?" - спрашиваю я себя.

"Джоконда!" "Мадонна!.." "Эпоха Возрождения" - вот откуда это ощущение.

"Девочки рождаются к миру!" - говорю я и пытаюсь против света сфотографировать мать и прильнувшую к ней дочь.

"Какая мадонна? Просто мать с ребенком..."

Галина бросает короткие реплики и загадочно улыбается, разговорить ее не удастся. С Владим Владимычем-старшим проще: нить разговора с ним идет свободно, временами даже с "напуском": с шутками-прибаутками, но если в доме тишина, то хозяйка в нем - Галина, воистину, по-гречески - само спокойствие и тишина...

Итак, Галина.

Ей уже почти четверть века! Это уже не семнадцать с "плюсом": четверть века!.. Скоро. Двое детей. Знак зодиака - Весы. Работала в детском садике. Неполное высшее образование. Домохозяйка. И все. "Кому это интересно?" - улыбка мягкая, чуть асимметричная. "Мне! - говорю уверенно. - И читателям! Мне кажется... Дети - и не рева, ни крика. Ни детского, ни взрослого. Мне непонятно. А ведь у меня тоже двое. Помню: и я срывался, и они мне устраивали. В чем секрет твой?.."

"Не знаю... - Галина, улыбаясь, пожимает плечами, неопределенно движет головой. - Может, в сказках дело. Интересно... - оживляется она, - в детсаду "Колобок", где я работала, а раньше - закончила его, я ведь коренная мегионка! (сказано, между прочим, с не меньшей гордостью, чем москвичка или киевлянка! И мне это по душе!) Так вот, в детсаду, помню, я любила сказки рассказывать. Года четыре было, наверно. Воспитатель усадит всех ребятишек, а меня - на стуле перед ними. И я рассказываю: про Крошечку-Хаврошечку, про курочку рябу... Да, не смейтесь - помню! Про Иванушку... Про Морозко... Много знала я сказок. От мамы - читала она мне, и с пластинок: любила слушать... Вот, - показывает она на большую стопу долгоиграющих пластинок, - многие еще с тех пор сохранились. В основном, конечно, новые, но и мои еще есть... Музыкальные сказки. "Бременские музыканты", про царя Салтана... про спящую царевну... Даже оперы есть сказочные. Вот мои лопотушки тоже приохотились слушать...

Потом?.. Потом в первую школу пошла. "Первый раз в первый класс". Да красная-то... Трехэтажка! Тогда, по-моему, самая высокая в городе. Вернее, в поселке: это ж в 75-м было. Первую учительницу помню, конечно, Софья Николаевна Хлыпенко. Любили, конечно, и уважали, даже, может, боялись... как Боженьку. Учиться нравилось. Особенно вначале. А потом - потому что надо. Училась хорошо и легко, но никакого предпочтения предметам не уделяла. Просто одни учителя были интереснее, другие - нет. И предметы так. История вот нравилась. Кабанова вела...

После школы в ТИИ поступила. В Тюменский "индус". В 85-м. На транспортный факультет. Мама в МАТХ работала. Может, вы ее и знали. Может, она и повлияла на выбор специальности..."

На любительских снимках - студенческая, незабываемо веселая молодая жизнь! Снимки - на улицах Тюмени, в общагах "индуса": на кроватях в обнимку, на фоне ковриков, с демонстративно выставленными бокалами (прогресс: у меня на чудом четких снимках - с алюминиевыми солдатскими кружками мои однокашники, разновозрастные, разноплеменные, но - связанные обручем студенческой дружбы, самой, пожалуй, нерушимой, мощной, бесклассовой, вечной и бескорыстной, и всех! всепонимающей дружбой), в колхозе, на уборке, в турпоходе... с демонстративно выставленной, чуть тлеющей сигаретой...

(Муж, Владим Владимыч-старший, подначивает: "Дело прошлое, курила ж". Возражает мягко, спокойно: "Нет, просто так, баловались").

"Ну погоди, - останавливаю я его, - дойдем до тебя, тогда остри. - И обращаясь к Гале, спрашиваю: "Поступила в ТИИ, а дальше?"

"А что дальше? Поучилась да и бросила. После третьего курса..."

"Как мамы не стало?"

"Может быть. Да и одно к одному: в специальности разочаровалась".

"В смысле: тяжело или зачем?"

"Да! Чертишь-вертишь. Двигатели. Карбюраторы... Вот такие портянки. А зачем? Не по мне. Короче: бросила, вернулась в Мегион..."

Мы в Мегионе в "деревяшке" жили. По Свободе. Как раз дом под снос. Мамы уже не стало. И вот - меня к вам: в соседи". (Мягкая, задушевная улыбка, словно извиняющаяся, но, в то же время, и отстраняющая: мол, зачем вы меня тревожите? Хочу - скажу, хочу - выставлю вас за дверь)...

...Действительно, я, как у нее в детской группе, поддался ее сказительной ауре, больше того - бессловесной ее сказке: скажет мысленно, чтобы я ушел и забыл, зачем приходил - уйду. Без разочарования. Без внутренней неустроенности: не сделал свое дело, ради которого и приходил. "Не выпытал же ничего!"

"Родня есть... - говорит между тем Галина. - Но далеко: в Северной Осетии. В Пятигорске. Брат и сестра - в Пятигорске. По матери родня. Дед с бабушкой на юге жили. Он - на шахте, она - медсестра.

Да: "Как на шахте угольной..."

Голос у Галины низковатый, с трагическим оттенком, но мягок.

По моим вопросам и ее ответам я сужу о том, что, к обоюдному удовлетворению, мы приходим к тому, что как тот, так и другой оказались несколько выше планки, которую оба ставили друг другу. И это, по крайней мере, для меня, очень, как говорят, приятно.

"Поехать есть куда... - задумчиво, как бы сама себе, говорит Галина, но куда с такой оравой? Да они и сами живут тесно: куда уж! - спохватывается она. - Если уж попозже... Когда подрастем!" - она шевелит ласково фотографии своих детишек...

"В общем домохозяйка я!" - Галина закруглила тот разговор.

По-сибирски жаркий июль... Воскресенье.

Солнце перевалило горку летнего полудня и покатилося по невидимому желобу к вечеру.

Легкий ветерок.

Распахнуты окна. Приоткрыта входная дверь. По квартире гуляют сквозняки. Зашел к Галине - прохладно, как в березнячке.

Она в ситцевом платье. Муж, Владим Владимыч-старший, полураздет. Дети спят.

Мегионская "фiesta".

На родительской тахте - сын и наследник: в кресле-кровати - дочь-нянька. Хранительница очага и традиций. Святое семейство!

Дети - в чем мать родила. Лежат невесомо: словно плывут навстречу друг другу. Или парили в своих снах. И вдруг, словно в сказке о спящей царевне, замерли в полете: уснули!

Овевает их юго-восточный ветерок с Меги. В нем и аромат багульника, и озон цветущих кедров, и всего разнотравья с Ермаков...

Мы говорим о них. Но им не до нас: они углубились в свой неведомо-сказочный младенческий мир; они сейчас живут в своем измерении: один - в длинном, по-своему, 405 дне со дня СВОЕГО рождения, вторая в 780 дне - (по нашему времяисчислению, а по ее - кто знает?).

И что длиннее: наш год или день Вовчика, Анюты? Кто знает, кто знает... (У меня на этот счет свой взгляд: течение времени загадочно!).

Говорим вполголоса, дети спят.

Галя незаметно "слиняла": занялась хозяйством (стирка, уборка и т.д.).

"Владим Владимыч! Чем же ты ее охмурил?" - хотел спросить я хозяина, слушая рассказы об "интересных" случаях в его 27-летней жизни. Хотел спросить наедине, да не успел: проснулись дети, прильнули - сын к отцу, дочь - к матери.

Хочешь - не хочешь, а разговор стал общим.

Голенькие, как ангелы, Вовчик и Анюта, свыклись с моим присутствием быстро: бегали, лопотали на своем младенческом наречии, понятном им и родителям. "Меня собаки любят и дети!" - похвастался я и попытался взять на руки Анечку-Анюту. И как был разочарован и раздосадован, когда она сложила губы трубочкой и потянулась к матери, вот-вот готовая заплакать. ("Прокол получился, В.Н., бывает!" - успокоил я себя).

Со старшим, Вов-Вовычем, разговор шел урывками: уп-уп! взял одну, следом другой: у-уп! - и в небо! К потолку! Вверх! Так, чтоб крылышки будто прорезались под мышками: у-упп! А-а-ах! - когда вниз. Но, чтобы руки на ребрышках! Отцовские! У-у-уп! - не дадут упасть.

Вот так вот Вовчик-старший! Про тебя, оказывается, и нету места, чтобы рассказать подробнее, т.е. про то, что ты из Раков, что образование у тебя средне-техническое, что родился ты в Ново-Млинах (по-русски - Новой мельнице) на Черниговщине, что служил (как ты похвалялся, в основном, "на губе") на Сахалине... что...

Счастливы вам, молодые мои соседи! Будьте здоровы и счастливы!

КОЗЫРНАЯ "КАРТА"

Без насыпных оснований, этих искусственных островков среди болотных хлябей, и особенно без насыпных дорог, невозможно обустроить и ввести в эксплуатацию ни одно нефтегазовое месторождение.

Песок для отсыпки добывается либо путем разработки песчаных карьеров, либо гидронамывом речного или озерного песка.

Выработанные карьеры уродуют ландшафт, наносят ущерб лесному хозяйству, рекультивация их требует определенных затрат. Добыча песка гидромеханическим способом, небезвредная для обитателей водоемов в процессе разработки, компенсирует недостатки в дальнейшем за счет расчистки и углубления фарватеров рек, дна озер, пробуждения родников.

Добываемый земснарядами песок складывается в огромных песчаных "грядках" или "скирдах" или, правильнее, на профессиональном жаргоне, в "картах". Толщина и размеры "карт" могут быть значительными. Например, "карта", где меня познакомили с экскаваторщиком Анатолием Николаевичем Космыниным, была поистине "козырной": высотой не ниже трехэтажки, и разработка ее велась террасами. Песок с этой "карты" шел на отсыпку земполотна автодороги Сургут - Нижневартовск.

Подъехали мы к "карте" с начальником участка Швецовым тотчас после обеда и застали очередь к экскаватору из десятка самосвалов разных марок. Космынину было не до разговоров: запарка!

Работал он красиво, споро: в ковш набирал песочка с "горкой", высыпал в кузов машины точно; загружал их щедро, под "завязку", но так, чтобы на повороте или при резком торможении ни один комочек не упал на дорогу. Я понял, почему с Космыниным считаются в АООТ "СУ-920" и коллеги, и начальство: мастерство и добросовестность - "козырные карты", и их приходится уважать!

Родился Анатолий Николаевич на юго-западе Башкирии - на Южном Урале, в красивейших местах, называемых Башкир-

ской Швейцарией; произошло это первого февраля 1960 года. Отец, Николай Петрович Космынин, 26-го года рождения, и мать, Раиса Сергеевна, в девичестве Карнаушенко, поженились и всю жизнь прожили в селе Старо-Михайловском.

Анатолий родился четвертым ребенком, а всего их было шестеро: три брата и три сестры.

Родители всю жизнь работали в животноводстве. Держали и в домашнем подворье корову, овец, кур, гусей. Держали бы и больше, если бы не ограничивалось поголовье в "частном секторе". Едоков в семье было много: восьмеро самих да дед с бабкой из села Кушкуль, что под Стерлитамаком, наезжали. Тесно, но весело и дружно жили. Благо выручала русская печь с лежанкой да диковинные полати (поговорка "С печи на полати", как там и была!).

Разница в возрасте детей была приличная, и процесс самовоспитания шел непрерывно: старшие помогали младшим, учили, натаскивали, когда надо, защищали - от бодливого ли бычка, злого гуся, драчливого ли соседа. В этом было и остается незыблемое преимущество многодетных семей!

Вместе со старшими, охвостком, таскался Толян в лес, на вырубку, в лога - за ягодами, грибами, на речку - рыбачить, а подростки, - сам водил младших, учил, где искать дары природы, как их отличать от несъедобных - ядовитых. Учился в сельской школе-восьмилетке. Класа с седьмого на каникулах работал во всю в колхозе, помогал матери на свиноферме и дома. Отец умер рано, забот хватало всем.

Школу закончил и стал работать в шестнадцать лет. Работать и учиться в вечерней школе: среднее образование было обязательно! Параллельно занимался на курсах трактористов. Аттестат зрелости получил одновременно с правами на управление трактором. Было это в 78-м году. В тот же год призвали Анатолия на службу в Армию.

Служил в Чехословакии, военный городок располагался возле Млады-Братиславы. Служба (или работа?) протекала... на хлебозаводе! Выпекали хлеб: белый и черный. Армейский хлеб нра-

вился не только нашим солдатам, но и чехам и словакам, что было отмечено во время совместных учениях.

(Не удержался я, спросил: "Теперь выпечка хлеба - твое хобби? Хлебное хобби?". "После дембеля - можно сказать: было! Сейчас хобби - поставил на "карту" экскаватор!").

Хотя работа хлебопека - не из легких, но все же и позавидовать можно было Космынину: при Хлебном Духе служил!

Если со службой Анатолию Николаевичу, можно сказать, повезло, то последующие мирные пару лет нельзя назвать удачными: туда ткнулся, сюда - не нравится, не по душе! Больше того: скоропалительно женился и тут же разошелся... Ну, бывает - как в карты: ни козыря тебе, ни туза, ни прикупа. Полоса такая в жизни выпала: смурная, без "картинки". Но не вечно же ей быть в конце концов: должна карта пойти!

И точно: пошли сдвиги к лучшему, как женился на школьной подруге своей - Галине Федоровне Красновой!

Сестра жены в Мегионе жила и пригласила их на Север. И они поехали.

С 18 февраля 1983 года стал работать Анатолий Николаевич Космынин в СУ-920 слесарем на трассе, потом помощником машиниста экскаватора.

Во время перерыва машинисты наставляли "помазка": тренируйся! Учись, пока живы! Копай, грузи, зачищай! Набивай глаз да руку! Приноровишься, а теорию - изучишь!

Он и старался. А экскаватор был тросовый, в управлении сложный! Не то, что сейчас - гидравлические!

Понравилось Анатолию орудовать почти кубометровой "ложкой". "Ничего! - сказал себе. - Научусь, не у мачехи рос: и в темноте мимо "рта" не пронесу!"

Написал заявление на курсы экскаваторщиков. На его счастье, как по заказу (вот оно: масть пошла!), они и открылись - в Калининe! Почти полгода проучился, и с 23 декабря 1983 года по сей день трудится в СУ-920 экскаваторщиком выпускник Калининской техшколы Анатолий Николаевич Космынин. Не одну "карту", а целую уж, поди, упаковку колод "сдал" он в кузова "КрА-

Зов", "КамАЗов", "Татр" и "Магирусов", - в основания дорог и нефтепромысловых объектов.

"Быстро ли освоился с экскаватором после курсов? Друга в нем почувствовал или супротивника, которого надо одолеть, покорить?" - спрашиваю Анатолия. "Честно? Ну, где-то месяца два... Да! Быстро как-то "понял": как прикуп хороший взял. Или как на велосипеде: туда-сюда заносило и поехал! И уже знаешь: не разучишься! А дальше - дело прилежания и тренировки. Тринадцатый год уж "тренируюсь"! И не надоедает: чем дальше, тем интересней. Жена говорит: спать скоро к нем буду - в экскаваторе. Шутит!"

"Дети? Сын, двенадцати лет, и дочь, девяти. Учатся хорошо. Сын хочет быть врачом, дочь - только учительницей! Из школы пришла, погуляла и с куклами - занятия! Строгая растет учительница. Нет, жена - медсестра, в ЛДЦ работает. Да! Что интересно: у меня день рождения 1-го февраля, у сына - 4-го, у дочери - 6-го! Почти неделю празднуем..."

Говорят: жизнь - игра... Ну что же! Космынину, по всему, выпали неплохие карты. Дай Бог, сыграет он грамотно и выиграет, в крайнем случае - при своем интересе останется. Залогом успеха - холодеющая в лучах солнца, сверкающая алмазными снежинками, беспроигрышная его "карта" на которой "картинкой" - экскаватор и цепочка подъезжающих к нему самосвалов.

"Счастье может быть карточным,
может быть счастье ромашковым,
с привкусом сладко-паточным,
иль горьковато-фисташковым.
Есть счастье, наверно, во власти,
есть счастье души возрожденья.
Много на свете счастья -
целые месторождения.
Богатые и скудные,
открытые, подспудные...
Но самое верное счастье -
то, которое трудное!

ПОПЛАЧЕМ О ДРУГЕ, ПОПЛАЧЕМ...

"Не русский я, но - россиянин!" - эпитафия хотел написать, а перед глазами сразу добродушное лицо Мустая Карима - из давних-давних лет, времен хрущевской "оттепели".

Вот у меня всегда так: о чем-то подумаю, и какая-нибудь ассоциация, аналогия из детства тут как тут!

...В Уфу я приехал из деревни Малышовки. Как из другого мира. Со своим мироощущением, жизненным опытом.

В последнее лето пастухом у нас нанялся Гильмей. Детей у него - как вешенок на колоде! По весне из черемшин сплел он, словно огромную корзину, округлую юрту, обмазал глиной, нары сделал и стал жить в ней со своим шумным кагалом. И пасти стадо. "Малайки" его коров сосут!" - судачили одни бабы. Другие заступались: "Че уж, удойно пасет, слово, чай-бай, знат!"

Нашу корову колхозный бык забодал, с грехом пополам сдали на мясо и купили другую. Новая оказалась с норовом: не захотела идти в чужое стадо посреди сезона. Я пас ее рядом с Гильмеем и незаметно сдружился с ним и его многочисленным семейством, а к осени и чуть-чуть стал "башкорт блям"...

Как вспомнишь нынешние "стенания", смешно становится: при теперешней-то жизни - плакать? Да побойтесь Бога! Зависть и уныние - страшнейший грех, и беды ваши - кажущиеся...

Гильмей - сухорукий: одна рука у него, не то, что у Сталина, вообще не шевелится, висит, как огуречная плеть.

Мы с ним при первой возможности рыбачим.

Жаркий полдень. Стадо в тени под вязами, часть - в старице, в воде, от паутов подальше. Липы медом исходят. Пчелы жужжат. Шуршат стрекозы. В сладкий сон тянет. А мы с Гильмеем - стадо он, я Зорьку на старшего "малайку" оставили и - в Малышовку: у него кукан побольше, но и у меня - улов!

Рыбу, грибы, а то и ягоды (малину, крупнику) - сестренке, "зеленого" супчика похлебал и забегаю за Гильмеем. "Гильмей! - кричу. - Айды инды!"

"Малайки" и "кызымки" облепили его: висят на руках, шее, сидят на ногах... Визг, хохот, трескотня слов. Гильмей, как циркач, рукой, ногами шевелит: качает отпрысков! Темное, широкое лицо его в морщинках и складках, глаз не видно: радуется человек. "Кызы-кызы-кызыен!" - напевает.

Мои "знаком" летят на меня, орут. "Кышкырма! - отбиваюсь от них. - Китталя! Мин корову пасти надо".

Старшая "кызымка" Амина стоит в сторонке, смешливая, быстроглазая, колокольчиком заливается: "Ай, Виктор-р-рка! Сапсим пр-ропал, Виктор-р-ры-ка!"

По первому снегу они уехали. "Син менеке бер, Виктор-рыка!" - на прощанье крикнула Амина. А впервые это выражение я услышал от нее еще летом.

"Безымянная наша река...

Листья лип глянцеваты от меда.

Нет ни облачка, ни ве-тер-ка...

Уходя на ту сторону бродом,

Амина мне, смеясь, говорила:

"До сви-да-ни-я, Вик-тор-ры-ка,

ты сап-сим ба-льшой ду-ра-ка!

Хоть тебя я мал-мал обдурила,

Син менеке бе-э-эр-р!.."

Ах, как солнце тогда калило:

Недород и голод сулило.

Но- прекрасным казался мир!

(Я жалел, что я не башкир).

Детство мое! "Син менеке бер!"

("Син менеке бер" - башкир., ты у меня один(а).

В нашем классе, в Уфе, в 10-й МСШ были русские, башкиры, татары, евреи, украинцы, белорусы, чуваша и даже немец... Но делились мы не по национальности, а по другим признакам:

на "актив" и "пассив", "примерных" и "шпану", на "городских" и "деревню", "сытых" и "голодных", на "спортсменов" и "тюфяков", "артистов" и "зрителей"... И, наконец, на "счастливых" и "невезучих".

Другое дело - в раннеутренних очередях за французскими сайками и венскими витушками, за крупой и макаронами! "А вы за кем?" - "Вон за той националочкой"... Услыхав такое, скиснешь: как откроют магазин, пол-Уфы впереди тебя встанет! "Это ведь мы, русские, - простодыры: отца родного, если очереди не занимал, не пустим!" - посетуют тетки, хотя и сами при случае тоже поставят "товарку" перед собой.

Да еще при поступлении в институт (в наши УНИ, по крайней мере) проходной бал у "националов" был тогда на несколько пунктов ниже... А в остальном - "новая формация - советский народ!"

В нашей группе при переписи 1959 г. двое из Средней Азии записались "русскими" (один настаивал, что "советский"). Зато заведующий одной из кафедр, собиравшийся защищать докторскую диссертацию, из казаха превратился в башкира...

А простой народ в сибирской глубинке смотрел на проблему национальности лапидарно.

1961 год. На песчаном берегу Оби, рядом с поселком геологов Пим, ждем катер, чтобы добраться до Усть-Балыка (в будущем Нефтеюганска). Обь широка и чиста. Зеленоватые, с тусклым серебристым отливом, продолговатые, словно листья ивы, мельтешат на ее глади волны, мелкими дюнами передвигают песок у ног. В густых прибрежных тальниках и смородниках, под комариный звон, по-хозяйски шастают медведи, обсекая когтистыми лапами верхушки шиповника, красной и черной смородины...

Два помбура - самарец и татарин - наговорились: про рыбалку и охоту, про баб и политику.

И теперь подначивают друг друга по "пятому пункту":

"Ты - татарин, че ты здесь потерял? Мало вас тут Ермак гонял по Сибири?"

"Щья бы кричала, а твоя молчала: Батыя забыл?" - "Тю! Батый был, не был ли, а Ермак Тимофеевич - точно был!" - "Не был! А ще у тебя тогда глаз узкий!.."

Шутя-шутя идет подначка, а в глазах уже искорки нехорошие - злые! - появились. Самое время появиться интеллигенту-спасителю "угнетенной" нации, мягко, ненавязчиво сделать экскурс в историю, укрепить национальный дух. А то, что четыре года спустя, когда татарин обгорел при возгорании нефти, а самарец в числе других кровь ему напрямую откачал - одной группы оказалась кровь-то у них! - это рабочий, не исторический эпизод.

Шло время... Таких открытых перепалок я уже не слыхал, но они, затаясь, шли. И как ни странно, особая натянутость чувствовалась с "западэнцами". Когда я пытался с ними заговорить на эту тему, они уходили от ее обсуждения.

Но когда общаешься с людьми не один год, начинаешь, как говорить, читать между строк.

И, наконец, прорезалось: СНГ!.. Самостийность!.. Незалэжнисьть!.. "Вековая" мечта! осуществилась! Взахлеб разговоры о своей денежной системе!

По первости - эйфория: "А пошел-ка бы ты, "старший брат"!" Сначала - "большие" народы, а глядя на них - и "малочисленные". До обидности...

"Не русский я, но - россиянин!" - наряду со знаменитым "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" стало чуть не ругательным выражением. Пресловутая "историческая родина" востребовала своих потомков, открещиваясь от пришельцев - "русскоязычных". Сплошь и рядом отрекались от своего сословия и своих родовитых предков. Принимая пролетарское вероисповедание, эти потомки, бывшие номенклатурщики, в первую очередь, с такой же легкостью меняют его. Нынче потомков кулаков, баев, дворян и прочих сословий кажется уже больше, чем до революции...

И тем не менее...

Конечно, плохо, когда человек не знает своего исторического языка, а только "русскоязычный". Плохо, я считаю, когда "русскоязычный" не знает хотя бы чуть-чуть языка народа, на исто-

рической родине которого он живет. И все же, считаю, это не является основанием для ограничения его права в свободе выбора места работы и жительства. Посмотрите в природе- упало семечко, проросло, если условия подходящи, и живет - растение, деревце ли, - где кому пришлось по нраву...

"Как люблю я берез белостволье!
Словно в шумном девичнике там,
Сердце полнится сладкою болью,
Отдается забытым мечтам...
Мне по нраву, признаюсь, открытость
Сосняков на песчаных буграх,
Островерхая ельников крыша
И приволье широких дубрав...
Но всего мне милей перелески!
Жизни в них полнокровнее ток:
Спор вершин уважительно-веский,
Разномастной листвы лопоток...
Не ведется там счета обидам
У поросших траншей и трясин...
Не имея на жительство вида,
Там березы растут средь осин...
Подосиновик из-под березы
Красной шапкой призывной махнет.
По весне сок березы тверезый
Муравей безбоязненно пьет...
А как весело там в водополье!
Птичий грай всех разбудит окрест!
Хоть люблю я берез белостволье,
Но милее мне смешанный лес..."

И простой народ - россиянин или ближнезарубежец - это понимает! Вершистые деревья сильны лесом, а лес - подлеском. После бездумного прореживания - и от легкого бриза даже - не лес, бурелом будет!

Нет, никому не удастся кордонами прервать "горизонтальные", "корневые" - а их несть числа! - связи народов. "Железные занавесы" рухнули, неужели националистические будут крепче?

...У каждого жителя Малышовки в соседних башкирских деревнях, будь то Кысынды, Карламан, Шафраново, были свои друзья ("знаком", говорили они) среди "сапсим" плохо говоривших по-русски башкир. Но, бывая в гостях или по делам, изъяснялись они на русско-башкирском и прекрасно понимали друг друга. "Рахмат, знаком!", "Будь здоров, знаком!", "Ярар, знаком!" - только и слышится при беседе.

С вахтовиками, летавшими с Украины, Белоруссии, из Башкирии, Азербайджана, я имел дело почти полтора десятка лет, со многими душевно подружился. "Доброго ранку, Мирослав!", "Дзякую, Славко!", "Богдан, будь ласка...", "Щоб не було морщин на лыци, ишьтэ сальце: у нем витамин "цэ"!", "Та вин "наркотыку" прыйняв: шматок сальця, то й балдеет..."

Шутки, подначки, песни (от них - точно, забалдеешь!)

Знаю летающих с 1978 года. И новая "хата" построена, и "колеса" уже есть, а летает! У иного и вахтовый роман, и наследник-сибиряк. И еще бы летал, да ведь...

"Ах, казачонок какой, надо ж -
вылитый я!

Что ты, роднуля, да разве б я стал
отпираться?

Вы же с ним для меня -

Как родная семья,

Жалко мне: не могу разорваться!

Ну, ей-Бог, не могу разорваться...

Вспомни, сэрдэнько, как встретились
мы на "кусте":

Были тогда времена золотые, ей-Богу!

Жаль, сейчас уж не те...

Я ведь что? Прилетел

Попрощаться: закрыли дорогу...

К вам границы закрыли дорогу...

Что ты, кохана, да все образуется -

Как в лучших домах и семействах
Парижа-Лондона!
Подрастает сибиряк,
И, как вольный казак,
Он подастся до батькина дома,
За границу - до батькина дома..."

О, друзья-вахтовики! С болью прощаемся мы с вами... Думаем, временно, и поэтому - "До побачення!"

О, друзья мои, оказавшиеся "русскоязычными" в обихоженной вами земле, ставшей вдруг "зарубежьем"! Вам еще труднее, и при мысли об этом туга одолевает меня...

И все же! Испокон Сибирь принимала всех, кто понимал язык природы, земли, тайги, вод и недр, птицы и зверя; кто уважал свой труд и чужой; кто, уходя из зимовья, оставлял смолье, спички, хлеб и соль; кто был преисполнен человеческих страстей - любви и ненависти, в ком любовь к новообретенной родине пересиливала все остальные чувства, и он становился СИБИРЯКОМ и, значит, РОССИЯНИНОМ.

Хозяином и насельником.

А русский или нерусский, православный или мусульманин - не важно: это дело его сугубо личное, дело его совести.

...Того, кто способен глубоко чувствовать, историческая или новоприобретенная родина все равно когда-нибудь взволнует сухим ли пучком емшана, зеленой ли веткой кедра - и он вернется к ней!

"...Не занеся с собой микроба
наживы, рвачества и злобы!" -

с миром и любовью.

А пока "поплачем о друге, поплачем", слезы облегчают душу и просветляют разум.

III. Однажды и навсегда

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

Была та чудная пора, о которой поэт сказал: "Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора - весь день стоит как бы хрустальный, и лучезарны вечера..."

Клава Лысова, нет, Клавдия Ивановна Лысова - учительница же! - была на уборке картофеля в Лекрысово и в этот день кашеварила: была ее очередь. В облегающей кофточке, в подружьиных брюках чувствовала она себя подбористой, ловкой, привлекательной. Сноровисто и бережливо готовила она немудреный - похлебка да картошка с мясом - полевой обед, что-то напевала или просто механически, без слов, повторяла мелодию. И вдруг она почувствовала как бы томление духа... таинственный зов...

Бросив недочищенную картофелину, она пошла, словно в гипнотическом сне, на берег, и там, обвеваемая прохладой, глядя в хрустальную синь, Клава почувствовала никогда не испытанный восторг, оттого что она всех любит, что ее - тоже все любят! И жизнь прекрасна! Прекрасны и земля, и небо, и река, и катер, и люди, которые на катере...

Чувства, хорошие, светлые, переполняли ее грудь, и она, не замечая, стала напевать: "Вижу чудное приволье... это родина моя..."

Было это в 1960 году. И Мегион стал ей второй родиной.

А родилась Клавдия Ивановна в Тюмени незадолго до войны. Жили в шитом тесом флигельке по улице Ялуторовской, рядышком с драмтеатром. Квартирка была небольшая, с лежанкой, русская печь и, конечно, полати. Семья была большая: дед, Егор Перфильевич, краснодеревщик, всю жизнь "стола работал", бабушка Клеопатра Ивановна, родители - Анастасия Егоровна с Иваном Васильевичем, сестры старшие - Валя с Верою, братец-погодок Васенька да сестричка послевоенная - Наденька... Девять человек за стол усаживалось, девять ложек вокруг артельных размеров сковороды настораживалось, благословения ждало. Дед Егор детворе пенял: бери со своей стороны, к соседу не лезь; не вертись, ногами не болтай! Ешь за столом досыта, не таскай по зауголью! - за этим и мать доглядывала: к порядку приваживала.

Во дворе стайка с пригоном и яслями (коровку держали: без молока-то куда?), в стороне - огромный сенник, вокруг него поленицы.

На чердаке (по-тюменски на "вышке") слуховое окошечко - словно в тереме. Позже, в школе, любила прилежная ученица Клава Лысова на вышке зубрить ответы на экзаменационные билеты! Не по одному разу по билетам прогоняла, зато на экзаменах все вопросы, как орешки, щелкала!

Раннее детство помнится Клавде фрагментарно, но ярко, красочно: невиданным до сих пор цветовым пятном, неслыханным аккордом, необычным запахом, формой, ощущением огромности мира, тяжести горя, горькости горечи, сладости счастья, радости

слияния с окружающим: мамой, родными, травой, ветром, солнцем, - со всем белым светом!

Мир познавали с братом Васей, старшие как бы в отдалении были. "Почемучками", кажется, и не были: самообразовывались. Васенька, по дому, как справочное бюро. Кому что надо - к нему: "Вася, где это? Где то?" Покажет! Сбегать за чем-нибудь, позвать кого, проводить: "Клава! Вася!" За руки подхватились, вприпрыжку, - только их и видели! Ночь-полночь, моргнуть не успеешь, а они, как коньки-горбунки, запыхавшись, тут как тут: позвали, проводили или лекарство принесли... Бегали, не боялись. Особенно во дворе: жили тогда все доверчиво, открыто. Правда, после трагической смерти отца, а затем и бабушки, мимо кладовки страшилось ходить: гроб мерещился. Потом прошло.

Еще эпизод врезался ярко и на всю жизнь.

Недалеко от них, в парке, "шапито" ставили. Мать обычно сдавала циркачам маленькую комнатку на одно окно, "отгородку". Артисты через служебный вход водили взрослых, случалось и детей. Цирк, конечно, удивил, запомнился. Но вот однажды выступала в нем - для нее специально помост, вроде сцены, сделали, - Лидия Русланова. И она, в русском наряде, косы короной, пела... Что там творилось: восторг! Ощущение восторга врезалось тогда в душу десятилетней Клавы: музыка! песня! поэзия!

...Радио - черная тарелка - постоянно включено. Уроки, рукоделье, уборка ли, - слушает Клава радио, подпевает: оперная партия, романс ли, песня, - все поется, запоминается... Михайлов, Максакова, Эйзен, Бунчиков, Русланова, Лемешев... Как забудутся потом такие голоса?

В школу - в победном сорок пятом: 53-я начальная, в деревянной двухэтажке. Учительница - Евгения Константиновна. Самая красивая, прекрасная! Обожание влюбленности: думалось - как святая! Не хотелось верить, что она что-то ест и ходит, как все, в туалет... Потом 50-я жсш (женская школа), 5-г, сборный класс: элита и "деревня", так, до выпускных, и не исчезло полностью это противостояние... Классе в седьмом Клава обнаружила в себе склонность к самоанализу, была требовательна к себе, любила

правду-матку. В комсомол вступила по убеждению. Однако идеалы постепенно рушились - с познанием жизни. И, тем не менее, школьная жизнь катилась, кружилась, летела, текла, тянулась, - весело, грустно, радостно, тускло, рутинно, скушно, с трепетом, с удивлением, с очарованием, с открытиями, - до самого выпускного бала...

Первая в семье десятиклассница (у старших семилетка)!

В геологи была мечта податься: романтика! Мать не пустила. Пришлось поступить в Тюменский пединститут, на филологический факультет...

К учебе относилась серьезно: еще в школе поняла, что если учиться, то - хорошо! Подруг было несколько, еще со школы. Но особенно сдружилась с Верой Бичевой... Настрой у них сразу был общий: на работу ехать вместе, в деревню, в глубинку, лучше, если на Север, чтобы подзаработать денег и попутешествовать потом.

Мать стипендию у Клавы не брала: тратилась она в основном на книги, пластинки, художественные открытки, буклеты. Первая пластинка - "Евгений Онегин". И когда пришла пора ехать на работу, эти "учебные пособия", вместе с малогабаритным патефончиком, порядочно утяжелили багаж молодой учительницы. Но и сторицей оправдали себя, помогая ей в работе.

При распределении предложили им поселок Ларьяк: два литератора требуются. Согласились! Вещи до Ларьяка отправили водой, а сами - на перекладных: до Тобольска автобусом, через неделю ожидания, на колесном пароходе "Пожарский" (без "князя"), - до Вартовска.

В Вартовске повезло: присоединились к учителям, которые ехали в Ларьяк на колесном же пароходике "Ненец" на августовскую конференцию; на пароходике познакомились с будущей директрисой, с завроно...

Однако, после конференции пришлось возвращаться: у завроно, оказалось, дочь закончила Ишимский пединститут и тоже словесник.

"Неужели я дочь к себе не приму? - обезоруживающе откровенно воскликнул он и предложил: "Коли уж так хочется вам вместе

работать, поезжайте в Мегион: одна - словесником, другая - историком".

Так вот и оказались две подруги вместо Ларьяка в Мегионе...

Поселили молодых "учительш" в половинке дома, что рядом со школой. (Жив еще тот дом, осел, потемнел, но жив).

Школа - типовая сельская, тесновата, занятия - в две смены. Но место под нее выбирали и строили - с любовью, и - хорошие люди! На высоком бугре, в кедраче; вид на заобье, что по левую руку, что по правую - необозримый, с голубым оком. Внизу, под берегом, озеро. Школьное называлось. Сейчас оно заболотилось, да и вообще уничтожается. А раньше оно в водополье с Обью сообщалось, вода чистая, на питье брали. Но и для ребятни благодатное было; вода быстро прогревалась: чуть не в мае купались.

Так и началась у подруг благородная подвижническая деятельность: Клава вела литературу и, в нагрузку, пение (патефон и пластинки - как ту и были!), а Вера - историю и физкультуру (по лыжам первый разряд не зря имела!).

Новых впечатлений уйма! Поэтому день кажется длинным-длинным! Каждая мелочь запечатлется на всю жизнь. В Тюмени, у родителей, кажется, не была уже целую вечность! Писем написано много и многим, скоро и сами, по новому адресу, будут получать.

Раннее сентябрьское утро. Первая изморозь. Все в инее: красота неопишная! А воздух! Густой, прохладный, вкусный, - не дышишь, а словно пьешь его, глотаешь, насыщаешься им... смакуешь...

"Клавдия Ивановна, на уборку картофеля если, - как посмотрите?" - директор. "Положительно!" - Клава, Клавдия Ивановна.

"Брюки мои одень! - предлагает Вера подруге, помогая в сборах. - Пофорси!" (а женские брюки тогда и в городах-то только-только в моду входили).

Володя Свиридов, колхозный тракторист, стройный симпатичный парень, приплыл в тот день в Лекрысово из Мысовой Меги.

Еще на подходе к берегу он заметил девичью фигурку на взгорье.

"Ишь, стилига, - почти неприязненно отметил про себя. В брючках-дудах!" И вдруг почувствовал, как сердце обдало жаром, кровь горячей волной ударила в голову, и в сознании яркой вспышкой родилась новая, ослепительная мысль: "А будешь - моей!" Только улетела на своих неведомых крыльях эта шальная мысль, вместо нее вспыхнула следующая, радостная, уверенная: "Да, она будет моей!" Какие там переключения произошли в голове, но с этого момента заработала у него в сознании как бы радиостанция с позывными: "Она будет моей!", а в сердце (или в душе?) поселилось НЕЧТО бессловесное, томительное, сладкое, грустное...

Месяцев через десять, летом 61-го, они поженились.

35-й учебный год начался у Клавдии Ивановны Свиридовой...

Однажды и навсегда избрала она подвижнический путь... наставника, педагога, УЧИТЕЛЯ.

35-й год она мегионка.

Мегионки и мегионцы ее дочери, внуки, внуки...

В Мегионе - однажды и навсегда! - нашла она свою "половинку": Владимира Константиновича Свиридова, ныне - вечного мегионца (да будет ему мегионская земля пухом).

Хорошим человеком и мужем был Володя: заботливый, ласковый, уважительный. Как говорили знакомые "понимающим" человеком, интеллигентным, одним словом, хоть и без образования (интеллигентность души, она ведь не от образованности, - от природы, от Бога).

Рано Владимир Константинович покинул землю, рано. Бережно хранит память о нем Клавдия Ивановна, вещи его некоторые бережет, заново переживает каждый денечек, проведенный вместе. И хоть печаль уже светла, старается быть больше среди людей: днем - с учениками, вечером - с внуками.

Сколько их, детей, прошло через ее душу за эти годы! Уже внуки первых ее учеников - школьники. А некоторых ее первых учеников уже и нет. Вот, Володю Печорина недавно схоронили.

Для кого он был главным геологом и прочее, а для нее - симпатичный, белобрысый, способный ученик Вова. Многие разъехались: вышли в люди, вышли в жизнь, некоторые "вышли в море".

...Что посеется в детстве, пожнется во взрослой жизни. Черты характера, заложенные в детстве, свойства души остаются, со временем обрастая разве что листвой, цветками, подобно саженцу яблоньки. Так уж случилось, что помнит Клавдия Ивановна почти всех своих питомцев, следит, как обрастают они ветвями и листвой. Отзывчива, легка на подъем, когда нужно кому-то помочь. И так во всем. Внешне, кроме разве что глаз, она, конечно, изменилась, но душа у нее по-прежнему Клавина, детская, неизменная - и, значит, бессмертная... данная однажды и навсегда.

...И вновь, как в 60-м, выдалась дивная пора:

"Теплынь! Словно лето вернулось

отдать нам с тобою должок,

за морось июньскую, хмурость.

Учись у природы, дружок:

долги отдаются сторицей!

Прекрасен платеж, подивись:

деньки журавлиной станицей

взмывают в хрустальную высь.

Как жаль, что их мало осталось.

Но в памяти ты сбереги

такую, казалось бы, малость:

как солнце вернуло долги."

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Монолог заведующей терапевтическим отделением Мегионской городской поликлиники С.А.Сибиряевой с комментариями и отступлениями автора

"Триада: пациент, болезнь, врач - извечна. И афоризм: "С кем больной, - с врачом или с болезнью, - тот и победит", известен в наше время, думаю, всем и потому - банален. Но! До тех пор, пока не коснется тебя лично. Как только ТЫ войдешь в триаду в роли больного, афоризм приобретает иную - личностную - окраску. И это естественно: каждый человек своеобразен. Своеобычность человеческого характера, индивидуальность - штучность! - его ауры, энергетики

организма вполне определенно проявляются в ходе болезни. И - "С кем ТЫ. пациент, больной?" - становится порой для лечащего врача камнем преткновения в тактике и стратегии борьбы за тебя. Что сделать и как, чтобы ТЫ воспрял духом и стал союзником врача, - задача из задач. И решается она тоже по-разному, и зависит на этот раз от врача, от его человеческой натуры... И закрывать глаза на это не следует. Ни самому больному, ни врачу. Пациент должен иметь право выбирать врача не только по профессиональным его качествам, но и по чисто человеческим. Конечно! Ибо, поверив врачу, став его соратником, задействовав скрытые, заложенные творцом резервы энергетики, ТЫ преодолеешь болезнь".

Отступление первое

Характер человека определяется генами и воспитанием (семейным и общественным). Сравнительно недавно гены вообще игнорировались, считалось, что "бытие определяет сознание". Какие же черты характера у самой Софьи Алексеевны Сибиряевой врожденные, и какие - приобретенные?

Родилась Софья Алексеевна в послевоенное, трудное время, но высокое духом время: год отмены карточек, денежной реформы. Жила в Свердловске, училась в Красноярске, считала себя горожанкой и не мыслила - селянкой.

На первом, полуподвальном этаже двухэтажного дома, в районе Верхне-Исетского, петровских времен, завода, обитало несколько родственных семей: три поколения, настоящая "махалля". Жили дружно, уважали старших. Софье Алексеевне запомнилось: у хлебосольного деда постоянно кто-нибудь гасил или квартировал из односельчан, знакомых, в том числе и русских, приехавших в город по неотложной нужде. На кухне у деда всегда кипел самовар, на стол металось, от широкой души, безобидно спускалось на угощение все, что зарабатывалось. Для каждого гостя у него находилось доброе слово и мудрый совет; самый запутанный спор, семейную распрю, давнюю тяжбу мог он рассудить по справедливости, объяснив каждому - в чем он прав, а в чем не прав, - так, что спорщики уходили, не тая друг на друга злобы. (Как не хватает сейчас - на всех уровнях! - таких людей. Из-за каждой мелочи - суд или, что еще хуже, - кровавая разборка!).

Считается, что гены наиболее полно проявляются через поколение. И хотя дед умер, когда Софье Алексеевне было лет шесть, его черты она переняла не только на генном, но и на приобретенном уровне, и, может быть, поэтому любил он ее больше всех, она тоже была очень привязана к нему.

"Естественно, прежде чем искать подход к пациенту, нужно достоверно знать его недуг. Диагностика болезни - трудный и творческий процесс, опирающийся на знания и опыт врача, на лабораторные, инструментальные, электро- звуко- ультра- аппаратурные исследования. Но даже при наличии объективных характерис-

тик состояния твоего организма на точность диагноза повлияют как ТВОИ субъективные особенности, таки врача. Кстати, имеется целый "букет" болезней, которые опытный врач, с краткого взгляда и мимолетного общения, - только ты через порог - по вашей осанке, походке, голосу, цвету кожи, выражению глаз, манере разговора и прочим "поведенческим" штрихам - сможет диагностировать недомогание не только на данный момент, но и на появление их в будущем..."

Отступление второе

Монолог Софьи Алексеевны прервала терапевт, вошедшая с карточкой больного: подтвердить диагноз. Софья Алексеевна просмотрела "объективные" показатели и согласилась: "Да, диабет - безусловно! Я ему, этому NN, три года назад говорила: будет иметь диабет, если не изменит образ жизни. Обращался он по другому поводу, но себя высветил: безвольный, раб привычек и своих желаний. На словах: "Да, конечно! Понимаю! Буду соблюдать!" Сейчас говорит, что, де, я "накаркала" ему диабет, а он - ни при чем! Или вот... сегодня... Захожу в магазин... За прилавком женщина с красивой, просто великолепной фигурой, симпатичным, на первый взгляд, лицом... Но выражение его - жестокое! Мне что-то понадобилось посмотреть, и я попросила ее: "Будьте добры..." Я дважды обратилась к ней - не слышит! Я понимаю: может, кто обидел ее, поэтому так спокойно веду себя. А ее настолько злость переполняет, что говорить не может! И ведь не первый раз, и не только со мной так ведет себя: это образ жизни, видимо. Пока она выглядит физически еще прекрасно, но я уже знаю: это, в будущем, моя пациентка с язвой желудка... неврозом... или агрессивной депрессией..."

Бабушка была у Софьи Алексеевны неродная - мать мачеха. Но после смерти деда не было у нее роднее человека, чем она. Общее у них с дедом было - душевная открытость, способность жить интересами близких и не очень людей. Как и при деде, не остывал на столе самовар, на конфорке в фаянсовом заварнике всегда был свежий чай; в доме всегда могли разделить чужое горе, по силе возможности выполнить просьбу и никогда не озадачить гостя своей тугой, нуждой, болезнью. Пример бабушки, конечно

же, повлиял на формирование характера Софьи Алексеевны за долгие годы учебы в школе, в институте... Отзывчивость, обостренное чувство справедливости, щадящее отношение к своим родным и близким: не отягощать их жизнь своими заботами, - целеустремленность, мягкая, ненавязчивая, "негромкая" - упруго-стальная, тем не менее, в своей сердцевине, - воля, - эти черты Софьи Алексеевны позволили состояться как врачу и как человеку в нелегких жизненных перипетиях...

После насыщенных, счастливо-молодых, с особым, как в космическом полете, - течением времени, студенческих лет, - семь лет работы в районной больнице заведующей терапевтическим отделением!

Распределили ее из Красноярского мединститута в татарский национальный район Курганской области. Вместе с нею приехало двенадцать молодых врачей, но по плечу работа "земского" врача оказалась немногим. Отбыв "обязаловку" в три года, большинство уехали. Софья Алексеевна несла свой крест семь лет и уехала в Мегион вслед за мужем, окончившим к тому времени юридический институт (познакомились и поженились в деревне).

Легко ли горожанке привыкать к деревенской жизни? Нелегко. Но надо было. А молодому специалисту - сразу заведованием? Надо полагать, тоже стоило многого: вечера прихватывала Софья Алексеевна (уходила в восемь утра, возвращалась часов в десять-одиннадцать, затемно!). А телефонные звонки? В ночь-полночь-за полночь к тяжелобольным! Да и просто к пожилым - а пожилого населения в райцентре было много - молодые врачи чутко относились: только позвонят - без марафетной заминки спешат к ним. Эти ночные звонки, словно гром канонады фронтовика, западали в подсознание: через семь лет, когда уехали из села, еще несколько месяцев просыпалась Софья Алексеевна по ночам от явственно слышимых звонков - это в квартире, в которой близко телефона не было!

Связь с большим медицинским "миром" - в основном по пришлопаметному "мистерпиткинскому" телефону с главными специалистами областной больницы (консультации) да санавиация, а в остальном - варились в собственном соку...

"Конечно, по внешнему виду, поведению и характеру человека диагноз ставить можно, но для этого надо многое пережить и знать медицину...

И вот, когда диагноз поставлен... особенно, если тяжелая болезнь, возникает непростой вопрос: нужно ли сообщать больному всю "правду-матку" о его состоянии? И как это сделать, чтобы больной не ушел в шок, в своей недуг, не усугубил своего положения?.. Кто-то скажет: "Конечно, правду!" Вон, в Америке, мол, - пример перед глазами: "Санта-Барбара"! - больному, едва он придет в себя, сразу все выкладывают: сколько шансов выжить, а сколько - умереть. Но мой, почти четвертьвековой опыт работы, не может дать однозначного ответа на этот вопрос. И тут дело даже не в особенностях и состоянии психики больного, а гораздо глубже; весь менталитет нашего советского и постсоветского человека не готов к восприятию правды вообще и диагноза в частности. Сейчас мне приходится иметь дело с ветеранами, морально и материально обиженными равнодушием! И самое главное: всем образом жизни нашей приученных к тому, что они - винтики, что за них думает или наш "рулевой", или "вождь". И сейчас, в связи с переменами, растерялись: не могут адекватно воспринять реалии своего "недуга". Уходят в себя, впадают в депрессии. Так и с больными... Почти как в школе: вам, де, государство зарплату дает, вы и воспитывайте детей. С той лишь разницей, что - "вас учили, вы и лечите!" И еще. Хотя немного в сторону от темы, но, по сути, о том же. У многих людей, по крайней мере, у зрелого и старшего возраста, широко развито своего рода иждивенчество: уж если я "папу", то пусть государство заботится о моем здоровье! Вот - диспансеризация... Чего проще: сдай анализы, проверься... Нет! А если и пришел, то - как одолжение врачу сделал. Но... врач должен быть приветлив и принять его доброжелательно... Хотя... Хотя можно и иначе: строго, жестко, ультимативно. Вплоть до того: или он лечится у меня, или... Конечно, к каждому больному подход должен быть индивидуален. Но с учетом личности врача отношение его к больному имеет "авторитарный", "согласительный" или "объяснительный" характер. Само собой разумеется, что врач старается

использовать все подходы в комплексе, но какому-то в силу своей индивидуальности все же отдает предпочтение. У меня, например, это - "объяснительный" подход... Определения подходов, мне кажется, сами за себя говорят. "Авторитарный": вот цель, вот средство, верь и исполняй. При "согласительном" - нужно уговорить, а при "моем" - объяснить больному причину болезни в доступной форме - ее развитие и механизм действия лекарства, защитных сил организма. Объяснительный подход требует много времени, такта, но, на мой взгляд, привлекает больного на сторону врача.

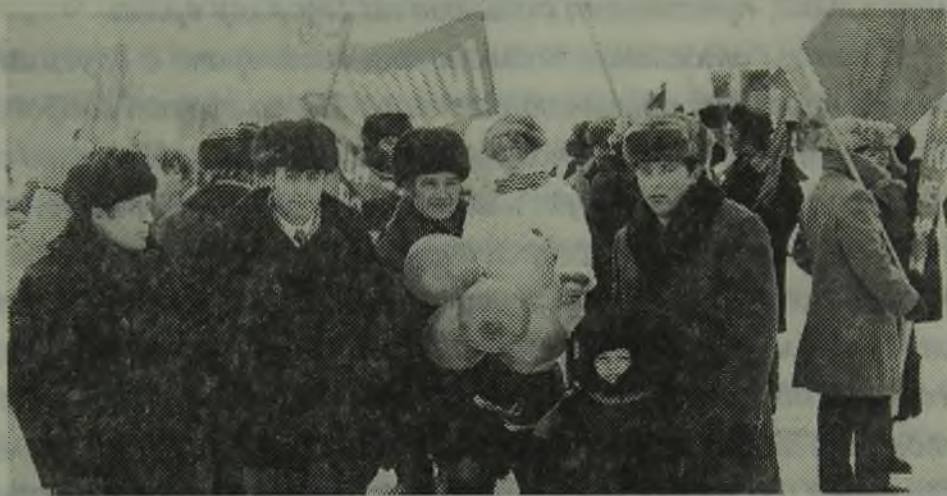
В нашем отделении поликлиники есть врачи с другими подходами, и я на них не оказываю давления. Но по другим вопросам могу жестко и нелिцеприятно поговорить и спросить. И отдаю себе отчет, что за это меня могут и не любить. Но если считаю, что врач прав, буду отстаивать свое мнение где угодно и перед кем угодно. Мое восприятие и оценка людей не всегда совпадает с общепринятым мнением. Ну что ж, такой я уродилась, такой меня воспитали семья и общество... А быстро менять жизненные приоритеты порядочные люди не имеют права и просто не в состоянии. Врачи, в массе своей, даже те, кто забастовками пугают, при любой идеологии и экономике, переутомляясь и сгорая (до тридцати и более приемов в день!), будут все же бороться за больного, будут перетягивать его на свою сторону - на "берег жизни".

Отступление последнее

...Не только нам, но и милой нашей России сегодня немо- жется: залечили ее "авторитарные" и "согласительные" методы и режимы! То шоковой терапией нас, то уговорами-обещаниями... Где он, целитель, знающий причины наших бед и напастей и способный, с нашей помощью, толком объяснив, отвести их? Где он, опытный, мудрый, бескорыстный, думающий только об исцелении страны, способный сплотить народ, подвижник? Он есть! Он явится! Я уверен. Потому что нам всем опостылило уже прединфарктное состояние. И мы ждем его.

ТЕХНИКА - ПРОФЕССИЯ МОЯ И ХОББИ

Фролов Александр Аркадьевич - начальник РММ (ремонтно-механической мастерской) акционерного общества "СУ-920". А в момент нашего с ним разговора еще и исполняющий обязанности главного механика.

Александр Аркадьевич ныне ненавязчиво симпатичный, зрелых лет мужчина, без крючковой - в "Трактористах" - нахалинки, но типично русский, вернее, сибирский северный механик.

Родился он в трагический для Родины сорок первый год, на второй день после Рождества Христова, которого в те времена почитать не полагалось: считалось, что достаточно поклоняться своим, земным вождям. Родись он на день раньше, позже, как говорят астрологи, стал бы он, возможно, кем-то другим. Но так уж было угодно судьбе, что родился в селе Черновке, что раскинулось двумя тысячами дворов в пойме речки Кинель, притоке Самарки, Саша Фролов 8 января и стал, со временем, механиком по профессии и по духу.

"МЫ - САМАРОВЦЫ..."

У нас в группе было двое студентов из Куйбышева, но они упорно называли себя "самаровцами". "У нас в Самаре..." Сколько гордости было в их словах! Шел 56 год. Самаре еще долго надлежало быть Куйбышевым. Саша не помнит, был ли ярым "самаровцем" отец, но знает, что отец и до войны работал водителем, и на фронте, объезжая мины, возил на своем "зиске" и бомбы, и ГСМ, и консервы под названием "второй фронт". А после демобилизации, в 46-м году, тоже не бросил "баранку": шоферил в колхозе до самой пенсии! Мать работала - "куда бригадир занарядит". Жили они и трудились всю жизнь в колхозе с символическим названием "РОССИЯ". Имели половину "пятистенки".

Потом отец взял в банке ссуду, три стены у пятистенки и чуть в стороне построил свой дом: прихожая, кухня, горница. Не велики палаты, да свои!

Было это до начала строительства малогабаритных, народных квартир, презрительно называемых сегодня "хрущобами". А после коммуналки да "пятистенки" с общими сенями - казались они "райским шалашом!" В батькиных хоромах жил и познавал школьную и житейскую науку Саша Фролов.

После девяти классов уехал он в Чапаевск: поступил в автошколу, то есть пошел по отцовским стопам!

Поучив водительские права, проработал Саша до армии полтора года в отрядном, городе нефтяников...

(Это сейчас, в нашем возрасте, с нашим стажем, полтора года - не срок, а в молодости - это ПОЛ-ТО-РА ГОДА! И в самом деле! За это время можно жениться и родить наследника!)

Поэтому, попав в Западную Группу Войск (ЗГВ), в транспортную часть, дислоцированную в городе Магдебурге, Александр считал себя опытным водителем, "самаровцем" по духу.

Авторское отступление

...Две осени подряд работали мы на уборке в Кизинском районе Башкирии: грузили тяжелую пшеницу на токах в машины, сопровождали их на элеватор. Старенькими, с деревянной кабиной, "зисками" управляли степенные, случилось, и молодые мужики. А но-

венькими, кургузыми, с высокими, как вскрылки, бортами, весело фыркающими пневматикой самосвалами "ЗИС-150" рулили куйбышевские лихие "водилы": "самаровцы" - называли они себя. Возраст они, как я сейчас прикинул, были посередине между отцом и сыном Фроловыми. Но взгляд у них темно-синий, искристый - тот, самаровский! И разговаривая с нынешним Александром Аркадьевичем, я вспомнил тех его земляков. Дух соревновательности, задиристость - вот что запомнилось. Видимо, осталось в "самаровцах" что-то от песенных пращуров их - ушкуйников! Пыля, газуя, словно самолет на взлете, мчит один самосвал. Высунувшись из кабины чуть не весь, весело скалясь, глотая ветер, кричит один: "Агрегат!?" "Агрега- а-т!" - отвечает второй. "Агрегат" - пароль и отзыв был у них шуточный, со множеством оттенков произносился. С тех пор со словом "самаровец" у меня ассоциируется скорость, бесшабашность, упругость воздуха. "Агрегат?" - "Агрегат!"

"САМАРОВЦЫ" В МАГДЕБУРГЕ

Мало кто знает, что город Магдебург на несколько столетий старше Москвы, что уже в XIII веке было закреплено за магдебургцами право на свободу и самоуправление, но уже про "магдебургские полушария", при обязательном среднем образовании, на уроках физики слышали все. Кто это забыл, напомню (мне этот образ понадобится позднее):

из двух плотно подогнанных друг к другу, прижатых полушарий откачивается воздух, и после этого полушария невозможно разъять: этим и доказывается наличие атмосферного давления.

То ли аура города оказывала благотворное влияние на наших солдат, то ли сами они были достойны этого свободолюбивого города, но, как вспоминает те времена Александр Аркадьевич, ничего похожего на пресловутую "дедовщину" у них в части не было. Наоборот, к новобранцам было старшебратское, может, чуть снисходительное отношение ("Салага, вот ведь как надо, учись, пока жив!")

"Землячества" - были!

Как же! "Самаровец? Иди сюда, землячок, давай покурим, вспомним Самару". И так дружили.

"Мы, к примеру, в комнате вчетвером, транспортники, жили. Трений - никогда и никаких. До сих пор помню: Николай Мурзахаров - из Казахстана, Саша Иванов - оттуда же, Виктор Масалов - из Москвы... Ну и я - "самаровец". В боях не были, но дружба - "боевая"!!..

И с немцами... общались. В город, конечно, группами, с замполитом... Но и так приходилось. Город - исторический, интересный. Над нашей частью шефствовал крупнейший в мире коксохимический комбинат. Мы - к ним, они - к нам. На наши праздники и на гэдээровские. И столики накрывали, и танцевали. У них на заводе молодежное казино было - там и встречались. Молодые были, может, и разницы не замечали: ни в поведении, ни в разговорах. Как они там сейчас, в ФРГ?.. Магдебург-то был гэдээровским. Дай Бог, чтоб хуже нашего не пришлось им. Мы ведь, как и они, хоть и без разрушения бетонной стены, а тоже оказались по "другую" сторону привычной жизни, чего тут скрывать? А вот по какую "другую", еще не поняли толком. Может, и ничего... Но уж больно "дедовщины" развелось и на гражданке, и в армии. Глядишь: не только ведь "старослужащие" "салаг" заставляют "портянки стирать", "приварок" себе забирают... В государстве "дедовщина"-то... Нет, все же прежде такого не было...

Про "магдебургские полушария", конечно, рассказывали... Когда воздух из герметично притертых полусфер выкачали, к кольцам каждого полушария прикрепили постромки от четверки германских битюгов, и они не могли разорвать их, как ни упирались. Стоило же повернуть краник и соединить полость с атмосферой, как шар сам по себе разваливался на две половинки...

Жалко, но факт: Советский Союз, видно, также держался на партийном давлении, и стоило в Беловежье "открыть краник", как он и распался...

Сейчас вот Россию как-то бы хоть сохранить..."

Авторское отступление

"Ах, Самара-городок, беспокойная я..." - кто не слышал этих солнечно-блескучих, словно волжские, на восходе солнца, лыбинки волн, кто не слышал этих задорных лукавых слов? Слышать-то слы-

хали многие, а вот так, чтобы на горячей, по-звериному подрагивающей палубе парохода "местной линии" до затопления Ставрополя-на-Волге, когда солнце хлынет из-за Жигулей, - избранные, счастливые, среди которых оказался и я. Было это летом 53-го. Мой брат тогда работал на строительстве Куйбышевской ГЭС, одной из первых строек "Сталинского плана преобразования природы". И я ехал к нему в Жигулевск. Это было мое первое в жизни путешествие, и я ненасытно вбирал в себя впечатления, не пресыщаясь ими. Это был интересный год и помимо моего путешествия: в марте умер Сталин, но жив еще был Берия. Я закончил восьмой класс. Позади была уйма экзаменов. В том числе на отлично сданный по "Конституции СССР": самой прогрессивной в мире. И вот, подплывая к жигулевской пристани, все еще потрясенный солнечно-райской красотой утренних Жигулей, чуть в стороне от дебаркадера, я увидел впервые то, что именовалось "зоной": двухметровые заборы в колючке и сторожевые будки - "кукушки" - с пулеметами... Я был оскорблен в самых святых чувствах: я наивно полагал, что на "Великих стройках коммунизма" должны трудиться честные и свободные люди, а не "враги народа" и уголовники!

Брат квартировал в какой-то хибаре у подножия горы, и в первую же ночь я проснулся от пулеметной очереди: по черной тусклой глади Волги шарили прожектора. Днем стало известно, что был очередной побег. Побегу предшествовало убийство двух итээровцев, работавших с зеками....

Недалеко был нефтяной Яблонево Овраг. Строился поселок нефтяников Отрадное. Но я этого не знал, так же, как и про то, что через семь лет стану тюменским нефтеразведчиком. В то лето, когда старший Фролов взял ссуду на строительство дома, я купался в чистой еще Волге, ел землянику на склонах Жигулей, крупнику - на солнечных полянах, в дубравах, и дрых в тени дубов в пахучем разнотравье, пока однажды не столкнулся с красивой, но ядовитой жигулевской медянкой, ходил по песчаным улицам Ставрополя, мимо старинных купеческих лабазов, по дну будущего моря. "Ах, Самаргородок, беспокойная я..."

"САМАРОВЦЫ" В СИБИРИ...

После армии - снова работа: "Крепче за "баранку" держись, шофер!.." "Баранка" хорошо, но этого ж мало!

Тут как раз выездная приемная комиссия из Куйбышевского техникума транспортного строительства...

Экзамены сдал на заочный. А дома обмозговали спокойно: рейсы ведь! Туда-сюда... Пропуски занятий... Решили: на дневной.

Директор техникума с участием отнесся: "В армии был?" "Был!" - говорю. Он сразу: "Завуча! В группе механиков, - спрашивает, - места есть?" Завуч: "Есть!" - грит. И всего делов, когда с пониманием: перевели, без волокиты и "на лапу" на дневной. Да, безо всякого! Не в ходу еще было это: "А что я с этого буду иметь?" Попозже, на "большой земле" что-то стало эдакое проявляться, а в Сибири - долго еще было это - когда "человек - друг и брат..." То ли остаток христианской любви, то ли осадок морального кодекса строителей коммунизма? Но это позже.

А тогда техникум закончил, кем только не работал: бригадиром слесарей-ремонтников, начальником колонны, главного инженера замещал... Когда вызов с Севера пришел, предлагали главным механиком - постоянно. Вот ситуация была: и хочется, и колется, и мама не велит... Да из-за жилья все! Женился еще на третьем курсе, жена тоже училась - в техникуме связи. Сын родился, Игорь, в 63-м году. В нашей организации, где работал, жилье не строили: от нефтяников получали. Как сейчас, между прочим, здесь. Кто-то строит, а кто-то нет.

Короче: поехал по вызову, стал сибиряком.

Приехал в октябре 70-го года, на следующий день вышел на работу. Как сейчас помню: 15 октября. Ехал-то начальником колонны, а вышел - главным механиком... В апреле 71-го в Мегионе СУ-920 организовалось. Разговорились как-то случайно с Тулинцевым Геннадием Васильевичем, первым начальником СУ-920. Приглашает он меня тоже главным механиком. А у них - плохой ли, хороший - был главмех. Поэтому отказался. "На живое место, - говорю, - не пойду". А летом, когда тот уволился, дал согласие: 18 августа перевелся в СУ-920...

Здесь вот, - Александр Аркадьевич топает по бетонному полу РММ, - только котлован под фундамент копался. Где склады и арочник - сараюшка стояла, а в ней единственный токарный станок. Котельная строилась... Ничего, абсолютно все голо было. Весь ремонт - на улице! Ну и времена были: аж не верится. Перезимовали - как бы то ни было. А в декабре 72-го РММ запустили. Зашли в нее - легче стало дышать. Оборудование стали получать, станки устанавливать, в божеский вид приводить... Жизнь, как говорится, пошла веселей. В 75-м второй сын родился. Я-то один у отца с матерью. Вот, обстоятельства так сложились, что на некоторое время уезжал на "большую землю". А вернулся, снова стал начальником вот этих РММ. Одиннадцатый год пошел... Техническое перевооружение идет. Импортной техники много. Да и вообще, что базу, что поселок разве сравнить с тем, что раньше было? Много сделано. Про Ярошенко слышали? Начальником был длительное время. Энергичный мужик: раскрутил строительство и промбазы, и жилья, соцкультбыта (детсад, магазин, бассейн...) Да много было интересных умелых руководителей. И вообще - специалистов механиков, машинистов, рабочих...

Сыновья здесь же, в Мегионе... Работают. Младший еще холост. А у старшего уже двое. Да, два внука. Один - в пятый ходит, один - в первый. Жизнь идет!"

"Хобби есть?" - поинтересовался я.

"Есть! - не задумываясь, ответил Александр Аркадьевич. - Техника! Машина, в смысле. До упора по скоростям и - вперед! Чтоб в ушах свистело!.."

("Чтоб "агрегат?!" - напомнил я.

"Да, агрегат!" - со смехом отозвался он на пароль "моих" саваровцев).

"И сыновья такие же: любят технику. Техника - хобби и профессия... Может, что забыл, посмотрите в "кадрах": там все в личном деле есть".

Я не поленился, сходил в отдел кадров, поинтересовался Александром Аркадьевичем Фроловым и получил вот такую дополнительную информацию к размышлению:

1. С 1991 года Фролов Александр Аркадьевич "Ветеран труда".

2. Указом Президиума ВС РСФСР от 25.03.1991 года ему присвоено звание "Заслуженный строитель РСФСР".

...И снова о "магдебургских полушариях": они держатся атмосферным давлением, а народ, если провести аналогию, держится единством духа, нравственности, точно также страна - способностью населяющих ее граждан соразмерять свои интересы с интересами страны. Не будет этого, тогда вместо народа - толпа, вместо страны - СНГ... и даже хуже.

А такие люди, как Фролов Александр Аркадьевич, я уверен, составляют духовный каркас народа, его костяк: надежный, без вычурности, самоустанавливающийся, как говорят механики, с большим запасом прочности.

ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА

"Жалок человек, не знающий радости!"

Бернард Шоу

Стараниями многих "певцов" и "зна-токов" Севера, претендующих на лавры первооткрывателей, не менее, создан определенный негативный образ северянина.

Если это абориген, будь то хант, ненец или русский, потомок старовера, беглого, ссыльного или переселенца, то обязательно алкаш, дикарь, наивняк, тудяга и рубаха-парень. А те, кто удвоили население тундры и тайги во время нефтяного бума, не лучше, если не хуже: погнались за длинным рублем, в отношении выпивки и аборигенам фору дадут, ну, честны там, отзывчивы, бывает, но в массе, мол, в лучшем случае, хорошие специалисты, технари, с эстетической же точки зрения, по культурному уровню, духовным запросам - "чукчи" и "алеуты". Поохотиться, порыбачить, "дернуть" и уткнуться в телик. "Русская водка, черный хлеб, селедка!.."

Сами северяне тоже способствовали формированию имиджа и поведением, особенно в отпусках (эдакие купринские купцы-сибиряки или мамин-сибиряковские бродяги-старатели в бархатных онучах), и самоуничижительными откровениями...

Но это не так: по пене нельзя судить о потоке!

Северная природа - приглядна, а уж северяне и подавно!

Просто не нужно быть "ленивым и нелюбопытным" и увидишь: земля прекрасна и обильна, а люди трудолюбивы и талантливы, неброски и скромны.

- А вот это... Юрий Федорович сотворил, когда в шестом классе учился.

Наталья-старшая, подала мне черную лаковую шкатулку инкрустированную золотистой соломкой.

- Подарок! Матушке своей, Александре Ивановне, на день рождения. Вон еще когда талант у Юрия Федоровича прорезался! - голос Натальи-старшей виолончелисто низок и плавен, интонационно своеобразен: ударные гласные нараспев, особенно в конце фразы. - Шедевр прикладного искусства, правда?

Она подчеркнуто иронична, мужа называет официально по имени-отчеству, но в лукаво брошенном взгляде- ласка, любовь и гордость за него.

- Да уж - шедевр! Ученическая поделка... - Юрий Федорович смущенно, и оттого басисто, возражает. - Вот, посмотрите: работа "конкурента" семейного по резьбе. Наталья-младшая, дочь, сработала. Рамочка, конечно, небольшая, орнамент несложный, но... простым ножом выполнен! А дело было так. Загорелось Наталье себя попробовать в резьбе. Просит: "Папа, дай инструмент!" "Нет, - говорю, - дочь, ты ножичком попробуй, а я потом посмотрю: стоит ли тебе инструмент доверять". Думал, не решится. А она раз! - и сделала. Куда деваться? Допуск к инструменту заслужила.

Переполненный впечатлениями, удивленный, восхищенный, ошарашенный многоликостью творческих дарований Юрия Федоровича Мишина, его супруги Натальи-старшей, младшей дочери Натальи, я сидел уже много часов в тесной, заставленной будущим антиквариатом квартире, а из "запасников" извлекались все новые и новые "экспонаты" народного творчества, высокого ремесла и самого настоящего, с моей точки зрения, искусства...

Юрий Федорович Мишин в Мегионе доживает двадцать пятый год и работает в одной и той же организации с момента ее образования - в СУ-920. По этому поводу встретились мы с ним в бытовке столярного цеха, прокуренной и неуютной.

По началу Юрий Федорович (в дальнейшем Ю.Ф.) отнекивался: да зачем, мол, про меня, поинтересней люди есть. Потому и рассказывал скупно.

Родился в Красноярском крае, на станции Ужур, это между Абаканом и Ачинском, в сентябре 36-го года. Отец Федор Алексе-

евич был кадровым военным, мать Александра Ивановна домохозяйничала, как обычно жены военных. Отца перебрасывали часто. Родом отец из Оренбургской области. Деды и прадеды были хлебопашцы, в гражданскую погибли. Родня по матери - тоже оренбуржская. Финскую войну отец начинал лейтенантом, отечественную закончил майором. Перед уходом в запас служил в Коми АССР, в 48-м вышел на пенсию и построил дом на родине предков - в Бугуруслане на Оренбуржье. Две сестры, учительница и фармаколог, кстати, до сих пор живут в тех краях.

Красноярский край - Ужур, Багатол... Коми АССР - Сыктывкар... Оренбуржье - Бугуруслан... Пономаревка... Музыка слов, реальность звуков, светотени слогов... Не в них ли истоки многоличья интересов Ю.Ф.? Разные, непохожие один на другой ближние, дальние планы и горизонты, краски конкретных предметов и колориты целых сезонов: весны, осени, лета и зимы? Интонация, тембр, теплота, плавность, холодность, созвучность голосов соседей, случайных прохожих, собак, птиц, шума крон, порывов ветра, шорохов трав, шагов, шелеста дождя?.. Где они - истоки творчества, побудившие мальчика взять в руки ножичек острый, рубанок, кисточку или карандаш, чтобы материализовать те чудные, радостно трепетные видения, которые пока только в голове, в душе и от которых - в страхе, что они могут навсегда, не воплотившись, исчезнуть - так бьется сердце?..

Может, скорее, в необходимости испытывать радость самому и приносить ее другим?

Ю.Ф. помнит: во время войны они жили в Багатоле в огромной - на самом деле или это так казалось от его малости - комнате, и мать каждый раз под Новый год устраивала своим и соседским детям елку, от которой надолго оставалось ощущение радости, праздника...

Не желание ли доставить - ответно - радость матери двигало его благодарным мальчишечьим сердцем, когда он мастерил шкатулку, о которой я уже упоминал? И многие, многие другие подарки, вещички, безделицы родным, близким, друзьям, знакомым и просто так, для красоты, чтоб время не тратить зря, или, иной раз, потому, что рисунок понравился, фактура камня, изгиб

сучка, форма коровьего рога прельстили, цвет закатного неба смутил...

Но все это - на уровне подсознания, в крайнем случае "про себя": среди всяких фантазий и несбыточных желаний и мыслей о своей самобытности, избранности. А вслух, в многолюдной реальности: как все! В самом деле - один танцует, другой поет, третий финтит... Все, как все. Поэтому и мысли не было учиться мастерству специально: что есть от Бога, то есть. После школы в институт не поступил и потому вскоре был призван к себе военной "музой": в морскую авиацию, на Дальний Восток (чуть в подводники не угодил!). На Сахалине, в Корсаково, закончил школу младших специалистов (ШМС) по обслуживанию электрооборудования самолетов: служить пришлось в Совгавани на базе стратегических бомбардировщиков.

Служил Ю.Ф., как и все сызмала делал, со старанием, любопытной приглядкой и интересом: всякое случалось за трехлетнюю службу, но жалости к себе и уныния не испытывал: помимо всего скрашивались эти годы неповторимым чувством солдатской дружбы! Располагали к дружбе доброжелательный характер Ю.Ф., чувство юмора, самоиронии и, конечно, золотые руки, которые могли из ничего сделать картинку (из консервной банки - удивительной красоты светильник или пепельницу, из куска плексигласа - мундштук, рукоятку или шкатулку с изморозью, на плоской гальке - миниатюру...)

- Демобилизовавшись, приехал в Бугуруслан к родителям, поступил на радиаторный завод, стал работать на электрошовой машине... Встретил Наталью, женился. Мать у нее - из поволжских немцев, самостоятельная женщина такая. Две сестры. В 71-м одна свояченица в Мегион уехала, пишет - понравилось! Зовет к себе. Прилетели в гости, по городу иду - воздух чистый, расположение приятное, компактное. В магазинах - яблочки румяные венгерские, колбаска там, сыр, масло, мясо, сгущенка, тушенка. Шмотки - тоже в "ассортименте", вплоть до полушубков и унтов. Как говорится, чего душа пожелает - есть... Приезжаю домой, говорю Наталье: "Едем!". Она было: "Не срывай меня!". Я

говорю: "Поедешь!". Взяла моя: собрали чемоданы, ждем вызова... И вот - вызов. Приехали 31 октября, а 1-го ноября вышел я на работу в СУ-920... Числился маляром, а занимался и оформительскими работами, и малярными, и живописными. И плотничал, и столярничал... И кузнецом был. В общем, кем только не был за двадцать пять лет.

Ю.Ф. рассказывал скупно, даже неохотно. Возможно, сама обстановка курилки не располагала, к тому же постоянно заглядывали люди.

И только когда я попросил рассказать о работах, сделанных для души, - а я интуитивно был уверен, что они есть, - он оживился и пригласил к себе домой: не только он, но и дочь рисует! Показать есть что.

И вот, благодарный себе за проявленное любопытство, я в течение нескольких часов рассматриваю "разноликое" творчество семейства Мишиных...

...Приклад "вертикалки", сделанный из капа... нет, не "сделанный" - сотворенный - из удивительного с непредсказуемо-малахитовым узором, березового нароста - капа...

Не говорю уж о совершенстве форм приклада, птиц, масок и других изделий из березового чудо-материала, изваянных Ю.Ф., другого слова не могу употребить, свидетельствующих о его скульптурных способностях, но чтобы почувствовать внутреннее строение капа, хаос его скрытых от глаз поверхностей и объемов, нужно интуитивное, всепроникающее зрение бажовского Данилы-мастера.

...Натюрморт "Полевые цветы". Своеобразная теплых тонов цветовая гамма. Натюрморт хорош, композиционно уравновешен и, к тому же, написан... семенами злаковых растений!

- Дочь, это дочь сотворила... младшая, Наталья... В Санкт-Петербурге сейчас, на учебе... - Ю.Ф. добродушно усмехается. - Ну, не поверите, преподаватель музыки ведь, а когда дачу строили, смотрю как-то - она молотком забор делала - вот так, что с правой, что с левой! - Ю.Ф. приподнялся и, как заправский мим, изобразил, как дочь, перекидывая молоток из руки в руку, играю-

чи, словно пальчиками по клавишам "форте" и "аллегро", вгоняет гвозди с одного маха. - А вот еще ее работа: маслом.

Передать картину художника словами невозможно, но невозможно и отказаться от этой попытки: слова так или иначе дадут представление о ней и дополнят даже ее, и она заживет в новой, словесной, ипостаси...

Типичный приобский пейзаж: безбрежные сора вокруг, а это твой, словно в закоулках всемирной души, обетованный уголок, недоступный постороннему глазу: здесь, у поросшей рогозом неяркой протоки, ты можешь порыдать о своей шалопутной, как у братца-Иванушки, судьбе, или, наоборот, излучить избыток радости...

...Аллегорическая картина: дитя, выбегающее из лесной чащи и ангел-хранитель над ним...

Своеобразная манера письма или стилизация? Влияние "школы"?.. Ю.Ф. все просто объясняет: да не училась она... Как с резьбой: взяла краски и начала рисовать. Вот музыке училась много лет!

Я возразил:

- Не скажите! Ни с того, ни с сего вряд ли получилось бы. Исподволь, сызмальства наблюдала за вами, видимо, мысленно набивала руку. Влияние домашней ауры! И с музыкой... наверняка кто-то из родителей музыкален?..

- О, я-я! - поддержала меня Наталья-старшая.

- Музыку все любим. Это уж так в роду повелось: поем, играем на инструментах. Шьем, кроим, вяжем! Хотите, сейчас покажем нечто другое? Ю.Ф.!

В голосе Натальи-старшей прорезалось нечто, позволившее мне задаться вопросом: а кто ж у них доме хозяин? Или - очередность?

- Где "фото-модели" наши? Прошу, покажите гостю!

Наталья-старшая исчезла. Ю.Ф. принес пачку снимков.

Прежде чем он их стал раскладывать, я услышал голос его жены из-за спины:

- Модель осеннего сезона-95. Вечерний костюм... "Кутюрье"
- Наталья-старшая.

...Сейчас такие моменты есть возможность запечатлеть: видеокамеры! К сожалению, ни у Ю.Ф., ни у меня не было такой возможности. А жаль. Чтобы описать, слова и нашлись бы, да негде, на полях, что ли?

Пока я рассматривал снимки, на которых в роли топ-модели выступала Наталья-младшая, и слушал комментарии, ее "кутюрье" успевала и подчеркнуть особенности демонстрируемого дочерью образца, многократно отраженного в зеркалах, обрамленных резбовой рамой, сработанной руками довольно бубукающего отца, и переодеться, и предстать нашим ошалевшим взорам... Описывать изделия Натальи Мишиной-старшей - это все равно, что порочить новизну технических изобретений публикацией рацпредложения в многотиражке... Я с этим имел дело, поэтому не буду... Кто заинтересуется, пусть имеет дело с ней и авторским правом.

Выдав свой "секрет", проявившись, Наталья-старшая, тем не менее, стала еще более загадочной.

- О, я-я! - засмеялась Наталья-старшая полнозвучно. - Не только русская, но и немецкая душа - загадка! особенно женская! Ю.Ф.!.. Сколько уже? - подалась она к мужу.

- Да уж... - ответно подался он к ней.

- Он меня - за столько лет! - не разгадал, а вы - за несколько часов хотите? Будем считать, никакой загадки нет. Есть человек. Хотя, как отец народов говорил, пока есть человек, есть вопрос...

- Давай споем! - вдруг предложила она. - В самом деле, песня, она ведь не от тоски - от радости. А высшая радость в том, что жизнь есть! Не надо нам сорок машин и десятков квартир в престижных районах. Хотя и надо бы квартиру сменить: в этой живем с 1973 года! В скобочках: не он, а я получила. Работала бухгалтером в УМ-5. Сначала мы у сестры с год квартировали. А потом уж сюда: на три семьи! Сейчас нам вдвоем тесно, а тогда - три хозяина. И ведь весело жили! А уж когда одни остались - тем более. Ю.Ф., видите, в детской и здесь, в гостиной, часть стен расписал...

- Вот ведь как тогда строили - прерываю я Наталью-старшую, рассматривая в детской росписи на темы ставших бессмертными мультфильмов... - Про росписи не говорю... - поправляюсь. - Но ведь и штукатурке на бруссе чуть не четверть века?

- Да... так, - из-за плеча басит Ю.Ф..

- А вот это... - достает он из-за зеркала толстую деревянную панель, - начал было спинку кровати резать, да что-то охладел... сучки вот тут... то.. се...

Поглаживая толстую, в два дюйма - не менее, клееную, видимо, обласканную до атласности панель - с замысловатым растительным орнаментом, частью уже прорезанным, плосковатым пока, рисунком, ждущем приобретения третьей координаты, третьего измерения - нового для них сейчас, как для нас, к слову - четвертое! - Только тогда я понял, что такое резьба!

Впрочем, нет, не понял: приблизился к пониманию! То, что это терпение и труд, догадался. Но, чтобы понять, самому надо попробовать...

И это будет соучастие.

Нельзя говорить о доброте, не бывши хоть единожды добрым. Злым можно быть безучастно. Но зло нельзя принять "априори".

Доброту и радость - можно.

Но труд, творчество - только сопричастно!

Труд и творчество - рядом.

Оба они - многолики, но в основе и того, и другого - радость.

Нотная бумага, кап, кедровая доска, газетные поля - мало ли на чем можно запечатлеть лик живущего на земле.

Но высшее проявление творчества - благоустройство лика Земли. Взгляните на тот земельный микрокосм, принадлежащий семейству Мишиных: он многолик, как многолико творческое начало человека.

"Для счастья нужно устать", - сказал классик.

Мишины с этим согласны.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Татьяна Сергеевна Жакова сейчас в самом расцвете своих жизненных сил: песенное - "молодушка"! - словно про нее сказано. Татьяна Сергеевна круглолица, по-русски улыбочива, в меру полна, доброжелательна, чистоголоса.

Иная, почти фольклорная, обстановка просится под нее, да что подделаешь, какова профессия - таков и антураж! Татьяна Сергеевна заведует строительной лабораторией акционерного общества "СУ-920". Поэтому и окружают ее прессы, биксы с грунтом и прочие приборы - в одной комнате, письменный стол с журналами испытаний, инструкциями, справочниками - в другой (в этой - "другой" - есть электрочайник с посудой: на случай, если заглянут "полевики").

Акционерное общество, в котором работает Татьяна Сергеевна, занимается в основном строительством дорог с твердым покрытием.

Важную роль в обеспечении качества строительства играет лаборатория, возглавляемая Татьяной Сергеевной.

В лаборатории определяются технические характеристики - и, в первую очередь, прочность строительных материалов, физико-механические свойства грунта. Для определения некоторых характеристик Татьяне Сергеевне часто приходится выезжать на объекты работ - к "полевикам".

"Не трудно?"

"Что вы! Интересная работа не бывает трудной, не обвыкается!"

Родилась Таня в летнем месяце июне на берегах Иссык-Куля, в городе Пржевальске (по-нынешнему - в ближнем зарубежье, в Киргизии). Однако прожила она в этих благодатных местах недолго. Ей было всего пять лет, когда судьба нанесла жестокий удар: умер ее отец.

Мать ее, Мария Егоровна, в свое время приехавшая в Пржевальск к родственникам, окончила местный - женский - пединститут, вышла здесь замуж, родила двух дочерей, из которых Таня - младшая, работала заведующей детсадом - смерть мужа перене-

сла тяжело. Общее горе хотя и сблизило осиротевшую семью, они все же решили покинуть край, принесший им горе, и вернулись на материнскую родину - в Благовещенку, что на Алтае, на границе с Кулундинскими степями...

Там, в Благовещенке, в поселке Степное озеро, и прошло осознанное долгое детство среди родни, под неназойливым приглядом бабушки Марии Кирилловны, всю жизнь проработавшей санитаркой, деда Исака Ефимовича - плотника - "на - все - руки - работника" и, конечно, матушки - до сих пор, кстати, работающей заведующей детским садом. (Видимо, это врожденная черта - приверженность однажды избранной профессии: ведь и Татьяна Сергеевна на своей должности с 83-го года, то есть тоже "всю" жизнь - трудовую).

В Благовещенке закончила Татьяна школу. Класс был на редкость дружный. Первая учительница не запомнилась: получилось так, что в начальных классах менялись наставники часто, и это, возможно, способствовало, как ни странно, сплочению класса в дружный ребячий коллектив.

С первого по восьмой, без потерь, непобедимой когортой, прошли они сквозь топи, чащи, пески и высокогорья наробразовской программы - к "Аттестату". И с тех пор с завидной регулярностью продолжают съезжаться в Благовещенку в условное время.

Родная земля! Благовещенка! ...Благо... Вещенье... В апреле, по первым проталинам, в степь... к озерам... Что глазу, что слуху, что обонянию - благодать! "Надо мной - небо синее..." Красота!..

Может, поэтому и уезжать не захотелось, и поступила Татьяна в Алтайский строительный техникум - здесь же, в Благовещенке.

Закончила техникум, год проработала - и что-то произошло в душе: потянуло на Север, в "бучу"! Так и оказалась она в тресте "Нишневартовскдорстрой", в Мегионе, в "СУ-920", в этой самой лаборатории.

Коллектив, поселок, работа - понравились. Природа тоже. Жизнь потекла неспешной, полнокровной, если же не речкой, то чистой таежной протокой, рано или поздно - как впадают что

тюменские, что алтайские притоки в Обь, - сливающейся с жизнью предприятия, поселка, страны...

С поворотами, подъемами, меандрами, разливами, сухолетьями...

Пришло время - вышла замуж... Были радости? "Были! Да почему "были"? Есть они, есть! Это ли не радость - дочь Настенька?! И не вторая ли радость - Артем - сыночек?!

Так уж получилось, что теперь одной приходится поднимать их, но это - другое дело! Это, как говорится, "испытание прочности"!

И - цель жизни! - взрастить их, своих деточек, спокойно, без надрыва, но так, чтобы запомнилось им детство счастливым, долгим. А потом - образование дать современное. Ясное дело - не из легких задача!

Радует, что дети уже помощники. Настенька вообще искусница, за что не возьмется - все у нее получается. Вязать? Пожалуйста: в шесть лет салфетки, не глядя, "сочиняла" узорные - словно в руках у нее крючок - самовяз! По дереву выжигает... В доме - хозяйюшка (живут они в двухкомнатной квартире в поселке СУ-920). И на огороде - в палисаднике, и на даче у Оби - Настенька с Артемом - помощники уже!

Этот год в семье Татьяны Сергеевны знаменателен: Настенька идет в школу... Что ей пожелать? Дружного, как когда-то у матери, класса и радости познания! И материнских же! - оптимизма и жизнерадостности!

Каждодневно пытается жизнь людей на прочность. Одних - жизненные невзгоды повергают в самый страшный грех - уныние, другие - мужественно сносят их; сердца этих людей все также благожелательны, глаза лучисты, на устах улыбка, а в горле, сами по себе, пташечками в лазерном гнездышке, готовые в нужную пору выпорхнуть, живут вечно молодые, родниковой свежести народные песни, значит, эти люди достойны своих предков, любят жизнь, верят в будущее свое и своих детей, как Татьяна Сергеевна.

И да будет оно у них - пресветлым.

"ВЯТСКИЕ - РЕБЯТА ХВАТКИЕ"

Михаил Михайлович Песиков - крановщик милостью Божьей; природная сметка и многолетний опыт, если сказать менее возвышенно, лежат в основе его виртуозного мастерства и красивой, вдохновенной работы.

Со стороны посмотришь, как легко все делается! Ну что особенно: поворот стрелы, одновременный наклон ее и ход каната в полиспате... Кажется, сядь и ты в стеклянную кабину, к пульту управления, тронь полированные ручки и рычаги, и у тебя тоже, описав плавно сложную кривую, многотонный груз

мягко опустится - без удара и лязга - в кузов самосвала или на стеллаж грузовой площадки, только по тому, как просядут рессоры у одной машины и вздохнут опорные домкраты и рессоры другой, поймешь, что не пачка стекловаты или тюк матрасов переместился, а железобетон или металл в замысловатом облике...

Мастерство, как искусство, неповторимо: будь то прыжок - с зависанием как бы - балеруна, будь то движения крановщика, да и где она, четкая грань между ними? ... между мастерством и искусством, имею в виду: не зря ж словосочетание "искусный мастер" - издревле употребительно.

Михаил Михайлович - крепкий, среднего, по нынешним меркам, роста сорокашестилетний мужчина, по-славянски широколицый, с добродушной улыбкой и лукавой, неистребимо-крестьянской хитринкой в неброских, глубоко посаженных глазах; на шутку

отзывчив и сам не прочь подметить смешное, ироничное в словах собеседника и сам сыронизировать.

Родился Михаил Песиков в деревне Русская Курья на Вятке (в Кировской области). Отец его во время войны был в трудармии, мать тоже была мобилизована на строительство оборонительных укреплений на Волховском фронте; поженились они в конце войны. Нажили троих сыновей и дочку.

Русская Курья расположилась на берегу озера, а вокруг - леса, поля, луга. Озеро когда-то было глубоким, соединялось с речкой Пижмой, и в него, как в затон, входили на зимний отстой и ремонт колесные пароходы. Со временем озеро обмелело, большая вода ушла, и деревня стала хиреть. Да и Советск, какой-никакой, а город - в пяти кэмэ. Вот и родители его, как дети разъехались, купили там тоже домик. Да - беда: умер от рака желудка отец, следом - младший брат, вот мать и перебралась к младшей дочери, в Мушу, где та работает медиком. Старший брат - в Советском, рядышком. Ну и Михаил, сибиряк, мать не забывает: каждый год приезжает, вот и в этом был - в сентябре. К матери приезжает, к родне - само собой! Но и не только: "Места там - красивейшие! Лучше - нигде не видел! У-у-у..." - с блаженным стоном, прикрыв глаза, качает Михаил головой... "Что ж тебя здесь держит? Поезжай: бери землю..." - подначиваю его. Хитро щурясь, говорит: "Так и здесь - красиво! А еще - работа... Была бы там такая работа - уехал бы! Все-таки - полжизни там прожил. Смотри-ка: и здесь полжизни! Не-е... все кажется, что там - дольше жил. Чудно! Детство и остальная жизнь... Дом небольшой был: 4,5 на 5, фактически одна комната, но зато русская печь была - втроем свободно спали! Да полати. Жилье, как говорится, на двух уровнях! Зато усадьба была просторная: по пять соток на едока! Брат как выделился - сразу пять соток отрезали, но все равно - тридцать еще оставалось; и насадишь всего, но уж и семь потов прольешь, обихаживая огород. Лес - прямо от огородов начинался. Леса - хорошие, светлые... Липовые, дубовые... И сосна, ель... По берегам - дубы отдельными купами... В деревне - ста-арые, могучие, развесистые... Как в песне... С незапамятных времен эти дубы стоят. Хорошо пацанам было: рыбалка, грибы, ягоды... В школу

только пехом, за шесть километров, в Советск, пришлось - с первого по восьмой. На каникулах и в колхозе работал, и отцу помогал (тот пасеку держал, иной год по пятнадцать семей. Хороший был мед: липовый, гречишный, цветочный... Да налогами задавили!). Потом, после восьмилетки, по направлению колхоза учился в школе механизации, получил права машиниста широкого профиля. И на практике, и по окончании работал в родной деревне на комбайне СК-3, потом на тракторе ДТ-75. Зимой от военкомата закончил курсы водителей. А когда призвали в армию, попал в танковые войска. Служил в Челябинске, в батальоне обслуживания высшего танкового училища: возил курсантов на занятия, через год службы был инструктором, потом довелось на легковой возить генерала, начальника училища..."

Училище располагалось почти в центре города. С увольнительными проблем особых не было: служил Михаил примерно. "Вятские - ребята хваткие!" Подружился вятч с уралочкой, да, видать, крепко: после дембеля побыл дома недолго и обратно, на Урал! И в январе 71-го года женился (в 96-м году - серебряная свадьба!). После коротенького медового "месяца" устроился на цементный завод под Челябинском, в Первомайском квартиру дали в бараке (после получил в кирпичном доме). Усердие, ответственность молодого водителя заметил начальник гаража и предложил обучиться на крановщика - Михаил согласился. После курсов, с 71-го года и до сих пор работает он на кранах; а начинал на 3-х тонном ЗИЛ-164. Работать приходилось по дехам, в стесненных условиях: в "обжиге", в "дробилке" и прочих. С самого начала требовалось виртуозное мастерство, особенно в "обжиге". "Вокруг тебя громадные обечайки вращаются, задень - намотают на себя вместе с краном и не почувствуют! Бригадир хороший попадет, еще ничего: команда - "майна", "вира", "вправо", "влево", "вперед", "назад" - четко, уверенно дает, - и тебе спокойнее. А другой попадет суетливый, мандражный, тут и сам начинаешь вертеться, тоже мандраж накатывает, особенно по первости. Тут стрелу, груз ведешь - словно партнершу на танцплощадке: крутишься, маневрируешь, - чтоб и на ногу не наступить, и не столкнуться с кем-

нибудь... Сплошной бальный танец!.. То ли дело на открытом воздухе: хоть подгорную пляши!"

"Танцевал" на кране Михаил Песиков на цемзаводе более двух лет. А в 73-м году начальник гаража ему и еще несколькими говорит: ты и ты, поехали со мной на Север! Ну, рассказал им, что по приглашению друга он уже посмотрел: как там и что. "Кем?.." "Крановщиками!" - "Поехали!"

Таким вот - прозаическим - образом, как, впрочем, и большинство приезжих, оказался Михаил в Мегроне.

Дали ему кран К-61. "Такой разбитый - садиться было страшно!"

Получил он и квартиру (бывший начальник помог!). И стал работать: "подавал" грузы при строительстве детсадика, спорт-комплекса, жилых домов, трубы - на строительстве трасс... Одним словом, без работы не сидел.

"Так вот и работаю уже двадцать три года в СУ-920: на какой объект путевку выпишут, там и "перемещаю грузы". Дочь вырастил. Внука уже имею. Дачу... Как только землю стали давать у нас - сразу же взял! Сейчас все есть: и "фазенда", и теплица, и баня, и колодец... Точно! Курьинская закваска: в деревне ж вырос! Любим с женой повозиться на даче, все свободное время там: и отдых, и польза. Да и то: раньше-то мы в Гагры каждый год - "дикарями" - ездили, квартиру снимали у одних хозяев, хорошо тогда было: дикий пляж, свободно! А нынче не больно наездишься: вот и лето - на даче, а осенью - родные места проведать... Русскую Курью, Советск, Челябинск... Воздухом детства подышать, водички родниковой испить: у нас ведь там кругом родники бьют! Летом вода в них ледяная, а зимой - живая: не замерзает в любую стужу. Была бы жизнь постабильнее, как раньше: 5-го - аванс, 20-го - получка, оставил на расходы, положил на отпуск и "черный" день, - вернулся бы на родину! А сейчас - миллионер! Внуку вот положили детский вклад - не знаю, что будет? Хорошо, машину вот на "старые" деньги успел купить...

"Уехал бы, да вот работа держит!" - чуть раньше сказал Михаил.

"На работу - как на праздник!" - в последние годы слова эти произносились с иронией, даже с сарказмом. А ведь такие, как Михаил, не редкость! Любят свою профессию не только спортсмены, топ-модели и "звезды" эстрады - любят ее и медики, и бульдозеристы, и крановщики!

"Приболел тут как-то... Давненько уже! В РММ и слесарил, и токарничал... Да, на токаря выучился. Конечно, работа поспокойнее. Как полегчало малость и группу сняли - сразу на кран! Дали мне гидравлический, на МАЗе; КС-35-77. Семь лет уже на нем, не обижаюсь: бегают, поднимают кое-что тонн так до шестнадцати... кормилец мой!

Не-ет, на кране - свободнее! Туда поехал, сюда... Сегодня то, завтра другое... Да! Это уж точно - глаз наметан, сразу вижу: как встать мне, как машине, чтоб груз быстрее переместить и без надрыва пула, то есть крана...

Конечно, напряжение машины чувствует! Да сиденьем! Вернее, чем сидишь: по напруге, по подрагиванию сиденья... Лучше всякого прибора! Да, почти что тензометр... А если серьезно, когда работаешь на пределе - или по вылету стрелы, или по грузоподъемности, - рассчитывать надо... Ну, к примеру, так, как когда на одной ноге стоишь и куда-то тянешься... Соразмеряй и на ограничители поглядывай".

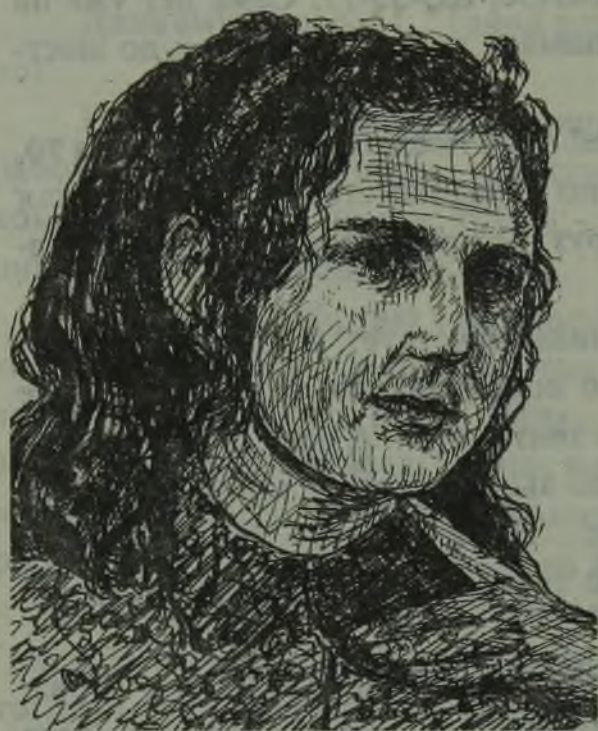
Да, хорошо сказал Михаил Михайлович Песиков о соразмерности! Побольше бы таких "вятских" в политике, глядишь, дела в России шли бы гладко, без "кувырков"...

МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ...

"Не хлебом единым жив человек"

(Русская народная пословица)

"Хлеба и зрелищ!" - девиз римской черни.

Татьяна Владимировна Котлярова - директор центральной библиотеки и всей библиотечной сети города Мегиона, в которую входит 8 взрослых и детских библиотек. Книжный фонд ЦБС - сто пятьдесят четыре тысячи экземпляров; выписываются около ста наименований периодических изданий (газеты, журналы и т.п.). Каждый третий мегионец - постоянный читатель, другие пользуются услугами библиотек и читальных залов эпизодически.

Тем не менее сложившейся ситуацией Татьяна Владимировна недовольна: "Библиотеки - падчерицы у федеральных и местных властей. В прошлом году на оснащение инвентарем, оборудованием, техническими средствами всей городской ЦБС было выделено... 1 млн рублей - месячная получка чиновника средней руки! На приобретение книг... 4 млн рублей! Поэтому неудивительно, что мы не можем сейчас удовлетворить повывисившийся спрос читателей по некоторым отраслям знаний, в частности по экономике, юриспруденции, политологии, психологии и др.

Про художественную литературу и говорить нечего: большинство новинок не дойдет до наших читателей..."

Татьяна Владимировна Котлярова, в девичестве Пряхина, родилась в предпоследний день весны в станице Кабардинской Краснодарского края, благодатных местах, называемых многими с любовью: у нас маленькая Болгария, Казынлык! В самом деле: к Туапсе, от станицы - горы, к Белореченску - поля... А на полях... шалфей... мята... лаванда... роза! Прозаически: эфиромасличные культуры... А поэтически: "Миллион, миллион алых роз..." казалось бы, что за работа - рвать лепестки, цветы, не работа - наслаждение райское! Конечно, если букет-два, но если всю жизнь... Как Танина мама, Мария Ивановна, - тяжело! Трудно! Но и радостно.

Прекрасная природа, воздух, солнце. Благоуханная - в цвету - земля. "Цветущее" золото - по лику земли, "черное" - в ее недрах: знаменитые Хадыженские промыслы. На этих промыслах трудился Танин родитель - Владимир Ильич Пряхин.

Жили Пряхины по улице Кубанской в большой родовой усадьбе. Большой деревянный дом, который, на Таниной памяти, был построен заново всем родственным кагалом, утопает в зелени, виноградных лозах... В саду весь набор фруктовых деревьев: яблони и груши, абрикосы и персики... вишни и черешни. Белый виноград и черный, столовых сортов и винных (неплохие вина получались!)... В огороде - клубника, земляника, помидорчики, огурчики, кабачки и баклажанчики (куда ж без "синеньких"?)... И чеснок, и цибуля, и зелень всякая - без чего не сваришь борща или супа кубанского... Ну и какая-никакая живность на "базу"... Эх, кабы еще все само росло-размножалось! А то ведь все руками матери, великой труженицы, отца, бабушки. Да подраставшей Татьяне доставалось: сад-огород и за младшими догляд, раз большая! А их троица после нее: сестра и два братца (как радовались они появлению первого наследника! Одно из ярких впечатлений детства. Раз уж речь пошла об этом, то живо помнится еще строительство дома и первый сбор лепестков роз).

У Татьяны Владимировны негромкий, мелодичный, но настойчиво-убедительный как у горного ручейка, голос - такой голос должен дойти не только до ледяного, но, кажется, и до каменного сердца.

"В этом году положение с финансированием аналогично-трудное. С каких пор, сколько и где можно говорила и говорю: БИ-БЛИ-О-ТЕ-КА - НЕ КНИГО-ХРАНИЛИЩЕ, к стеллажам которого есть доступ читателю, НЕТ, БИБЛИОТЕКА - ЭТО ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ! Учреждение, которое надо дооснастить современными средствами оргтехники. А у нас что? Даже эти, предусмотренные бюджетом крохи, выпрашиваешь как милостыню. В самом деле! Хотя бы подписка... Даже для центральной библиотеки города не имеем возможности выписать многие массовые, единственные в своем роде центральные издания. А нужно! С учетом того, что многие мегиионцы, социально не защищенные, не имеют возможности, кроме местной газеты с телепрограммой, выписывать их. Нет, наши "культур-трегеры" заявляют: "Сначала проводы зимы. Потом - посмотрим, что останется". Потом "День...", за ним "Ночь...", встречи "звезд"... Короче - "культурно-массовые мероприятия!" "Зрелища" и "хлеб"... Для себя и своего ближнего - в первую очередь. Как тут историю древнего Рима не вспомнить! Мэр, правда, когда до него доберешься, откликается: хоть толику малую из своего резерва, да выделит на острые нужды. Да ведь до него добраться...

На государственном уровне сейчас сдвиг, кажется, наметился: статус библиотек повышен. Да ведь от принятия "хороших" указов и законов до их исполнения у нас, известно, "дистанция огромного размера". Но дай Бог, ЭТОТ не увязнет в бюрократическом болоте..."

Вся по отцу родня у Тани была деревенская, а по матери случались и горожане: два дядьки были военными, служили на Востоке, на лето привозили своих сыновей - двоюродных ей братьев - в станицу. Может, поэтому играла Таня в мальчишечьи игры, с куклами не возилась: то ли дело казаки-разбойники! Любила рыбачить: до семидесяти штук разного калибра лавливала! Червей сама копала и насаживала, не брезговала. Совсем еще крохой была, когда на лошадь ее посадили. До сих пор сохранилось чудное впечатление, когда та стала выходить из реки: земля удаляет-

ся или она в небо подымается? Чудно, но не страшно! Интересно, а не боязно! Школа... Тоже что-то необычайно интересное: в первые годы не могла дожидаться окончания лета - чтоб в школу скорей! Училась с удовольствием, школу закончила одной из лучших: в первую пятерку входила. На все хватало времени, во всех затеях была первая, - будь то танцы или волейбол (на волейбол с мальчишками даже с уроков срывалась, танцевать обожала, друзей-мальчишек вальсам обучала), олимпиады или конкурсы, "огоньки" или КВНы, литературные вечера или танцы... танцы... танцы... И - мотоцикл! С восьмого класса гоняла на мотоцикле. Мотоцикл и кружок бального танца! После школы - неудачная попытка стать технологом в Краснодарском политехе. Вернулась домой и...

Заведующая станичной библиотекой Вера Васильевна Нааева выделила Татьяну из всех: пригласила себе в помощники. Через месяц, убедившись, что помощница освоила специальность что называется с лета, даже отчет составила, ушла в отпуск... До сих пор Татьяна Владимировна благодарна Вере Васильевне за доверие.

Дело в том, что библиотека, благодаря личным качествам заведующей, была духовным центром станицы. К Вере Васильевне люди приходили не только за книгой, а и за душевной поддержкой, за советом житейским - словно к нравственной кринице припадали земляки...

Понравилась Татьяне библиотечная работа: уважительное отношение людей к этой должности, несомненно связанное с ее прежней исполнительницей - Верой Васильевной, ставшей Татьяниным идеалом. Добросовестное, впитанное с материнским молоком, почтительное отношение к труду, пример родителей, с душой, весело, с охоткой, без уныния исполнявших всякий труд, сподвигли нового библиотекаря с любовью, тщанием и умением исполнять свои обязанности, и люди это заметили, охотно общались с ней.

Через два года Татьяна поступила в Краснодарский институт культуры, с интересом, с осознанной целью - стать профессиональным библиотекарем...

На библиотечном факультете училась с удовольствием, легко, разносторонне... "Не в одной учебе счастье!" - когда приезжали московские театры на гастроли, вся стипендия в иную пору уходила на билеты. И вечера студенческие, и танцы, танцы, танцы... "Звезды" приезжали - в те времена исполняли "живьем", а живой голос что певца, что оркестра - к сердцу дорогу находит...

На каникулы в станицу приезжала - на подружкиных свадьбах свидетельницей бывала, взрослым не уступала: хоть цыганочку, хоть казачка бацала! Сама влюбляться - как не влюблялась? Только не в своих "мальчишек", с которыми в казаки-разбойники, в волейбол да на мотоцикле, - это ж свои хлопцы!

Институт закончила снова в первой пятерке, могла остаться в аспирантуре, да потянуло на Север...

Иль пресытилась южным теплом: зима короткая, если снег - то как счастье?.. Иль извечная тяга молодых к далеким странам: посмотреть на иных и себя показать?.. Иль нечто другое? Бог весть, но так или иначе, а в 78-м году Татьяна Владимировна приняла мегионскую центральную библиотеку, которая была расположена в зеленой двухэтажной деревяшке, что напротив магазина "Геолог"...

Татьяна Владимировна увлечена своей работой, болеет за нее, говоря о ней, увлекается. Вот и сейчас смуглое лицо на ее скулах рдяно румянится...

"В библиотеках - извечно работают энтузиасты, люди, любящие книгу, понимающие ее душу, а еще больше - наклонности, желания и потребности ума и сердца читателей, часто смутно ими ощущаемые. Сейчас ЦБС г.Мегиона укомплектована профессиональными работниками. Мы можем оказывать на высоком уровне информационно-аналитическую помощь специалистам разных направлений. Жаль, что не все понимают это, и в частности, молодой возрождающийся предприниматель, который полагает, что сможет "вариться" в собственном "информационном" соку... Так или иначе, мы ищем новые нетрадиционные формы работы, расширяем связи со средствами массовой информации, информируем читателей о новинках...

Не перестанем будировать вопрос о компьютеризации ЦБС...".

Сибирь покорила и восхитила... За сибиряка и замуж вышла. За работу взялась горячо, споро: не только теоретический багаж помогал, но и два года работы рядом с Верой Васильевной хорошо в строку легли! Впервые ЦБС выполнила план (книговыдача, читаемость и др. показатели), получила категорию... И в личном плане были успехи: родилась дочь! Пришлось вернуться в родные края. Работу предложили в Хадыженске: заведовала городской библиотекой. Сложив руки не сидели: построили дом своим трудом. Участок по сравнению с родительским маленький, пять соток всего-то, за вычетом двора, построек, под сад-огород две сотки, не более, остается. В детстве мечта была: вырастет Таня, заведет свой дом и насадит вокруг него розы - много-много роз, но больше всего алых, любимых! И хотя не удалось до сих пор осуществить мечту, в Хадыженске участвовала Татьяна Владимировна в организации городского клуба розоводов. Несколько раз с коллегой Валентиной Ивановной Тараненко устраивали выставки коллекций роз то в библиотеке, то в ГДК. Это было так красиво! Валентина Ивановна, к слову, сейчас тоже мегионка: в ЦБ работает.

В Хадыженске родилась вторая дочь - южанка!..

Интересная работа, свой дом, сад... Чудесная природа, благодатный климат... И все же... все же... И все же в 86-м вернулись в Мегион. Но каждый отпуск - к себе и к маме: помочь, а дел уйма: и в саду, и по дому, дров заготовить, сена. Отца уж второй год нету, и матери шестьдесят три. Так вот и идет жизнь: юг тянет, а Север затягивает!

"Нет, в самом деле так! - весело говорит Татьяна Владимировна. - Хоть разрывайся. А если учесть, что я по гороскопу Близнец, то поймете, как мне приходится сдерживать себя. Да, я человек противоречивый: и на мотоцикле любила гонять, и машину сейчас вожу... конечно, права есть! но и сентиментальных барышень прошлого века, всплакнувших над прочитанным романом, понять могу. И я оптимистка! И еще: сразу после института мне

приходилось быть руководителем. Хотя маленьких коллективов, но тем не менее. Взяла привычку: на душе хоть кошки скребут, а я улыбаюсь! В любой ситуации. Сызмальства поняла: уныние - не помощник. Люблю быть первой. Это от оптимизма или тщеславия? Скорее - от честолюбия: оно мне больше нравится; там в основе "слава", здесь - "честь".

И не вижу в этом ничего плохого. Особенно для женщин: стремление красиво (лучше всех!) одеться, сделать прическу, спеть, станцевать - это ж так естественно. А танец, пляска - они ж по духу соревновательны. Не зря в народе так был в почете перепляс! А частушки? "Ой, подруга, дробь бей!" А вальс, а вальс... В людях люблю порядочность, доброту, ответственность за слова и поступки. Не люблю ложь, обман, легкомыслие, особенно у должностных лиц. Но - оптимистка! Верю:

...минует время эскапад,
пустопорожних разговоров,
коварных стычек и раздоров.
Дела российские на лад
пойдут - в литературных спорах!"

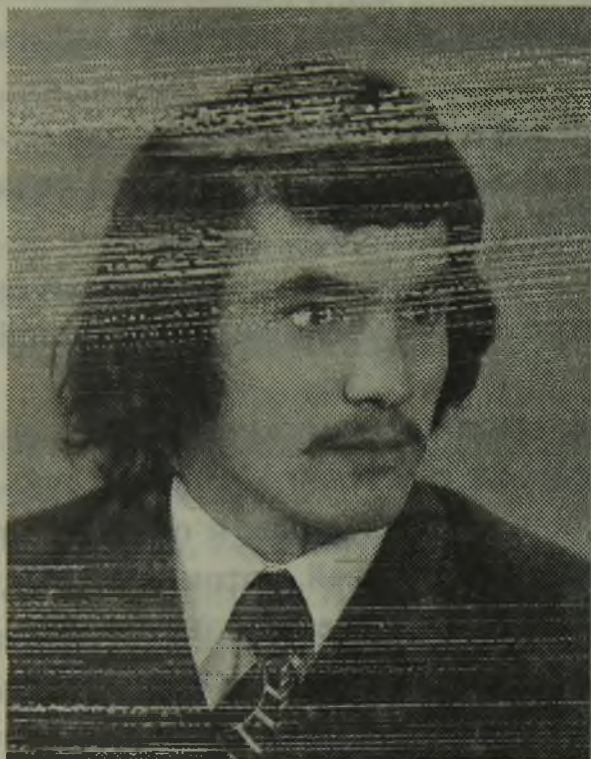
А пока... Может, и прав Виктор Астафьев: "Давайте остановимся, поплачем"...

И, очистив душу, пойдем дальше: жить, работать, читать книги, слушать музыку, танцевать и все остальное, но без надоевшего нытья и хныканья!"

...Ранним утром, после восхода солнца, чуть прищурив глаза, взгляните на выпавшую за ночь порошу, опавший ли иней, медленно поворачивайтесь и найдите такую точку зрения, с которой снега и снежинки заиграют вдруг радужным, калейдоскопическим разноцветьем при малейшем вашем движении. Любуйтесь игрой цвета и наслаждайтесь запахом свежего снега: он очень тонок, но в нем уйма оттенков и тонов, как и в атласно-сиреневой снежной белизне...

А другим ранним утром выйдите в сад - где "миллион алых роз"... В крайнем случае - на рынок. Но обязательно пораньше. Пока розы не потеряли утренней свежести.

"ЖИЗНЬ - НЕ БЕТОНКА, НЕ ПЕРЕЛОЖИШЬ..."

Иван Иванович Федоров, старший прораб дорожного участка АООТ "СУ-920", производит впечатление надежного человека, умеющего владеть своими эмоциями и поступками, хотя горячий нрав его выдают и сдержанность жестикуляции, и играющие желваки, и жаркие темные глаза. Ему сорок два года: до седины - и в бороде, и в кудреватой шевелюре - еще далеко. Он широкоплеч, крепок и поджар, смуглолиц и по-цыгански красив: одеть бы на него руба-

ху алого атласа, блескучие, в гармошку, сапоги со скрипом и подковками, да в пару - цыганочку в ярких юбках из "Ромэна", он бы - как таким и родился.

Отлично подошла бы ему и пилотская форма. А уж про казацкую - любого войска - говорить нечего! Впрочем, и обычная партикулярная одежда мегионца сидит на нем, как влитая. И в работе дорожника, по его словам, есть вольный воздух цыганщины, азарт и лихость пляски и скачки, и как бы восторг полета, - когда едешь с ветерком по построенной тобой дороге.

Родился Иван Иванович Федоров на переломе столетия в деревне Стюхино, под Куйбышевом, в привольных лесостепных краях - заволжских прериях. Отец работал в колхозе на разных работах: трактористом, водителем, мельником, маслоделом (на маслодавилльне: в колхозе были плантации подсолнечника), завскладом (работы действительно "разные": мастера на все руки, на мой взгляд). А мать работала на бахчах: арбузы выращивала,

дыни. Детство проходило как у большинства деревенских, не без забав, но в полезном труде на себя и государство - в колхозе. Да и забавы, вроде рыбалки на прудах, с отцом и братьями, были не пусты: караси, а то и сазаны попадались. Десятилетку закончил в Стюхино - своя была школа (Стюхино - деревня не малая, дворов полтыщи). И вскоре - в армию.

В учебке пробыл долго - 6 месяцев - в городе Каменка (серьезная специальность осваивалась!). Остальные полтора года служил в Приморье, под Уссурийском.

Недалеко от родных мест расположен город Бугуруслан (в 23-х км), а там есть знаменитое летное училище гражданской авиации.

Мечта - стать летчиком, пусть и гражданским, была, и он рискнул поступить. Но! Как говорит сам Иван Иванович, произошел какой-то "облом", т.е., как я понял, срыв, и он завалил экзамены. Предлагали ему остаться: поработай, потом, как свой, наверняка поступишь. Но он больше решил не испытывать судьбу, боясь потерять время, и поступил в учебное заведение, которое давало специальность, также связанную со скоростью и ветром, но - на земле, - в Куйбышевский техникум транспортного строительства. Учился успешно, практику преддипломную проходил на "крыше мира" - на Памире, в городе Хороге: строил противолавинную галерею. А направление получил "противоположное": строить дороги по Западно-Сибирской впадине.

В Нижневартовск Иван Федоров приехал в 76-м году с однокашницей, своей будущей женой. И пошел процесс превращения Ивана Ивановича в северянина... Работал мастером, прорабом... Строил многие дороги, обустроивал месторождения. Трудностей хватало: климатические, гидрогеологические, организационные... Иной раз попадет - не то, чтоб уж очень болото, а сыпешь грунт, сыпешь - как в бездонную воронку. Вот и Север так засасывает: наши годы заглатывает! Ну это бы ладно: стихия и вообще непонятный феномен - Север. А вот когда техники - машин особенно, не хватает, или они "сыпятся", - вот это изматывает. Спланируешь так, а получается - как сумеешь оперативно вывернуться из

сложившейся ситуации. А тут еще график работы неудобный был: на субботу-воскресенье приедешь домой - ничего не успеешь! А у него ж семья!

Вот и решил Иван Иванович свой жизненный путь "реконструировать": спрямить, выположить, уширить, "плиты" кое-где переложить...

Поработал на ПЖС (участок промышленно-жилищного строительства) рамщиком, в кооперативе, в тресте МНПС прорабом - восемь месяцев, а потом Андреев (нынешний генеральный директор АООТ "СУ-920") увидел - предложил вернуться обратно: было это в 88-м году. И вот уже восьмой год, по второму кругу, мастером, прорабом, старшим прорабом - это сейчас, на 1-м участке. И старшие руководители, и непосредственный начальник, и подчиненные отмечают главную черту - надежность, добросовестность, исполнительность и... инициативность.

Эти качества Ивана Ивановича знакомы смежникам и кураторам заказчиков: многие вопросы, утряска которых по бумажным каналам привела бы к потере времени, решаются поэтому на трассовом уровне. И как возрождение России идет из провинции, так и уважение к данному слову, его изначальной, как в разговоре и молитве, нерушимости, пойдет из нутра народного: от рабочего, мастера, прораба. И будет время, дойдет до самых высоких верхов - тогда, наконец, перестанут обещать нам коммунистический рай - к "сятому" году, квартиру каждому - к 2000-му, стабилизацию - к концу года, а зарплату - в этом месяце.

И еще хотелось бы отметить один момент.

Десятилетия полтора-два я заметил тенденцию северян ограничиваться рождением одного, самое большое - двух детей, трое и более - редкость. Так вот, у Ивана Ивановича - трое детей. Не многодетная семья, но все же, если все были бы как Федоровы, России не грозило бы вымирание. Старшему сыну идет девятнадцатый, учится он в Москве, в Губкинской академии, содержится на родительский кошт. Дочка учится в восьмом классе. Младший сынишка в третьем классе. Разность в возрасте детей приличная; с одной стороны, хлопот больше, но зато и подольше бу-

дут они под родительским крылышком, - не в этом ли главная радость? Не в семье-ли?.. А, может, в работе, в коллективе, с которым трудится в жару и в холод, в ведро и ненастье? Или в этой, полюбившейся с многотысячного погляда скромной, неброской земле?..

"Этот глинистый берег крутой,
в кедраче, будто в шубе бобровой;
тальниковый, далекий - другой,
где протока блестящей подковой
этих вод величавых поток,
серебристо-зеленых на стрежне, -
позабыть я в разлуке не смог,
возвратиться к ним - прежний!
И хоть трудно узнать берега,
а кедрач - будто моль источила,
но земля эта мне дорога!
Все - до боли! - здесь мило".

И в заключение.

Во время поездки по его объектам, в дорожных, перескакивающих с одного на другое разговорах, к слову или как, Иван Иванович заметил: "Дед мой в 53-м умер - я родился, в 86-м отец ушел от нас - сын мой, Дима, появился на свет. И думаю, неспроста все это! Не дедова ли во мне душа, а в Димке - не отцова ль? Читал я где-то про такие случаи".

...Все может быть на этом свете, Иван Иванович. Но если так, не зная твою деда, могу сказать: хороший он был человек! И Димка твой будет не хуже: в твоего отца, в своего деда!

А что касается жизни, то ее неплохо бы и благоустроить, и "для счастья оборудовать", как сказал поэт.

РОМАНОВНА

Солнечный, сине-голубой. серебристо-сиреневый март стоял. Ярко, ласково-дремотно припекало соскучившееся по людям солнышко. Вокруг деревьев вытаяли с южной стороны луночки; сосновые окорки, веточки, хвойные метелки, словно живые, в снег зарылись. А уж железяки на буровой, - те, будто каленые, из кузницы, снег до самой торфяной изложницы стопили...

Романовну, бригадную повариху, вытаявшая помойка взволновала. Очистки там, скорлупа, банки-склянки, тут и там раззявившиеся, - это ладно бы, а вот все ее "грехи" выставились наружу: продукты порченные, кастрюлька вон до угольной черноты прокаленная, прогоревшая, - это не ладно, убрать - с глаз подальше.

Вот и сегодня... Надо же: молоко - убежало, каша - сгорела... И ведь, считай, на глазах: задумалась! А чего думать-то?... "Ах ты старая... вербованная!" И начала Романовна костерить память "девичью", душу "грешную", судьбу "сиротскую" и весь белый свет...

Отведя душу, вздохнула обреченно: "Ладно, чего уж там: кого обманывать? Червь зашевелился - змей подколодный! Свою требует... И то: второй месяц в заезде, иссох, гад, поди... Просить замену, однако, надо да ехать: залить ему глотку - чтоб захлебнулся, червь проклятый..."

И Романовна стала прибирать помойку...

Вечером, выбрав минутку, пришла к мастеру на рацию, попросила: "Леонтич, а, Леонтич? Это, слышь, замену мне проси. Неделю доработаю и все - шабаш! Как раз три заезда будет..."

Бурмастер сочувственно хмыкнул: невтерпеж мол? И тут же связался с базой, передал просьбу поварихи.

Настроение у Романовны улучшилось, она быстро и ловко перебрала запасы, прикинула - сколько и чего заказать из продуктов, чтобы передачу подотчета произвести быстренько, на ходу, и в тот же день, как сменщица прилетит, смотаться на базу... Составила заявку, отнесла мастеру и быстро, играючи сделала необходимые заготовки для завтрака. И еще пару дней жила Романовна с хорошим, предпасхальным, как в девчонках, настро-

ением - и все-то у нее получалось вкусно, как никогда, и отпускала и "перше", и "вторэ" с легкой руки, с шуточками-прибасками, а если и прорывался острый матерок, то не со зла - по привычке...

В ночь, накануне предполагавшегося ее отлета, март вдруг накуксился, словно капризный балованный ребенок, зауросил, заплакал... Рассвет занимался серый, тусклый - с восковой желтизной.

Романовна как обычно в пять утра в столовую собралась, только дверь своего балка распахнула, ее и обдало влажным тревожным духом набухшего снега, весенней капли: с железной покатою крыши балка, из-под февральского сумета текла-выговаривала талая вода... тень-звень-потетень...

Сначала Романовна, после балка, вздохнула несколько раз глубоко, с удовольствием, но тут же сникла: "Так не улечу ж, в туды-сюды! Ой, и дороги ж, поди, сели! - никакая машина теперча не пробьется!" - и засосало у нее в груди пуще прежнего. "Всю жизнь так: не везет!" - она или кто-то другой, живший в ней, заныл, застонал, заматерился, озлобился на всех и вся... И в это утро у нее снова что-то пригорело, убежало, просыпалось, разбилось... И буровики раздражали ее: были злые, усталые, грязные - одни, заплывшие, с недосыпом, привередливые, - другие...

И точно: набухшие зимники стали непроезжими, а серое, низкое, словно с подбойкой ватина, небо - непролетным...

"Леонтич! - хмуро окликнула мастера Романовна пару дней спустя. - Имей в виду: продукты кончаются. Еще день-два - мука да рассольник в концервах останется".

"Что ж ты так опростоволосилась!" - укорил мастер повари-ху.

"Дак - к пересменке ж подгадывала! - стушевалась она: сама всегда хвасталась: "Запас карман не тра-та-та!" Поэтому отработала назад: Нииче! Ландориками буду кормить. Лапшичку. Клецки. Затируху... Придумаю: зубы на полку не придется класть!"

Романовна вздохнула, выбрала уголок фартука почище, промокнула глаза, высморкалась, и дебелое ее лицо окаменело, голубенькие глазки сердито глянули на мастера из-под белесых ресниц. "А ты че ходишь - в штаны наклал? - напустилась вдруг на

мастера. - Ты базу-то, давай-давай, береби! Не "база-база-базынька...", а: "База, так тебя перетак! Немедленно продукты! По санзаданию! По спасательному: с голоду, мол,дохнем! Дистрофики, мол, уже есть..." - она уперлась сильными полными руками в крутые бока и вдруг мелко затряслась в смехе, похлопала по "майорской" мозоли мастера и сказала серьезно: - А че, Леонтич? Тогда только и забегают, я знаю..."

Добра Романовна, жалостлива, простодушна. Но и обидчива бывает и своенравна - до капризности! Куда до нее погоде!

К примеру, случилось как-то работнику одного института, бывшему на буровой по какому-то ученому вопросу, попросить соли... Делов-то! Ан нет! "Ишь - ученый! Всем суп соленый - ему одному недосоленный. Кхы! Соли ему мало... Да на, соли: жалко, что ли? - и она двинула по прилавку чашку соли. - Соли, соли! А то скажешь, что соли тебе здесь пожалели..."

Пока смутившийся сотрудник торопливо ел, Романовна гремела посудой, от поры до поры фыркала: "Надо же! Суп Романовна разучилась варить... Не досолила!"

Кроме тех случаев, когда она "задумывалась", готовила Романовна вкусно, порции "насыпала" (ее слово) щедро, цены "калькулировала" божеские, кормила и в неурочное время. Поэтому у Романовны норовили перекусить и водители машин, и вертолетчики, и прочий попутный люд; а некоторые из них, создавалось впечатление, специально заворачивали к ней, чтобы посостязаться в складном сквернословии.

Но если кто "наступал" на ее профессиональную "мозоль", тому она спуску не давала и по прошествии времени, как тому бедному научному сотруднику.

По иронии судьбы, чуть не через год, столкнулась она вплотную с ним в Тюмени (в отпуск ехала) и не смогла удержаться, воскликнула: "Ха! Иде-ет!.. Соли ему мало!.."

А так - отзывчива была Романовна на чужое горе, особенно к друзьям по несчастью.

"Ну че хорошего в этом! - "воспитывала" она молоденького вахтовика, мучавшегося после дорожного перепоя. - Я уж - ладно, и то - когда за сердце змей подколотный меня цапает. У меня жисть

такая была. А ты-то с чего? Че в ем, в винище-то, доброго? Счас всякой всячины скусной полно, вот и траться на нее, если гроши лишни завелись и щекотятся..."

Судьба у Романовны была нелегкой: послевоенное детство, образование "пять классов, шестой - коридор", в девках - хоть и веселая, но надсадная совхозная "жисть", лихобойное замужество, а после - сплошные "гербовки" (договора она тоже звала "гербовки").

"Счас вот "гулаги" всяки поминают, - рассказывала она, когда находил на нее "стих". - А мы-то, по "гербовке" кто приезжал, лучче что ль жили!? Да так же, а ино и похуже. Об имя-то государство худо-бедно заботилось, а об нас - кто?.. Счас вот "путаны" называют, а раньше - ... вербованная звали. Думаешь, от хорошей жизни было? Крепиться - креписься, а раньше - позже, дашь. А иначе - снасильничают все равно. А начни давать не поспеешь штаны сымать... Вот, милок, такая жисть была чижолая. В молодые-то годы! Вот тогда этот змей зеленый, душеточец, и угнезвился во мне, да так, что ничем его, паразита, не вытравишь... Аль не пыталась я?.. Одно время обрадовалась: ослобонилась, кажисть! Дочку завела, до института выходила: живи да радуйся Романовна! Да нет: живуче, змеиное отродье, опять разгнездилося...

Вот и в этот раз "пожалилась" (ее слово) она "Леонтичу" и легче вроде стало. Может и перемоглась бы, да вскоре северок подул, снег занастился, зимники окрепли, и небо прояснилось... И улетела Романовна на "базу".

В "нутрях" у Романовны снова зашевелился Змей-Горыныч огнедышащий, жег, калил душу несусветной тоской, и требовала душа, алкала: залей, Романовна, пожар зеленым вином...

Хватило у Романовны силы справиться свои подотчетные дела, послать дочери перевод с припиской и еще кое-какие житейские нужды завершить прежде, чем она стала "тушить" душевный пожар, да так и не смогла и - сгорела...

Много разного люда, узнавши об этом, горевали искренне и желали мира праху ее и упокою - душе ее страдавшей.

НЕ ПРОСТО ПРОФЕССИЯ

Воспитатель детского сада... Кто из родителей хоть раз не имел с ним дело, что-то потерял в жизни. Мне пришлось водить детей в разные садики, в городе и в поселке. Разные были и садики, и воспитатели - разные по внешности, возрасту, но одинаковые - в добротерпеливой влюбленности в детей. И я, например, учился у них сдержанности и мужеству: пока собираешь ребенка или раздеваешь его, от шума, гвалта, смеха, рева, вопросов голова кругом уже идет, а каково, думаешь, им, воспитателям - по двенадцать часов да пять раз в неделю?.. Нет, такое - изо дня в день, из года в год - вынести могут только те люди, для которых этот "веселый ералаш" стал образом жизни!

"Да уж и не так страшно, как вы себе представляете, - Лидия Степановна Юшко возражает мягко, улыбаясь, но не категорически (значит, доля правды есть в моих словах?), - просто скучать не дают. А иногда вообще ведут себя тихо... Как сейчас, например..."

"Еще бы и сейчас шумели!" - я тоже не могу сдержать улыбки: с юмором у Лидии Степановны Юшко, воспитателя детсада "Полянка", что в Мегионском Посаде (поселке СУ-920), все в порядке (а дети отзывчивы на юмор и сами не прочь пошутить!).

В группах - тишина. Дети спят на раскладушках: кто чинно, кто разметавшись. По-домашнему уютно. Нет казарменности, характерной для прежних лет.

Двадцать первый год Лидия Степановна в этом садике! А в Мегионе - с 1973 года.

В Мегион приехала из Башкирии, из города Октябрьского.

Отец у нее, бывший московский детдомовец, окончил военное училище, стал военным строителем. Как и принято у военных, поездил по стране. В Сибири встретился с Лидиной матерью, коренной сибирячкой (вся родня по матери - в Байкальске да в Слюдянке). Лидия Степановна родилась в юном городе нефтяников - Октябрьском, который строил (в том числе силами пленных немцев) ее отец...

(В Октябрьском я впервые был на ознакомительной практике в 56-м году: город понравился ухоженностью, чистотой, зеленью; даже бараки, в которых мы жили с китайскими студентами, не угнетали; возможно, это были те бараки, в которых и жили пленные. А центр, с радиально-концентрическими улицами, свежеезаасфальтированный, в зелени, застроенный домами с "архитектурными излишествами", казался соцгородом! Один Дом техники чего стоил!)

В Октябрьском Лидия Степановна закончила 11 классов, медицинское училище, вышла замуж, родила дочь... Три года отработала по специальности в детском саду. Красивый город, работа по специальности - и вдруг в какой-то Мегион, в то время сумбурно застроенный поселок. "За запахом тайги, за туманом"?.. "Да нет, на заработки!"

Мужу работа сразу нашлась, а вот медики... Весь Мегион обошла Лидия Степановна, медики не требовались ни в детсады, ни в больницу (крохотная была больница, за военкоматом, сейчас снесена). Первое время на одну зарплату жили. Потом пообещали место в этом садике - он как раз достраивался, но - воспитателем. Согласилась... Может, и к лучшему.

"Управление расширялось, поселок рос. Группы были большие: по тридцать детей ходило! Вот тогда крутиться приходилось! Представьте: тридцать раскладушек в группе раскинуть, убрать...

Принять, накормить, на прогулку сводить... На чисто воспитательскую работу времени не оставалось. С прогулками, правда, было хорошо: действительно, "как в ясной полянке"! За спорткомплексом - ягоды, грибы собирали с детьми. А сейчас что? Дорога, дачный кооператив - за высоким забором... Загазованность... Как на "кусте", за Мегой, разлитую нефть запалят - весь дым сюда.

Зато сейчас легче: группы стали меньше, человек по восемнадцать. Сокращения везде - одна причина: часть детей с матерями сидит. Из города, как бывало, уже не возят к нам - там, видимо, проблема с детсадами решена - вторая причина. Поэтому появилась возможность специализированные классы оборудовать: музыкальный, изокласс... Школы в поселке нет, так получили разрешение своих выпускников в нашем, садиковском, первом классе обучать на продленке.

Хотя дети всегда дети, во все времена, но какие-то отличия, конечно, между детьми 75-го года и этого, есть. И в одежде, и в развитии. Влияние телевидения - заметно безусловно. Перестройка, рынок - все на лету схватывают детишки. Уже и приоритеты профессий в ответах на вопрос: "Кем будешь?" - меняются... Может, предвзято наблюдаю, но, кажется, что дети стали чуть беспокойнее: сказывается, видимо, нестабильность обстановки в семьях, неуверенность в завтрашнем дне родителей, да и вообще - ситуация в стране... Дай Бог, если ошибаюсь... Хотелось бы, чтобы дети выросли здоровыми, уверенными в себе! Как и первые воспитанники, некоторые из них семьями уже обзавелись!

Радуют ли свои дети? Пока радуют. Сын в армии отслужил, сейчас учится. Дочь Новосибирский техникум закончила, занимается коммерцией. Живем вместе. Раньше жили в "деревяшке". после сноса получили в 9-этажке. Мегион не то что полюбили, скорее - свыклись! По мужу - все родственники в Ленинграде. Кстати, вот про генеалогическое древо вы спрашивали. По мужу - и в Швейцарию, и еще куда-то уходит... Пожалуй, надо просматривать рубрику "Инюрколлегия разыскивает..." - вдруг наследство нас ищет... Да. Так о Мегионе. Люблю не люблю, а в отпуске долго не могу: тянет! Хотя и на "большой земле" жилье забронирована

но, но основной дом - здесь. Пока на пенсию не выгонят - здесь будем жить, это однозначно!"

Мы закончили разговор, а дети в группе еще спят. Боже мой, как беззащитно-доверчивы спящие дети! Разомлевшие, с подрагивающими ресницами - снится что-то? - с разгоревшимися щечками, аленькими, полуоткрытыми губками... Кто-то уже беспокойно ворочается, верно, сончас последние секунды отсчитывает. Но еще есть время: взгляните на спящих детей, и вы поймете, почему их воспитатель - не профессия, а образ жизни... И не ревнуйте к ним своих детей.

"За руку тянет. Смешлива, румяна.

"Ой, погляди, какая большая,
какая огромная поляна!

Сколько цветов нашла я:
охапку!..

Что же молчишь ты, папа, ну, папка?

Ну не брани ты меня за это!.."

В самом разгаре сибирское лето.

Шмель вертолетом садится на кашку.

Будто разряды, шуршат стрекозы...

Не шелохнутся над нами березы.

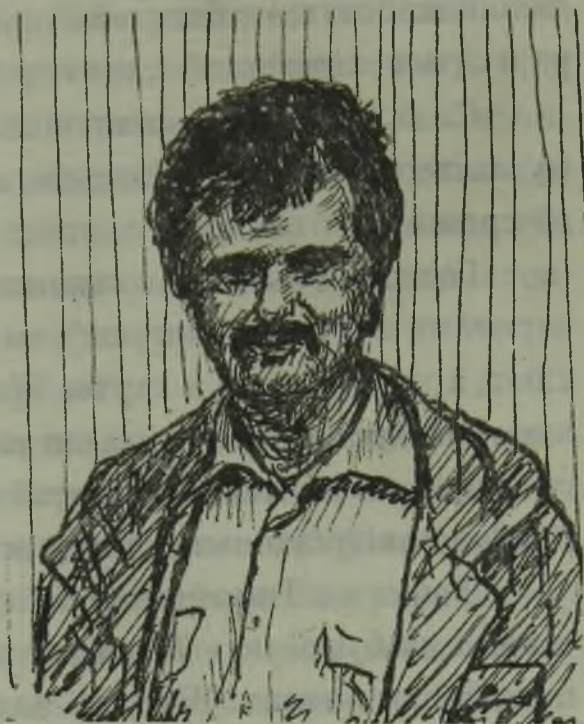
И глаза у нее - голубые ромашки!

Смотрят на мир они в удивлении
и не сморгнут ресниц лепестками...

Ради этих, наверно, мгновений
сеется хлеб, долбится камень..."

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ

Катились остатние денечки солнечной осени 85-го года. На МИ-8 летели мы над Ван-Еганскими болотами, словно над буро-зеленым штилевым морем. Плавниками древних рыб торчали кедровые гривы. Темная зелень грив, словно золотистой канителью, люрексом изукрашена, - это златолистые березы, чудом сохранившие свою красоту во время набега ветролистобоя, оживляют однообразный пейзаж.

Я летел на буровую Р-151, Ван-Еганскую, бурившуюся в интересах науки, на солевом растворе, особой конструкции. Буровая была поставлена на краю гривы. Когда вертолет делал круг перед посадкой, я рассмотрел: с одной стороны гривы, по ее оподолью, золоченой прошвой березовая россыпь и решил непременно там побывать, не знаю почему - поманила она меня с первого погляда.

Со мной прилетел геолог Женя Чернов, молодой, стройный, черный - словно в оправдание своей фамилии! - с ломким, как у галчонка, голосом. Геологическая спецодежда подогнана по фигуре и сидит на нем элегантно, словно форма на флотском офицере.

Я с ним познакомился недавно, на спуске технической колонны, он приятно удивил меня своей понятливостью, расторопностью и аккуратностью. В отличие от других геологов, с которыми приходилось обычно иметь дело на буровых, в его объемистой папке оказались не только бланки и каротажные диаграммы, но и рулетка, мел, ладненький молоток, набор гвоздей, а в

рюкзаке - остро отточенный охотничий топорик, чистые верхонки (брезентовые рукавицы)... Заметив мое удивление, пояснил: "Не люблю просить, - и белозубо улыбнулся. - Да не у каждого мастера и есть все это".

Со скважиной были проблемы, и я пришел в балок к буровому мастеру Любомиру Коцыбе, в обиходе Тимофеичу, глубоким вечером.

Геологи обычно в ожидании "своей" работы (отбора керна, каротажа и т.п.) "шлангуют", то есть отсыпаются впрок или читают, а то и режутся в карты. Женю Чернова я застал за рукоделом: он кроил бересту, делал разметку и снова кроил, а потом стал прошивать тонким монтажным, в разноцветной изоляции, проводом вырезанные полоски и кружки...

Попил я с Тимофеичем чайку, сделал необходимые расчеты, сходил на буровую - Женя все рукодельничал. Я не выдержал, любопытствовал: "Что это ты мастеришь?" Он в это время соединял кольцо с донышком, сметывая проволокой другого цвета ранее сделанные стежки: получалось красиво, но, главное, оригинально! Вот кольцо, вот кружок, как их скрепить? Светлая голова была у того, кто догадался как это сделать. "А дальше что?" - интересуюсь.

"А вот так: вставим большую бересту, прошьем ее, скрепим с этой крышкой, другой, точной такой же, будем закрывать. Чем не берестяной туесок? Ручку можно из бересты приладить или -ременную перевязь. А после - спокойно идти за клюквой..."

В этот же вечер и поступил к Жене в "ученики". Простое дело вроде, а сноровки требует и терпения! "Главное, - делился "ноухау" мой наставник, - стежки должны быть одинаковыми, не очень широкими, и количество их там и там совпадать должно".

На следующий день, при первой возможности, пошли мы в примеченный с воздуха березняк.

После ходьбы по мшистому, в корягах, темному кедрачу в березняке показалось нам так светло, будто в девичьей светелке! - хотя солнце было закрыто белесой мглой. Ветер-листобой все же

поозорничал: кроны берез сквозили, а земля была сплошь укрыта листьями, - они-то, словно снег, отражали свет и создавали этот потрясающий, благостный эффект. Да и удивительно белые, без темных наростов и мха, стволы берез способствовали этому.

Воздух был терпкий, с винным запахом опавшей листвы и тонким, едва уловимым, березовым духом, и дышалось глубоко и легко, как в детстве. "Люблю я пышное природы увяданье..." В раннем детстве, в осеннем лесу, не зная еще этих чудесных слов поэта, испытывал я такую же щемящую грусть.

"Женя, ты где родился - в городе?"

"В городе-то в городе, но близко к земле..." - ответил Женя.

Родился Евгений Юрьевич Чернов, начальник партии геологического анализа АО "Мегионнефтегазгеология", 21 июля 1960 года, в среду вечером, в городе Бугульме, в семье электрика Юрия Владимировича 29-го года рождения и Антонины Андреевны (младше мужа на 3 года), в собственном доме с огородом, садом и палисадником (общая площадь поместья около девяти соток).

Вишня и тополь росли перед домом, в палисаднике, а черемуха, рябина, ранетки - в саду-огороде, с малиной-смородиной, капустой-картошкой, томатами-огурцами и прочими дарами щедрой земли.

Дом стоял первым от электроподстанции, где работал отец. Он часто бывал в командировках, мотался по всей Татарии: участвовал в электрификации деревень в глубинке, а их было еще ое-ей! Отец рассказывал, что принимали их в деревнях от души - как до войны шоферов или летчиков! А ведь 50-60-е годы... Впрочем, страна развивалась, строилась. Ведь и они еще недавно жили в бараке - старшая сестра в нем родилась. Это уж Женя родился в построенном отцовскими руками доме, в котором свет, вода и газ.

Весело, радостно, беззавидно, - потому-то и счастливо! - жилось Жене в родительском доме, на зеленой окраинной улице провинциального города. Играл в уличные игры с соседскими ребятами, дружил с ними верно, необидчиво: если случалось, и получал "по кумполу" до крови, терпел. Сызмала так получи-

лось, что друзья старше Жени на два-три года. В этом были свои радости и обиды: друзья в школу - он дома, с бабушкой Зоей Ивановной - "бабой Зоей". Случалось, что, как Филиппок, за ними в школу таскался, в класс заглядывал, слушал объяснения учителя. Друзья уроки учат, он - с ними. Читать-писать-считать так вот и научился незаметно от старших товарищей. Ничего не понимал, вспоминает сейчас со смехом, но - страсть как любил читать газеты...

В школу пошел с желанием. Первая учительница - Ольга Семеновна - вспоминается с благоговением: пожилая, строгая, возвышенная, казалось, из другой породы людей, другого измерения, без плотских свойств и потребностей. Школа начальная, маленькая, была рядышком... В первых классах, как звонок прозвенит, - встал и пошел. Ребята: а ранец? Потом надоело им: дойдут до поворота и только тогда подскажут: а теперь - за ранцем! Если бы портфель, руки запомнили бы: чего-то не хватает, спохватились бы. Со временем и к ранцу привык.

В "большой" школе вообще дни катились весело, интересно, насыщенно: уроки, спортзал, школьные вечера - собственный ВИА организовали! - на танцы к ним из "города" приходили. Успехом пользовался дуэт, в котором Женя был вторым: друг играл на гитаре и "вел", друг был верный: когда захотели их разделить, сказал: или поем вместе, или вообще - "пас!" Выступали даже в клубе пригородного сельхозкомплекса. Однажды они выступили там с песенкой "про первое чувство", - так местные девчонки всю клумбу перед ДК оборвали и закидали их цветами...

..."Ах, какие милые мальчики жили в провинциальных городках прежде!" - воскликнет сентиментальный читатель. Соглашаясь с ним во многом, я все же чуть разочарую его.

В школе, в которой учился Женя Чернов, была такая "рыцарская" традиция. На стадионе, что возле школы, по весне, когда подсыхают, струисто паря, первые проталины в заустенье, когда вдруг, само собой, всех одновременно, как в августе - что пора запускать змея, - осеняло: пора - класс на класс! - начинать "ры-

царский" турнир. И хоть "малявки" таинственно перешептывались: "Драка будет! Такой-то класс с таким...", - это скорее был турнир, чем драка: "судьи проверят", чтоб у сражающихся не было ни палок, ни камней, дадут "старт", а потом, через условленное время, и остановят сражение... Эти "драки", на мой взгляд, - естественные рудименты давних кулачных боев, когда хаживали, стенкой на стенку, улица на улицу, слобода на слободу, спуская избыточный молодецкий задор (не то что теперь в подворотне, - трое на одного!).

После школы, по стопам друга - в летное училище, на летчика-истребителя! Экзамены сдал, а по "профгруппе", то есть по здоровью - только на штурмана предлагают. Нет, не пойдет. Лучше по второму варианту: в Казанский университет, на геолого-разведочный факультет (в 9-м еще классе начитался про геологов, запало в душу). И не зря! Одно только посвящение в студенты чего стоило, церемония запомнилась на всю жизнь: клятва, посвящение потомкам, соревнования, хохмы... Весело, озорно!

Потом учеба, практики... Одну проходил на Ямале... Последнюю - в Нижневартовске, в Бугульминском УБР. Отец на Север уехал прежде, когда Женя учился. Сын тоже решил: "Поеду на Север!" И распределился в "Мегионнефтегазгеологию", где и работает с 83-го года...

Когда я пошел к нему в "ученики" по берестяному делу, он уже был "на выходе" из молодых специалистов.

Время от времени мы с ним встречались на буровых и в конторе, здоровались и разговаривали, мне казалось, с взаимной приятностью, - и по службе, и "за жизнь". К тому же, он дружил с моими молодыми технологами, жившими вместе с ним в общежитии, и часто заходил в отдел пообщаться.

Потом, с некоторых пор, он исчез из моего поля зрения. Мало ли, думаю, в отпуске за пару лет или на курсах... И вдруг узнаю: Женя работает в МЖК! В молодежном жилищном кооперативе! Вот это финт...

Где-то через полгода, не раньше, сталкиваемся на улице. "Сколько лет, сколько зим!" Поговорили о том, о сем: "Каменщик, каменщик в фартуке белом...? Или - как у Солженицына: "Раствору! - орет Шухов. - Да-е-мо! - Павло кричит"? Или - как у Райкина: "Кирпич - бар, раствор - йок"? "Скорей как у Райкина, - смеется Женя, - но потихоньку строимся. Да, да! - уверяет меня, - хотите, покажу трудовую? Каменщик второго разряда! Три дня стажировки, мастеров в руки и - внутренние переборки только так кладем!" "Теперь понятно, - подначиваю, - почему при ремонте обои приходится резать наискосок". "То - не наша работа! - отшучивается Женя. - Для себя строим: если что и не так, обижаться не на кого..."

"И все же, - уже серьезно любопытничаю, - что тебя, Женя, сподвигло на такой неординарный шаг? Ведь в профессиональном плане - перерывы нежелательны. А у тебя - это как в армию: годом отлучки вряд ли обойдешься..." "Жилье надо, - так же серьезно отвечает Женя. - Сколько ребят молодых уехало из-за хаты? А ведь они сколько ходили - просили! А я просить не люблю и не умею. Да и не хочу! Так что я, наоборот, профессионально выиграю: получу квартиру и буду здесь жить и работать, а не искать нового места - где квартиру дадут..."

"Сколько же лет прошло?" - прикидываю я про себя.

"Шесть лет..." - телепатически прочтя мои мысли, подсказывает Женя.

Мы сидим в уютной гостиной трехкомнатной квартиры Черновых вдвоем: Ольга, супруга Жени, деликатно оставила нас одних. "Мою - в МЖК и Ольгину - в деревяшке, обменяли на эту", - снова, предвосхищая вопрос, пояснил Женя. "Может, покурим? - предложил он. - Только В.Н., я на кухне курю: у меня там вытяжной вентилятор..."

"Заодно уж и похвастаюсь. Все, - показывает он на подвесные шкафы, столы, стойки, мойки, - сам соорудил!" "Ничего себе! - ахаю я. - Да импортному ж гарнитуру не уступит!" "Импортно-

му не импортному, - скромничает Женя, - но жена претензий не имеет больше. Ладно уж... Тогда - идемте, - еще покажу..." Коридорная стенка... Супружеская кровать... Антресоли... А кладовка с инструментами как оборудована! Все, кроме набора мебели в гостиной, сделал сам. "Ну и Же-еня... А я думал - ты только по бересте... И откуда у тебя это только взялось!" - я почти подавлен.

"От предков, видимо, от кого еще? - Женя, кстати, и про сигарету забыл. - Секретов тут никаких: терпенье и выдержка... и, может быть, чуть - сноровка. У меня прадед по матери до революции мельницу имел: ее у него "экспроприировали". Только во время нэпа на ноги встал - раскулачили! Так он после этого - не что-нибудь - Магнитку строил! Мать моя, кстати, там и родилась - на Магнитке..."

Разговор прервался телефонным звонком: по Жениным репликам понял, что речь шла о хоккее.

"Сын играет или сам?"

"Сам балуюсь иногда, - как бы нехотя, стеснительно, отзывается Женя. - Со школы привычка. - И, оживляясь, отрывисто, по-комментаторски, говорит: - Собственно, не в школе. С улицы. Была у нас сборная. Уличная команда. В городских турнирах участвовали. ТатНИИ там. Заводы... Юношеские команды имели. Все у них чин чинарем: тренеры, клюшки, коньки... форма... Мы - кто во что горазд. Ну и... Мы - в городских соревнованиях выше третьего места не занимали... Но зато... Приз "За выносливость" - всегда был наш: без замены все три периода одной пятеркой играли, а у всех команд - три... Вот и сейчас договорились: когда сыграем. На корте. За объединением... Приходите как-нибудь "поболеть..."

...Женя-Женя! Тридцать лет и три года "отыграл" я за геологическую "команду" и "болею" сейчас за нее.

И в прежние-то времена "играли" мы в неполном составе, кто во что горазд экипированные, на одном энтузиазме, надрывая свою "дыхалку", добывая "очки" организаторам, а потом нас,

потерявших здоровье, без "спасибо" даже, отправляли не на скамейку "запасных", а - на "мыло", на "волю!"

А ныне, стараниями Правительства, геология низведена до уровня поистине дворовой, уличной команды: ни "коньков" добрых, ни "клюшек", ни экипировки; хочешь, мол, "играть" на геологическом "корте" - и и "играй" за свой "кошт"...

Хочется верить, что пока жени черновы, без расчета на какой-либо приз, еще ведут "игру", спохватится и "генеральный спонсор" - Федеральное Правительство, и "уличные" спонсоры, - на кого они, собственно, и "играют"...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

В Уфу приехали мы летом 50-го года и поселились на взгорье, недалеко от истока центральной улицы Сталина. Внизу - по оврагу, мимо Сергиевской церкви, и влево, вдоль железнодорожной двухпутки, - была остановка пригородных поездов Правая Белая, в обиходе - Правобелая. По утрам из зеленых, закопченных, скрипучих вагонов вываливала шумная, пестрая толпа башкирок с разнокали-

берными бидонами, с кузовами из вязового и липового луба, берестяными туесами: они везли молоко, знаменитый башкирский катык, не менее знаменитый мед, сметану, творог, крут... Одни шли на небольшой базар, чуть повыше, за мощенным булыжником взвозом, другие поднимались в гору по склонам оврагов - к своим постоянным покупателям. У матери тоже были знакомые башкирки, постоянно приносившие катык, специально заквашенное кислое молоко, и, по мере возможности наших финансов, сметану, творог и мед. Были они в основном из-под Чишмов, но наезжали и более дальние. Если "наша" не могла приехать, то, хоть меньше обычного, приносила катык ее "товарка". Деньги иной раз давались вперед, но бывало, что "товар" поставлялся в кредит.

Продолжалось это года до 56-57, до пика целинного бума, - когда были распаханы общинные выпасы по самую деревенскую околицу и кормить скотину стало нечем, и она пошла под нож. И когда через двенадцать лет, по случаю холеры на юге, я с семьей был в деревне у родителей друга, мне с трудом приходилось доставать молоко и яйца даже для ребенка! Коровы были зарезаны

или сданы в колхозное - общественное! - стадо. И я, помню, при первой же возможности улетел в Уфу: хоть порошковое, но молоко было.

И вот в Мегионе, с осени прошлого года, как в старые добрые времена, молоко мне приносят домой. Поистине: "все возвращается на круги своя"!

Поставляет молоко в несколько квартир нашего подъезда и еще в несколько "точек", в любую погоду, мужчина с обветренным лицом и шкиперской каштановой бородкой Геннадий Николаевич Пищальников.

Фамилией своей Геннадий Николаевич гордится: старинная фамилия! Произошла от "пищали" - старинного огнестрельного оружия: оружия "огненного боя" времен Ермака. Тем не менее, со слов бабушки, хорошо знавшей родословную, шесть поколений Пищальниковых занимались мирным трудом - крестьянствовали, под ружье вставали только в годы "горестей народных". Так, дед, Дмитрий Васильевич, воевал с 14-го года с немцами, потом с белогвардейцами и белополяками в составе Первой Конной Буденного и дожил до Победы в ВОВ; дед был путевым мужиком и тружеником, несмотря на тяжелое ранение, полученное в результате сабельного удара по голове. Отец, Николай Дмитриевич, с 39-го по 45-й год был на двух войнах, тоже бывал ранен, за воинские труды имел семь наград; оставляли его "в офицерах" дальше служить, не согласился: приехал в родную деревеньку Ежи, недалеко от Перми, по дороге на курорт Усть-Качка, в полчасе ходьбы от Камы-реки. И занялся более привычным делом: крестьянским.

Деревенька Ежи небольшая: с полсотни дворов. Совхоз, в котором трудились ее жители, занимался животноводством, овощеводством, сеялись и зерновые культуры, короче, был многопрофильным. Николай Дмитриевич закончил сельхозтехникум, но работал в основном машинистом-механиком. Жена, Нина Семеновна, работала свиноводом. Домашнее хозяйство вела его мать, Екатерина Егоровна, для внуков - бабка Катерина. А хозяйство было большое на широком дворе Пищальниковых или, как было принято в деревне, по деду: Митиных. (Генка - чей? - Митин! То

есть деда Дмитрия Пищальникова). Под одной крышей - летний и зимний дом. Амбар. Коровник. Сеновал. Баня. Колодец. Скотины держали разрешенное законом количество: корову, подтелка, овечек, поросят, гусей, кур... Семья тружеников! Любителям понежиться содержать такое хозяйство - несбыточно! Если не продадут, то постройки обветшают, а скотина падет.

Геннадий Николаевич родился в 40-м году, когда отец еще был на Финской. У него - два брата и две сестры. Из братьев он средний. Младший брат сейчас в Ноябрьске, старший - в Закамске, сестры: одна - в Перми, другая - в селе Култаево, недалеко от Ежей, а на родине, в Ежах, никого родных.

Детство - обычное, деревенское. Посильная работа по дому: и с охотой, и через "не хочу"; грибы, ягоды, рыбалка... В гости, в соседнюю деревеньку, рядышком - полторы версты, к родителям матери - деду Семену, бабке Устинье... А позже - в среднюю школу, в Нижние Муллы, за два километра (недалеко вроде, а за десять лет - поболее десяти тысяч кмэ! А шагомер показал бы астрономическую цифру в двадцать-тридцать млн!).

Школу Геннадий закончил в 57-м году, и в том же году умер отец: сказались все же фронтовые раны. Учился Геннадий хорошо, поступил даже в политех, но по сложившимся обстоятельствам не закончил его - стал работать. Освоил несколько специальностей, учился на разных курсах по механической части, получал соответствующие "корочки". Был низовым "бугром": звеньевым, бригадиром. Научился понимать и контачить с "работягой" и начальством. Работал в различных организациях, зачастую на отдаленных объектах, типа строительства дорог в области, или даже, как в тресте "Уралэлектросетьстрой", с выездом на Север, в частности, на строительство ЛЭП Тюмень - Сургут.

Из последней командировки в Нижневартовск домой, в Пермь, Геннадий Николаевич не вернулся: остался на Севере.

Жену свою он знал с детства: она жила в Перми, а все каникулы проводила в деревне у родственников. После женитьбы жили они у тещи. Желание выйти из-под ее опеки и понудило его остаться на Севере. Но жена, не без влияния матери, категорически

отказалась ехать к нему. Нашла коса на камень: возвращаться - он не захотел! Переехал в Мегион, работал в Мегионской нефте-разведке, потом перешел к нефтяникам. У геологов готовил площадки под разведочные буровые на Ай-Егане, Ван-Егане и других площадях, у нефтяников - площадки под инженерное обустройство месторождений. В Мегионе женился вторично.

А когда пошло дачное поветрие, не удержался и он: взял участок тоже. И хоть неудобье попало ему, общение с землей разбудило в нем заложенную поколениями предков истинную натуру - натуру крестьянина, хлебопашца, животновода, хозяина земли и подворья!

Он устроился в сторожа базы отдыха и занялся приращиванием своего хозяйства: построил немудреное жилье, хлев и прочие хозяйственные постройки и, самое главное, прирастил за счет отсыпки болота свои владения. Вот когда понадобились ему организаторские способности и способность находить контакты! Только благодаря этому получилось "дешево и сердито": выполненный объем работ сопоставим с основанием под хороший куст за несопоставимые капиталовложения! "Инвестиции" были вложены весьма эффективно. И, надо заметить, все - на свои "кровные", без рубля коммерческих и государственных кредитов.

Зато ему сейчас не то, что отдохнуть, пяток минут потрепаться, перекурить некогда (потому и не курит!). Банку трехлитровую полную всклень - тебе, пустую - в свой сидор и: "Побежал, Николаич, неколи! Право, неколи! Теленка колю - парную телятинку будешь брать? Вечером привезу - соседям предложу. Недорого..." "Вези! - говорю, - вези. Возьмем: парной-то - че не взять!" По пути не перехватил бы кто, как бывает, молоко перебивают: вкусное!

ЧУВСТВО УРОВНЯ, или БУЛЬДОЗЕРИСТ - СЫН БУЛЬДОЗЕРИСТА

На строительстве подъезда к кусту № 74 планировкой зем-полотна занимается бульдозерист Мухадаев Андрей Анатольевич. Едва поздоровавшись, он обратился к начальнику участка Швецову с претензией: "Владимир Николаевич, когда за вредность платить будете? Задолбали!"

"Дежурная шутка! - пояснил мне старший прораб участка Федоров. - Видите, машинист развернул отвал, перегородил ту сторону полотна, куда не надо сыпать, а водители самосвалов, как нарочно, умудряются разгрузиться где попало. Не специально - по неопытности. Вот бульдозеристы и возникают. Шутят-то шутя, но дело до разборок с параллельной фирмой доходит... Куда деваться: и у нас не все - асы".

Пока начальство прикидывало выполненный объем, проверяло качество работы, я забрался в кабину бульдозера - пообщаться с Андреем Анатольевичем.

Я знал, что его отец, мой одноклассник, не так давно скончался от инфаркта. На мою просьбу сын сообщил следующее: родился отец в селе Кинель-Черкасск Самарской области, в 37 году. Позже перебрался в Отрадное: там работал шофером, механиком. В Отрадном же родился и он, Андрей, 16 февраля 68-го года, и старшая сестра. Мать, Надежда Васильевна, в девичестве Кудреева, из тех же краев, на год младше отца, живет в Мегионе.

Когда Андрею было три года, отец уехал на Север на заработки, как и многие другие. Через год, как получил жилье, привез и семью. Андрей помнит (было ему четыре годика), как по поселку СУ-920 и Мегиону ходили они "по досочкам": грязь была непролазная.

В садик его не водили: мать приглядывала или наезжавшая в "ссылку" бабушка. Отец работал бульдозеристом в СУ-920 с 72-го года, мать - кочегаром в МУБРе. Как и большинство поселко-

вых, ходил Андрей во вторую школу (сейчас ее снесли, а участок застроили). Учиться Андрею не нравилось.

"Ни фа себе! - удивился я. - А что ж тебе нравилось?"

Ответ его, признаюсь, шокировал меня. "Гулять нравилось! Драться!" Я внимательнее пригляделся к нему: удлинненное лицо, разлет бровей, улыбка... Кого-то напоминает. Да Харатьяна же! "Юный гардемарин! На зубах коронки: не результат ли опасного хобби"?"

"А что ж тебя привлекало в драке? Ну я понимаю - когда по необходимости..."

"Независимость привлекала! Когда тебя бояться - свободно чувствуешь себя, хорошо!"

"Дрались-то хоть честно?"

"Старались... Но когда вдвоем против пятерых - тут не до правил".

"А как сейчас?"

"Сейчас я - самый спокойный, самый мирный в Мегионе. Не пацан уж!"

"Ну ладно, "гардемарин": бульдозеристом-то как стал? Отец натаскал?"

"Не без этого. Но прежде кончил школу, поработал слесарем в нашем РММ, два года в Армии отслужил... В инженерно-строительных войсках. Вернулся в СУ-920, поработал стропалем. И только в 91-м году обучился и получил "корочки" бульдозериста.

В 92-м году женился, в том же году дочка родилась: сейчас ей уже шестой год. В садик, как и я, не ходит: когда с мамкой, когда с бабушкой. Уже мать помощница: посуду помыть, пол подмести - со всем удовольствием. В крови это у нее или мать приучила, но - с радостью делает!

Я вот тоже: не получалось бы, давно бы с бульдозера ушел. Но, видно, тоже папкины гены передались! Все говорят, да оно так и есть на самом деле: бульдозерист или есть, или его нет, сколько не натаскивай!

В "компьютере" своем нужно иметь чувство уровня или уклона! - Андрей Анатольевич легко коснулся лба. - Ну и чтоб машину... Он похлопал по приборному щитку, - своего кормильца, как себя, чувствовал. Вот оно: хобби и стихия..."

"А подраться? "Паровоз" потолкать?.. С кедром пободаться?.."

"Не-ет... Не тянет. Спортзал работал - на классическую борьбу ходил. Нет, не для соревнований: для себя. Для душеуспокоения..."

"С напарником работаете?"

"Да. Нормальный напарник. Доверяем друг другу и еще ни разу не подводили. За местными такого греха не водится. У вахтовиков - бывает, а у нас - нет. И вообще на участке отношения у всех доверительные: без этого нельзя. Начальство, видим, само крутится и нам спать не дает. Потому и не обижаемся: так должно!"

Пока мы разговаривали, разгрузились в нужном месте с полдюжины угловатых КраЗов, создав для бульдозера, таким образом, фронт работ, и по деликатным взглядам на гребень выросших холмов своего визави я понял, что пора "закругляться". И я задал Андрею Анатольевичу Мухадаеву, бульдозеристу - сыну бульдозериста, последний вопрос: "Дочери братика "покупать" не собираетесь? Чтоб нарождающуюся династию не прерывать!"

"Сложный вопрос! - серьезно сказал Андрей. - Даже болезненный! Надо бы - да объективные обстоятельства мешают. Первое - жилье! Живем в семейном общежитии, а перспективы - никакой. И второе - заработки! На сегодняшние - едва-едва выкручиваемся..."

Вот на такой минорной ноте закончился шутливо начатый разговор.

Но свой материал о "бульдозеристе - сыне бульдозериста" я хочу закончить шутливыми и оптимистическими словами, которые я написал еще 15.10.95 г., т.е. почти за четыре месяца до встречи с бывшим "сорванцом" и драчуном Андреем; нынешний - "мир-

ный"! - Андрей Анатольевич примет в свой адрес только то, что ему подходит:

"Я живу в Мегионском Посаде,
возле леса, на самом конце.

"Сорванцом" меня звали в детсаде,

"сорванец" - и сейчас на лице.

Но! есть одна городская девчонка,
говорит она о другом:

что - натурою я очень тонок

и - что скоро я буду отцом...

Хоть за это сейчас не "посадют",

Но ведь так разволнуется мать,

что придется остаться в Посаде:

к Невмержицкому брусья "пилять..."

Ну и пусть! "Напиляем" мы брусьев -
свой - чуть дальше - построим Посад.

"Сорванцы" станут взрослою Русью

и детей своих с радостной грустью

поведут в ставший тесным детсад..."

Так что: "Надо, Андрюша, надо! И чтоб династия не прервалась.

И чтоб Русь не обезлюдела..."

СЕРЕБРЯНЫЕ СВАДЬБЫ

Сына женили прошлой осенью Довганенки. Хлопотные были приготовления, да свадьба зато получилась хлебосольная и веселая. Гости собрались - желанные все, близкие, дорогие да и щедрые, хоть и привередливые: чуть что, им все - "горько"... Куда денешься: обычай свадебный - сладким поцелуем горечь перебивать!

РадуетсЯ Тамара Тимофеевна за сына: "Чудо-невестушка досталась сыночку - Наташенька,

краса ненаглядная... Даруй им, Господи, Любовь, Счастье да Согласие!".

Когда, как не при рождении да на свадьбе, и порадоваться отцу-матери за себя и свою кровиночку: продолжается жизненный круг, не прерывается. Радуйся, мать-свекровушка, радуйтесь и вы, теща-матушка, тесть-отец и свекор-батюшка! Радуйся, родня кровная и обретенная! Радуйтесь, друзья, поселяне и все люди добрые: жизнь коловращается! Сын - отвивочек от корня родительского, невеста - веточка другого дерева, срастутся они - и пойдут новые веточки с цветами да листочками... Не засыхает дерево жизни: растет, преображается.

Взглянула Тамара на мужа своего, Андрея, раз да другой - попристальной: "Давно ли с тобой-то вот так, в радостном безвременье сидели? Позавчера, кажись, а ведь сколько прошло - серебряная свадьба на носу..." Облачной тенью по светлой радости печаль пробежала: течет времечко, не остановишь... Что - свадьба... Девчушкой босоногой по Малой Муховке давно ли бегала?

В середине 50-х годов ощутила себя Тамара полноправной частичкой божьего мира, вмещающего в себя отцовский дом, село Малую Муховку, речку Беседь, расширяющиеся, по мере того, как

она росла, окрестности, небо - то голубое, бездонное, с жарким солнышком, то темное, мглистое, помаргивающее, то текучее и плаксивое, и самое дорогое, теплое, мягкое, сладкое, радостное: мать, отца, бабушку; братьев и сестренку - позднее, и всех людей, и всю живность ходячую и летающую. Ощутила и полюбила этот мир. И хоть не всегда мир отвечал на ее любовь и ласку взаимностью, до сих пор не потеряла Тамара Тимофеевна девчоночьего восхищения красотой и гармонией его, сочувствия, сопереживания и понимания его бед и пороков.

Как уж там у отца с матерью случилось, одному Богу ведомо, - наживши троих детей, расстались они и семьи новые завели. И у Тамары появилось еще трое, кровных только по матушке, ближайших родственников. Среди детей она была самой старшей. Тут уж хочешь не хочешь, а и против воли нянькой станешь: шестеро ниже тебя! Сопливые, плаксивые ли - но ведь такими восхищенными глазенками на тебя уставятся, так беззащитно улыбнутся беззубым ротиком, курлыкнут что-то переливчатое да и горячий цепкой лапкой в тебя заякорятся - куда уж тут денешься: нянькой станешь в ущерб своей вольности, вопреки своим слабостям, прихотям и желаниям... У бабушки Пелагеи первой помощницей была, но зато уж - и первой внучкой-любимицей!

Хоть и Малой Муховкой село называлось, в детскую пору большим казалось, да и не мало было: дворов четыреста. Места лесистые, красивые, грибные да ягодные. Вода что в родниках, что в колодцах-криницах - чистая да вкусная! И воздух свежий, неодышливый, как счастье, - незамечаемый.

Но все в пору - до поры до времени. Малым стал казаться оком в Малой Муховке и глазу, и душе, и мечтаниям юным. И уехала Тамара после восьмилетки к двоюродному деду, бабушкиному брату, в Москву. Был дед дорожником, и с его подачи поступила Тамара в Куйбышевский техникум транспортного строительства. На преддипломной практике была в Подмосковье, а направили на работу молодого техника-строителя в Тюмень, в трест "Тюменьдорстрой", в числе 22-х других выпускников; так она попала в Мегион в СУ-920. Было это в апреле 1971 года.

Строительное управление было только что создано, все начиналось практически с нуля. Вот и лаборатории, начальником

которой была назначена Тамара Тимофеевна, еще не было. Жилья тоже не было: устроилась на квартиру. Но был молодой задор, желание работать, а опыт и квартира - дело наживное!

Управление строило не только промбазу, жилье, но и прокладывало дороги. И надо было контролировать качество строительства. И он осуществлялся - необходимый контроль: лабораторное оборудование привезли из Тюмени, выделили помещение, заведующая - вот она: Тамара Тимофеевна! В течение семи лет: испытания, анализы, пробы, заключения, предписания... Выезды на трассу, работа с оборудованием, с бумагами... На трассу... В контору... И - контакты с людьми: начальники, прорабы, мастера, водители, монтажники...

Но произошла на мегионской земле еще одна встреча, неожиданная по-земному, но неизбежная: запланированная там - на небесах!

И завершилась она, мы уже знаем, чем: первой свадьбой в поселке дорожников СУ-920!

Так что в течение этих семи лет в жизни Тамары Тимофеевны было много другого и не менее интересного, чем работа! Еще бы! Дети родились: сын и дочка! Детсад-ясли открылись в поселке в самый раз: в первую группу попали! А теперь, верно, и внуки пойдут, если не загадывать, в этот же садик.

Семь лет - критический период в отношениях не только с людьми, но, видимо, и со всем остальным в мире: работой, природой... Не зря "семерка" постоянно во "языцах".

Вот и Довганенки в 77-м году, на излете сибирской семилетки, решили попытать счастья на Украине - на Черкащине... Не было б проблем с жильем, может, и остались бы там. Но проблемы были, и на следующий год вернулись они, в такое показавшееся родным вдалеке, СУ-920 и зажили в Мегионе по второму кругу: Тамара Тимофеевна стала работать в... бухгалтерии.

Начинала она бухгалтером детского сада... Потом доверили ей вести материальный стол. А еще через некоторое время главный бухгалтер Нина Ивановна Медецкая предложила ей быть своим заместителем. Это была весьма ответственная работа. Но Тамара Тимофеевна не ленилась учиться (и в школе, и в технику-

ме обучалась с удовольствием) и не стеснялась спрашивать. С благодарностью вспоминает она сейчас своих более опытных коллег, не жалевших времени и профессиональных знаний и секретов для ее становления как будущего главного бухгалтера. Помня об этом теперь, в свою очередь по-матерински хозяйственно-ласково, может быть, даже с излишней заботливостью, словно насадка свой оперившийся, с уже прорезавшимися голосами выводок, опекает Тамара Тимофеевна молодых своих коллег. И они платят ей привязанностью и самоотдачей. Это прежде в бухгалтерии легко было работать, в нынешнее же время бухгалтерия - самый трудный, самый напряженный, самый нервный участок любого предприятия: здесь средоточие интересов каждого работника, сюда происходит сброс эмоций со стороны всех, кто имеет дело с "юридическим лицом", именуемым АООТ "СУ-920": работник, работодатель, заказчик, поставщик, субподрядчик, банк и всевозможные инспекции и фонды: страховые, пенсионные, налоговые и т.д.

Может быть, не очень хорошее сравнение, но я бы сравнивал нынешние бухгалтерии (не все, разумеется, но вот эти, низовые, бухгалтерии предприятий), сравнивал бы их с госпиталями...

Только выражение глаз раненого, которому без наркоза ампутируют что-то или выбирают осколки, можно сравнивать с выражением глаз работника, пришедшего за своей зарплатой еще два месяца назад платой и которому в очередной раз говорят: "Потерпи, дорогой! Голубчик, ну потерпи..." (вспомните фильм с участием Бондарчука: хорошо, если бы все при такой операции только беззлобно ворчали).

И это при выполнении программы и сдаче запланированных объектов! - производственники, слава Богу, и руководители ищут, на конкурсной основе! - заказы и выполняют их. Бич сегодняшнего дня - неплатежи!

И хотя бухгалтерия - а под крылом у Тамары Тимофеевны семь человек - оснащена компьютерами, работы у них - сверх головы! Милые, симпатичные, обаятельные девушки и молодые женщины нередко занимаются сверхурочно, без какой-либо компенсации, за счет своего личного времени, заставляя страдать в ожидании их своих близких, родных и любимых.

Сколько денег - безналичных и наличных, родных "деревянных" и "разноцветных" - прошло мимо, сколько "камешков" и "каменных" проплыло перед глазами в музейных, магазинных витринах и на стендах, на пальцах, шеях и запястьях - ни разу не вздрогнуло сердце Тамары Тимофеевны в жаркой зависти или желания обладать ими: так воспитана! Полюбоваться драгоценностями - другое дело! К красоте сердце не глухо! И ум тоже. Вот музыка... Классика - умом более оценивается, а народная - сердцем. Цвет: бирюза нравится - в камне, а темно-вишневость - в цветке...

"После мрака слепых непогод,
Затяжных, ураганных и выюжных,
Совершается солнца восход
В облаках серебристо-жемчужных.
Серебристо-сиреневый день
Занимается над Меггионом.
По снегам переливчатым - звень
Вперекличку с серебряным звоном.
Мир вокруг и прекрасен, и нов:
Воробей соловьино затренькал!
Сколько всюду жемчужных тонов!
Перламутровых сколько оттенков!..
Бахрома, канитель, кружева...
Блеск и трепет хрустальных подвесок...
...И моя в серебре! - голова.
И лишь голос - простужено резок".

Я полагаю: закончатся также и "затяжные, слепые непогоды" базарного рынка, наступит "серебристо-сиреневый" рыночный день, и тогда работать Тамаре Тимофеевне и ее коллегам будет необременительно, и радостнее будут взгляды и улыбки их клиентов. И случится это до ее золотой свадьбы и серебряной - сына.

А пока, пользуясь случаем, поздравляю ее и супруга с серебряной свадьбой! И с другой серебряной датой: четверть века исполнилось с того дня как была она повенчана с другим женихом - Севером!

IV. Мегионские мотивы

(стихи)

*...Не кенарем, не соловьем залетным, -
обыкновенным куликом болотным, -
пристрастно Мегион я восхваляю:
я в нем живу!
И - я его люблю!*

Метаморфозы

Как быстро время годы гонит!
Бегут, как полая вода...
И вот -
я снова в Мегионе.
Душа, как прежде, молода.
Опять порывисты движенья.
Походка легкая...
И вот,
как бы в кино,
воображенье
включает вдруг обратный ход:
и все дымы -
из дальних далей
и эти,
ближних факелов,
став газом, нефтью, в пласт вбежали,
как джин:
в кувшин и -
был таков...
Деревья встали из лежневок -
осинник, ельник, кедррачи...

Но и бетонка
с тихим ревом
в карьерах грохнулась
в ночи...

Нет пленки нефти на Баграссе,
на Меге, Покуре, Оби...

Пейзаж по-своему прекрасен:
даль безмятежна,
гладь рябит...

Стоят невзрачные домишки
вдоль Меги...

Берег невысок.

А рядом - с ананасы! -
шишки

роняют кедры на песок...

Приехал в гости из Сургута
я к Зеравшану в Мегион.

Хотя как будто в институте
и не был близким другом он, -
мы обнялись с ним, словно

братья,

проговорили до утра...

Уснули на одной кровати...

Хозяйка долго нас трясла:

- Пора, соколики, на вахту!..

Гляди-ко - эо крепко спят -

хошь заводи под ухом трактор...

...Хозяйка, не буди ребят...

Как ясны были дни учебы,

и как прекрасен был процесс

познания в институте -

чтобы

контрастней подчеркнуть -

в бурцах

жизнь окунула нас с макушкой!

На каждом слышится шагу:

- Кто будет это делать?

Пушкин?

- А ну, давай - без "не могу"!..

Так до отказа был напичкан

год ежедневной

новизной,

что он казался

необычной

и затянувшейся весной!

Еще бы! -

нынче знают в мире:

ведут потомки Ермака

ВГЛУБЬ

покорение Сибири

от Меги

до Усть-Балыка!..

А время годы - гонит, гонит...

Бегут, как полая вода...

И вот я снова с Мегионе:

А верно ли я шел сюда?..

Рассудок упокоить можно

расчетом, логикой...

А как

быть с сердцем?

На сердце тревожно:

вдруг что-то делали не так?

Но жизнь прокручивая снова,

я отвечаю на вопрос:

у жизни честная основа,

была она у нас сурова,

терзал нас гнус,

и жег мороз.

И по заслугам, в общем,

слава

своим любимцам воздала -

не всем по силам
были лавры, -
избыток, он ведь,
как отравы,
а недостаток,
как хула...

И все же - годы, годы, годы! -
прикрас не нужно вам сейчас...

Прошу -
прощенья у природы,
у вас, леса, ручьи, у вас...

Винюсь,
как самый окаянный...
и горько мне вдвойне,
до слез,
что рядом
вместо покаянья
идет сеанс метаморфоз...

То ли день, то ли ночь...

Сладкий - багульника, терпкий - черемухи -
запах.

Глыбь или высь - мне уже ничего не понять.

Я заблудилась совсем: где - восток, а где -
запад?

Белая ночь это или затмение дня?

То ли день, то ли ночь, то ли затмение?

Моя лодка плывет по течению.

Вниз по Меге плывет моя лодочка,
а напротив меня - мегионочка!

Я - мегионец. И этим все сказано, братцы.

И мегионцы - друзья все мои и родня.

Я - мегионец, и должен вам честно признаться,
что в МЕГИОНКУ влюбился без памяти я...

То ли день? то ли ночь? то ль затмение?

Моя лодка плывет по течению.

Вниз по Меге плывет моя лодочка.

А напротив меня - мегионочка...

Звезда над Мегуоном

В небе ранняя луна.
Город в серебро закован.
И серебряной подковой
Мега из окна видна...

Милая моя жена,
скоро век настанет новый!
С Рождеством тебя Христовым!
Да пребудет жизнь полна
чистой верой и любовью:
поднялась от изголовья
Вифлеемская звезда!

И, как северным сияньем,
осиянны россияне,
пажити и города...

Притяжение

В север влюбились с тобою мы с первого взгляда
и до сих пор притяженья его не смогли превозмочь.
Но ничего мне, признаюсь, не надо
кроме того, чтобы ты была рядом,
и -чтобы тихо кружилась над нами

лебедью

белая ночь...

Скушно бывало в пургу и в глухое ненастье -
так, что хотелось все бросить и с севера - прочь!
Но над собою уже не имели мы власти
и, подчиняясь таинственной страсти,
ждем не дождемся: когда же закружит

лебедью

белая ночь...

Ты не жалея, что на севере корни пустили:
в теплых краях показалось и детям невмочь.
Ну, улыбайся, родная, хорош, погрустили!
Глянь: женихи твою дочь обступили...

Кружится в вальсе... Пусть кружится в вальсе -

лебедью! -

милая дочь

В белую... в белую ночь...

Мегиночка

Ты, моя хорошая, хитра!

У тебя походка - "от бедра"!

Ты с утра до вечера бодра!

Ох, как мне нравится

твоя походочка!

А для тебя - игра.

Или вдруг замрешь ты на крыльце...

У тебя смущенье на лице:

будто под фатою, при венце...

Ох, как мне нравится

твое смущение...

А для тебя - концерт!

Я - чего! - хочу тебе сказать:

перестанешь ты меня терзать?!

Гляну вот сейчас тебе в глаза...

Ох, как мне нравятся

твои глаза...

твои глаза...

Приглашение

Предновогоднее

(шутливое)

Над Мегионом полная луна -
оранжевым заморским апельсином.
Ешь - не хочу! Бесплатная она,
как запахи пока что в магазинах.
Спешите все! Луна еще пока
на распродаже не повисла лотом
(а то валютой после "молотка"
платить придется бедным луноглотам)!

Спешите же - пока плывет луна
над Мегионом кругом дискотечным!
...снежинка тают на лице у нас,
и жизнь идет не так уж быстротечно!

Медитация

Морозный смог висит над Мегионом -
как вестник черных -
сатанинских! - зим...

...давайте-ка, припомним время ОНО,
а не припомним - так вообразим! -
и первозданной свежестью пахнет
от снега - яблоком, от дождика -

озоном;
тайга свои объятья
распахнет
и примет нас в себя - с любовным
стоном...

И станет мир в душе равновелик!
И брызнет синь
сквозь изумрудность кроны...

И голос - Свыше - тихо повелит:
"Изыйди, Сатана, из Мегиона".

На рыбалке

Тишина морочная над сором.

В мегиионском небе дымный смог.

Посижу еще под косогором:

погляжу на сонный поплавок.

Разведу у самого уреза

светлый костерок из сушняка.

На душе обидчивой порезы,

может, зарубцуются слегка.

Заменю наживку и закину

снасть подальше так, что чмокнет груз...

Подложу трескучую осину

в свой костер,

а вместе с нею - грусть...

А когда осина разгорится,

искры в синий сумрак полетят, -

может, и тебе вдруг загрустится,

если ты на Мегу бросишь взгляд...

Тишина морочная над сором.

Затопил закат лиловый смог.

Выхожу я в город косогором...

...ты летишь навстречу со всех ног!

Мегионское танго

Мегинское танго -

грусть февральской пурги.

Мегионское танго -

радость майской тайги, -

В его музыке - тайна,

тайна белых ночей.

Мегионское танго -

дрожь руки на плече.

Мегионское танго -

нашей юности сны.

В его музыке тайна,

тайна новой весны.

Мегионское танго -

половодье Оби.

Мегионское танго -

танго нашей любви.

Сонет о вас

Хоть мы уже давненько с Вами
не говорили тэт-а-тэт, -
Ваш, столь изящный, силуэт
так и стоит перед глазами.

Что я был очарован Вами,
в том удивительного нет.
Вы говорили не словами:
собой Вы заслонили свет -
и силуэт Ваш мне невольно
пришлось подробно изучать.
В нем было столько линий сольных
обворожительно-бемольных,
что весь Ваш облик стал звучать,
как музыка, любви под стать!

Непогода

Так и не было бабьего лета:
хмарь и сырость...

И только сейчас,
изредка, на Арину, просветы -
голубые, - как проблески глаз, -
сквозь мережу ресниц насурьмленных,
да закат,
как румянец щеки,
полахнет - словно выдаст влюбленных,
и опять
забусеют
деньки...

* * *

Пусть морозы суровы, как прежде,
и от ветра сочится слеза,
нынче день, словно первый
подснежник
распахнул голубые глаза...

Стали синими черные ели,
и в рассыпчатом звонком снегу,
как в волшебной жемчужной купели -
окунаемся мы на бегу...

А замрешь - и такое безмолвие
в сине-розовом и голубом!
Разноцветные микромолнии!
Замирающий микрогром!

Предвесенье

Этим розовым утром я совсем заморожен.
И, вбирая зарю, сердце громко стучит.
Безотрывно люблюсь, как из облачных ножен
золотой богатырь мечет книзу лучи.

Солнце стрелы вонзает и в кедровые гривы,
и в глубины озер, и в вихры тальника.
И снега обращаются в звон гомонливый,
обряжая тайгу в навесные шелка.

В отворившемся небе - снова краски апреля.
Окунают ветра в них мохнатую кисть.
Оживают все чувства, что зимою лишь тлели.
Вот за это за все и мила наша жизнь!

Над Мегионом

Улетаю я на вахту... Вертолет
с разворотом по-над городом плывет.
Одним взглядом я окинул город весь:
здесь судьба моя и семья моя - здесь.

Я доволен: мне по силам жребий дан -
открывать пути в подземный океан.
Буровая стала домом мне вторым.
Только жаль, что Самотлор неповторим.

Вот уж вахта снова кончилась моя.
До свиданья, буровицкая семья".
Повезло мне: нынче ясен небосклон -
издалека в дымке виден Мегион...

Мегион, Мегион...

Я в тебя, как в родину, влюблен!
Но особенно мне дорог во-он тот дом,
где шумят березки под окном,
где живет моя семья,
где на смену подрастают сыновья...

* * *

На фронте мы не воевали, -
хлебнули горя мы в тылу:
картошку мерзлую едали,
кору, крапиву, дикий лук.
На воле жили - как в неволе;
к тому ж - беспаспортные сплошь!
И на себе пахали поле.
И высевали в поле рожь.
И от станков не отходили,
тянули жилы, как струну...

...Но Боже! Как же мы любили
свою страну... СВОЮ СТРАНУ!
СВОЮ - от ночи до рассвета,
в снегах, в слезах - СВОЮ!
Не "эту"!

Реликты

Весенний кедр метелки распушил -
как будто вместе с глухарем токует!

Какие он морозы пережил!
Недавно бурю выдержал такую!

И он теперь ликует - как глухарь,
ввысь тянется, смолой изнемогая...
Но, изрыгая сизый дым и гарь,
свой ток творила рядом жизнь - другая!

И ТОЗовки отрывистый хлопок
заглушен был одышкою железа.

Глухарь свалился прямо на капот
бульдозера - тот

кедру

горло

резал...

Девушки из нефтеразведки

Были первые ночи здесь длинные,
были первые дни здесь короткие...
Нам казалось: вы очень наивные,
нам казалось: вы слабые, кроткие.
Мы язвили над вами в компании:
"Обморозите крылышки газовые.
Упорхнули бы сразу к мамочке..."
Вы смеялись, слез не показывая...
Вы вчера еще - дочки мамины.
А теперь для вас юрты Лямины
стали домом, семьей нефтяников,
вас не выманишь с Севера пряником!
Ах, девчонки, сибирские неженки,
прижились вы, словно... подснежники!

Где-то в топких болотах
база партии вашей.

К вам зимою приходит
один самолет.

Иногда на прощанье
крылами помашет
вам знакомый немного
веселый пилот.

Писем не было снова.

Виновата ли почта
что любимый не пишет,
наверное, год?

Может, вы сообщили
ему адрес неточно,
может, следующим рейсом
писем десять пришлет?

Вы сегодня устали.

В глазах изогипсы
мельтешат. Ну а мысли,
конечно, о нем.

Вы опять в полумраке
танцуете "липси"
и смеетесь,
острите
с подружкой
вдвоем...

Храм

I

Там, где вод и леса панорама
уходила прямо в высоту,
у полуразрушенного храма
постигал я сердцем Красоту.

Плесы, словно ризы, золотели,
воздух пахнул райскою травой.
Кажется, что ангелы летели
у меня над самой головой.

II

Благословит Господь на праведное дело -
и вновь из праха возродится Храм.
Достичь единства и души, и тела
своею волею Бог да поможет нам!

Балок

А.А.Б.

Помнишь, с вахты приходили
мы, продрогшие, в балок
и соляркой разводили
в камелечке огонек?
Помнишь, в спальники забравшись,
после ужина с тобой
спорили про будни наши
и мечты наперебой?
Но на том всегда сходились,
если честно говорить:
мы в таких балках учились
и работать, и дружить.
Это праведные мысли!
Этот снег и вой ветров...
Мы с тобой сегодня вышли
на проспекты городов,
тех, что выросли за нами,
где теряем мы друзей...
А балок сдадим на память
в краеведческий музей.
И придумаем, товарищ,
песню мы про свой балок
вроде песни про фонарик
иль солдатский котелок.

В отпуске

Редает леса шевелюра -
пятно сорочьего гнезда
вдруг проступило утром хмурым.
Слышнее стали поезда.

И если дождь, то мелкосеем...
И словно на душе скребет...

...Пора, мой друг, пора на Север
начать осенний перелет -
туда,
где свой
я начал профиль
и буду "гнать" уж
до конца,
и где бесхитростные строфы
находят отзвуки
в сердцах...

* * *

Уходит геолог на пенсию...

Хоть трудно поверить,

но - факт:

его лебединую песню

прервал прямо в "поле"

инфаркт.

Что ж,

дети давно уж пристроены,

Жаль, виделись лишь в отпусках...

Квартира еще не достроена,

но сделан уж взнос в ЖСК.

Работай по силе-возможности,

и - внуков пора поднимать...

Проста диалектика сложности:

знать время долги отдавать...

Уходит геолог на пенсию...

А много ль прошло-то с тех пор,

когда свою трудную песню

с ним вместе запел

Самотлор...

Буровик

В моей работе что-то есть
от снайпера и от сапера:
терпенье - это до упора;
везенье - нужно приобрести
упорством, а не разговором;
сомнения - проверь и взвесь;
злость - на расхлябанность и спесь;
страх - невозможности повтора
всего, что было, будет, есть;
надежда - что еще не скоро...
Любовь - она всему опора.
Работу завершает честь.
В моей работе есть все это.
И... вдохновение поэта.

На фонтане

Рожденный ленью и беспечностью,
фонтан злорадно клокотал.
Здесь миг порой казался вечностью,
и день мгновенно пролетал.
Кипела бурно пульпа в кратере.
Росли - с Исаакий! - купола...
Тогда подземные ораторы
орали: "Джинам - исполать!!!"
Гигантским красным гладиолусом
фонтан почти касался звезд.
Под каской шевелились волосы,
и по спине ходил мороз.
Весна в тайге со всхлипом плакала:
поникли хвоя и трава...
С былинки нефть на землю капала...
Трудились мы при свете факела,
роняя бранные слова.

"Колесный" романс

Может, милая, хватит?
Ну чего ты - в халате?
Ты надень лучше платье,
то: с каймой голубой.
Что ты, милая, плачешь?
Мне ж "колесные" платят
за разлуку с тобой!
Перестань же, не вой:
я и так сам не свой!
Средь "колесных" занятий,
матюков и проклятий,
я с ума чуть не спятил
среди тайги и болот, -
так и вижу: в халате
тянешь крылья объятий
ты всю ночь напролет.
Перестань, не тяни:
перепутаю дни -
и ступлю на порог
в неназначенный срок!

Страдание

Зарастает дорожка к кринице,
родничок где-то новый забил.
То в столице ты,
то - за границей...

Разлюбил ты меня, разлюбил.
А я тебя люблю - люблю того еще -
который так счастливо хохотал,
когда сбежали мы с тобой со сборища
твоих друзей - на Мегу, в краснотал.

Вот опять ты уехал в столицу
и, быть может, теперь навсегда...
Уезжай! Я не буду сердиться:
я для этого слишком горда, -
хоть и люблю тебя - люблю того еще, -
который так безумно хохотал,
когда сбежали мы с тобой со сборища
твоих друзей - на Мегу, в краснотал...

* * *

По улогам все смородина,
а брусника - во бору...
Ой, Сибирь, вторая родина,
я пришелся ко двору!

Четверть века все же шаила
думка искоркой в углях:
если что, так ведь большая, мол,
за Уралом есть земля...

Ведь сюда я шел не рекрутом -
заманили глубь и ширь.
И теперь большее некуда
и родней, чем ты, Сибирь!

На твоих ли на просторах-то
уработаюсь я всласть.
У меня довольно пороха:
и запалке - не пропасть.

Леночке с Анастасиею -
синеглазым дочерям -
им любовь свою к России я
и к Сибири
передам.

Город над Мегой

Город над Мегой сегодня укрыт белым снегом.
А на бетонке вьюга - как песок голубой...
В город над Мегой
еду я с вахты - домой!

Город над Мегой весною вселенским ковчегом
высится средь половодьем залитых болот.
Город над Мегой
полон весенних хлопот.

Где бы я не был - меня, как паломника в Мекку,
сердце влечет, я лечу, забывая покой -
в город над Мегой,
в город над Мегой-рекой.

"Город над Мегой..." - кто-то процедит надменно.
"Город над Мегой!" - скажу я спокойно в ответ:
"Город над Мегой!"
- лучше которого нет!"

* * *

Как родимый отец, - строго, - ректор сказал:
"Направление в Сибирь я тебе подписал!"
Подписал? Ну и что ж: аль Сибирь мне невеста?
Отпашу свой оброк - и на новое место:
приглашали меня земляки в Бугульму.
Подписал? Ну и Бог с ним... И - быть по сему!
Я поехал. Без страха. Без радости - тоже.
Как на встречу с невестой - рябой иль пригожей?
Был наш ректор жестокий и хитрый мужик:
тридцать лет не прошло - к северам я привык.
Ох, крепка оказалась сибирская сворка!
Я судьбою своей подтвердил поговорку...
Подо мной проплывает матерый кедрач -
от любви разрывается сердце - хоть плачь!
Тот кедрач, как бобер, припушен сединою:
по опушкам березки белеют сквозь хвою...
Изумрудная замша весенних болот...
Одинокий, разбитый донельзя, балок...
Вот и озеро...
Формой на сердце похоже...
А на нем - буруны... Или лебеди, может?
Вправду - лебеди!..
Крылья-то - как паруса...
Чудо-птицы!.. Привольного края краса...
...Сколько белых ночей надо мной пролетело
лебединою стаей!.. Голова поседела...
Лишь, как прежде, душа - молода... Молода! -
над душою не властны, как видно, года.

Оглавление

I. Связь времен (вместо предисловия)	3
II. Здравствуй, сосед!	
Саша. Внук незнакомки?	7
Дорога на Харампур	14
Как теща зятя разговорила	22
Татьяна, или Если песни поют на гулянках, то жива у народа душа	28
"Меджевскому - можно"	34
Руки, которые без работы зябнут	42
Похороненный и воскресший	50
Мой друг и друг тайги - калмык	57
"Галина - тишина или спокойствие (греческ.)"	62
Козырная "карта"	68
Поплачем о друге, поплачем...	72
III. Однажды и навсегда	
Однажды и навсегда	79
Объяснительный подход	86
Техника - профессия моя и хобби	92
Лики творчества	100
Испытание на прочность	108
"Вятские - ребята хваткие"	111
Миллион алых роз...	116
"Жизнь - не бетонка, не переложить..."	123
Романовна	127
Не просто профессия	131
Специальный приз	135
Возвращение на круги своя	143
Чувство уровня, или Бульдозерист - сын бульдозериста	147
Серебряные свадьбы	151
IV. Мегионские мотивы (стихи)	
Метаморфозы	156
То ли день, то ли ночь...	160
Звезда над Мегионом	161
Притяжение	162
Мегионочка	163

Предновогоднее (шутливое)	164
Медитация	165
На рыбалке	166
Мегионское танго	167
Сонет о вас	168
Непогода	169
"Пусть морозы суровы, как прежде..."	170
Предвесенье	171
Над Мегионом	172
"На фронте мы не воевали..."	173
Реликты	174
Девушки из нефтеразведки	175
"Где-то на топких болотах..."	176
Храм	177
Балок	178
В отпуске	179
"Уходит геолог на пенсию..."	180
Буровик	181
На фонтане	182
"Колесный" романс	183
Страдание	184
"По улогам все смородина..."	185
Город над Мегой	186
"Как родимый отец..."	187

Козлов В.Н.

"Мегионцы - это мы!" Книга очерков и стихов. Первая часть содержит 25 очерков и около 40 стихотворений. Очерки и стихи публиковались в региональных газетах и журналах, на радио в 1992-96 гг. Автору трижды присуждались первые премии в различных конкурсах на лучший очерк.

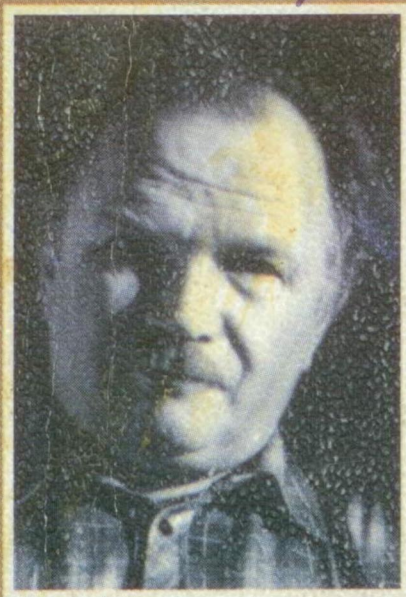
Вторая часть будет представлена в основном новыми материалами. Расширится и круг героев: будут очерки о достаточно известных мегионцах. Тематика стихов также не ограничится мегионскими мотивами.

Мегионцы - это мы
Виктор Николаевич Козлов
Редактор *А.Романова*
Набор *Е.Федулина*
Корректор *В.Козлов*
Лицензия Плр № 040258

Сдано в набор 02.10.96г. Подписано в печать 12.12.96г. Формат 60х44-1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Times New Roman Cyr"
Тираж 1300 экз. Заказ R-40/58.

Районное издательство "Приобье"
г.Нижневартовск

15000р

Козлов Виктор Николаевич.

Родился летом 1937 года на Алтае в селе Озеро Красилово. Закончил Уфимский нефтяной институт, горный инженер. В Тюменской области с июля 1961 года. Помощник бурильщика, инженер, старший инженер, главный технолог, главный инженер /партии, объединения, экспедиции/. Автор рацпредложений, изобретений, участник открытия многих месторождений нефти и газа. И, параллельно, автор стихов и прозы. Более трехсот публикаций в СМИ, в семи коллективных сборниках, трех книгах, выходивших в Москве, Свердловске /Екатеринбурге/, Нижневартовске. Это - четвертая книга.

Лауреат поэтического конкурса и трех очерковых.
Отец двух дочерей. Живет в г. Мегионе